

БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Е.И. Кульчицкая

ВОСПИТАНИЕ
ЧУВСТВ ДЕТЕЙ
В СЕМЬЕ

БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Е. И. Кульчицкая

ВОСПИТАНИЕ
ЧУВСТВ ДЕТЕЙ
В СЕМЬЕ

КИЕВ «РАДЯНСЬКА ШКОЛА» 1983

Рукопись рецензировала старший научный сотрудник НИИ общих проблем воспитания АПН СССР, кандидат педагогических наук А. М. Нисова.

Кульчицкая Е. И.
К90 Воспитание чувств детей в семье.— К.: Рад. школа, 1983.— 120 с.— (Б-ка для родителей).
В обл.: 20 к. 170000 экз.

В пособии освещаются пути формирования у ребенка моральных, интеллектуальных и эстетических чувств в разные возрастные периоды. Адресуется родителям, учителям, широкому кругу читателей.

К 4311000000—138
М210(04)—83 215—83

74.913

ОТ АВТОРА

Коммунистическая партия и Советское правительство, последовательно проводя курс на дальнейший подъем народного благосостояния, уделяют большое внимание созданию благоприятных условий для роста населения нашей страны и воспитания подрастающего поколения. Идеиное и нравственное воспитание молодежи является задачей государственной важности. «Мы располагаем большими материальными и духовными возможностями для все более полного развития личности и будем наращивать их впредь,— подчеркивалось в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС.— Но важно вместе с тем, чтобы каждый человек умел ими разумно пользоваться. А это, в конечном счете, зависит от того, каковы интересы, потребности личности. Вот почему в их активном, целенаправленном формировании наша партия видит одну из важных задач социальной политики»¹.

Формирование человека коммунистического будущего осуществляют школа, пионерская организация, комсомол и все наше общество с его социалистическим образом жизни, духовным богатством и высоким гуманизмом. Особая роль в воспитании личности принадлежит семье. Именно семья может ненавязчиво преподнести ребенку и высокие нравственные идеалы, и социальные ценности, и важные, просто необходимые в человеческом общежитии правила поведения.

В каждой семье могут быть созданы условия для переживания ребенком чувства гордости за свою Родину, удовлетворения от труда, радости от успехов в школе, чувства долга и обязанности, чувства уверенности и достоинства. Именно в семье формируются гражданские чувства.

На огромное значение эмоций и чувств в воспитании ребенка неоднократно указывал Василий Александрович Сухомлинский. «Необходимо,— писал он,— чтобы детские годы стали школой доброты, человечности, чуткости. Только при этом условии в том чутком музыкальном инструменте, которым является сердце

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 63.

человека, будет вся гамма благородных человеческих чувств — от тончайшей, чувствительной заботы о матери до ненависти к врагу, непримиримости к идейному противнику»¹.

Известный украинский советский писатель П. А. Загребельный, выступая на XXVI съезде Коммунистической партии Украины, подчеркивал, что в процессе формирования нового человека мы должны исходить «из предпосылки, что человек с неразвитыми чувствами не может быть ни образованным гражданином, ни хорошим специалистом»².

В предлагаемой книге сделана попытка показать естественный процесс формирования эмоциональной сферы ребенка в семье с учетом его возрастных особенностей. Изложение материала представлено в практическом его преломлении.

¹ Сухомлинский В. А. Избранные произведения. В 5-ти т. К., 1980, т. 3, с. 480.

² Літературна Україна, 1981, 11 фев.

ЧТО ТАКОЕ ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ?

Деятельность человека определяют разум и чувства. Разум управляет, руководит, ведет по правильному пути, согласует все помыслы, соотносит поведение с требованиями морали, с общественными воззрениями. А чувства? Они часто вносят сумятицу в нашу жизнь, уводят в сторону, дезорганизуют поведение, заставляют говорить то, что, казалось бы, нужно держать «за семью печатями». Наверное, чувства мешают нам жить. Может быть, нам было бы спокойно и легко, если бы мы могли не страдать, не волноваться, не ревновать, не чувствовать угрызений совести, не любить? Но природа создала нас безразличными. Мы всегда выражаем отношение к тому, с чем сталкиваемся: радуемся новому платью, наслаждаемся хорошей музыкой, с удовольствием идем в театр, любим произведения Левитана.

Мы волнуемся, ненавидим, боимся, стыдимся, наслаждаемся, любим, страдаем. Трудно перечислить всю гамму человеческих чувств.

Чувство — это отношение человека к миру и людям, с которыми он общается, к предметам, вещам, к цвету предметов, их запаху, звукам, форме. Все вызывает у нас эмоциональный отклик, переживается нами как напряженное психологическое состояние. Чувство подчас захватывает нас врасплох, мы не можем избавиться от него с помощью нашего сознания, чувство может даже руководить нами. Но, несмотря на это, именно чувства делают нашу жизнь полноценной, благодаря чувствам мы испытываем счастье, радость, восторг, любовь. Мы наслаждаемся прекрасным, переживаем ни с чем не сравнимую радость открытия нового.

Чувства полярны — мы любим и ненавидим, испытываем удовольствие и неудовольствие, радуемся и грустим. В чувстве выделяют также силу и глубину его. В зависимости от того, насколько важен для нас объект, насколько значима ситуация, насколько уважаем нами человек, мы будем испытывать сильное или слабое чувство. Как больно, горько, когда близкий человек проявит к нам безразличие, но мы будем спокойны, если человек

посторонний не окажет нам внимания. Как бурно мы радуемся, получив приятное для нас сообщение, и как горюем, теряя близких. Сильное чувство нас всецело захватывает, мы полностью в его плену, оно не позволяет думать о чем-то другом. Но, увы, как это ни странно, чувства, даже очень сильные, поддаются закону адаптации, или привыкания. То, что когда-то приводило в восторг, через какое-то время — месяцы или годы — кажется смешным, наивным; что радовало, восхищало, становится безразличным, что огорчало, волновало, теперь воспринимается очень спокойно. Чтобы чувство было сильным, оно должно питаться чем-то, иметь неиссякаемый источник.

Как же мы узнаем чувство? Чувств очень много, но мы ошибочно определим — вот у этого человека горе, а этот радостен, этот почему-то раздражен, а вот тот опечален. Откуда мы получаем такую информацию?

Еще в прошлом веке Ч. Дарвин удивил и озадачил всех своей теорией естественного отбора. В подтверждение справедливости своего учения о происхождении человека в работе «Выражение эмоций у человека и животных» ученый на большом фактическом материале доказал, что эмоции и чувства, которые считались «святой святыней» человеческой души, есть и у животных. Оказывается, наши меньшие братья, виляя хвостом, подобострастно склоняя морду или оскаливая зубы, принимая угрожающую позу, издавая свирепые звуки, выражают четко определенные эмоции. Действительно, не трудно уловить идентичность во внешних формах проявления гнева, страха, грусти и т. д. у человека и у животных. Ч. Дарвин писал: «...молодые и старые представители совершенно различных человеческих рас, а также различных видов животных выражают одинаковые душевные состояния одними и теми же движениями»¹. Действительно, присмотритесь к тому, как во гневе собака оскаливает зубы. Уши при этом у нее оттягиваются и плотно прижимаются к голове, шерсть взъерошивается, а вся поза выражает готовность к нападению. А человек в состоянии ярости? Та же поза: стиснутые зубы, сжатые кулаки, красное лицо, блестящие глаза, поднятая голова.

Однако, несмотря на общие черты, наблюдаемые во внешних проявлениях чувств людей и животных, чувства людей принципиально отличаются от эмоций животных. Это отличие возникло в процессе общественно-исторической жизни людей. Та наследственная основа, которую люди получили по линии своих предков-животных, изменялась, развивалась, приобретала чисто

¹ Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. — Полн. собр. соч. М., 1953, т. 5, с. 912.

человеческие формы проявления. «Голод есть голод, — писал К. Маркс, — однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов»¹. То есть чувства постепенно «очеловечивались», облагораживались и по внешней своей форме и по содержанию. Современный воспитанный человек и во гневе не позволит себе ударить другого, унижить, оскорбить, а найдет иную, достойную форму проявления своего чувства; в горе он не будет кричать, рвать на себе волосы, кататься по полу, как это не так уж давно делали наши предки. Человек, воспитываясь в обществе, овладевает своими эмоциями, сдерживает их неуместное проявление. Чувства у людей богаче, сложнее и разнообразнее, чем у животных. Возникновение трудовой деятельности, общение, формирование духовных потребностей породили у людей принципиально новые чувства — моральные, интеллектуальные, эстетические. Содержание чувств людей определяется их образом жизни, реальными общественными отношениями.

Итак, если в форме внешнего проявления мы находим много общего с животными, нашими предками, то содержание чувств людей определяется общественно-историческими условиями.

Какие же внешние реакции относятся к так называемым выразительным движениям, сопровождающим то или иное чувство? Выражение эмоций включает в себя мимические реакции, изменения в состоянии и деятельности внутренних органов, а также изменения гуморального характера (химизм крови, обмен веществ и т. д.). Если выразительные движения у животных служат одним из средств биологического приспособления к среде, то у человека они выполняют иную функцию — являются одной из форм общения. По ним мы можем «прочитать», как человек к нам относится, как он себя чувствует, что ему нравится, что он любит и что ненавидит. К. Д. Ушинский утверждал, что ничто не передает так верно и точно нас самих, как наши чувства. А если к чувствам присоединить поступки, то это уже «портрет» личности, которую нам предстоит познать. Особенно благодатны для распознавания того или иного чувства мимические реакции: блестящие, широко открытые глаза, приподнятые брови, улыбающийся рот, порозовевшее лицо «скажут» нам, что человек испытывает радость, может быть счастье. Улыбка, выражение глаз позволяют нам «прочитать» все оттенки переживания: бывает улыбка застенчивая, нежная, надменная, радостная, горькая. Так, подсчитано, что Л. Н. Толстой в своих произведениях называет 85

¹ Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 718.

оттенков выражений глаз и 97 оттенков улыбки, передающих эмоциональное состояние героя. Вспомним, как описывает Л. Н. Толстой выражение лица Наташи Ростовой, ухаживающей за раненым князем Андреем: «На взволнованном лице ее, когда она вбежала, было только одно выражение — выражение любви, беспредельной любви к нему, к ней, ко всему тому, что было близко любимому человеку, выражение жалости, страдания за других и страстного желания отдать себя всю для того, чтобы помочь им.

Чуткая княжна Марья с первого взгляда на лицо Наташи поняла все это и с горестным наслаждением плакала на ее плече»¹.

Но еще лучше мы сможем понять человека, если имеем возможность слышать его голос, наблюдать движения — пантомимические реакции. По манере держаться, двигаться, по общему состоянию человека мы можем судить о том, что он грустен, взволнован, обижен, негодует, что с ним произошло что-то необычное. Печаль мы узнаем не только по выражению лица, но и по общей угнетенности, расслабленности. О том, что человек гневается, «скажут» нам стиснутые зубы, напряженная поза, голос, переходящий на крик. Еще большие возможности для выражения той или иной эмоции имеет голосовой аппарат. Изменяя интенсивность голоса, его высоту, тембр, мы можем передать разнообразнейшие оттенки чувств — нежность, гнев, удовольствие, неуверенность, опасение. А. С. Макаренко писал, что он стал настоящим педагогом только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15—20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса.

Интонационная окраска произносимых нами слов служит не только средством выражения нашего эмоционального состояния, но способна оказывать воздействие на других людей, стать средством оценки событий окружающей действительности. Слова, сказанные с определенной интонацией, сильнее воздействуют на человека, вызывая в нем не только соответствующие мысли, но и эмоциональный отклик. Используя эмоциональную окраску одних и тех же слов, можно выразить и сомнение, и радость, и глубокую иронию, и восхищение, и презрение.

В нашей повседневной жизни, в общении мы обычно употребляем один термин, характеризуя эмоциональное состояние человека — чувство, но в действительности эмоциональная сфера человека намного шире и выражается в понятиях: *эмоции, чувства, эмоциональный тон ощущений, эмоциональные состояния (аффекты, страсти, стрессы, фрустрация, настроение)*.

¹ Толстой Л. Н. Война и мир. — Собр. соч. В 14-ти т. М., 1951, т. 7, с. 58.

Эмоциональный тон — это как бы эмоциональная окраска наших ощущений и восприятий. Общаясь с людьми, покупая те или иные вещи, продукты, гуляя на улице, выезжая «на природу», мы постоянно сталкиваемся с самыми разнообразными свойствами предметов — ощущаем запах, вкус, слышим звуки, видим краски. И оказывается, что даже такое первоначальное ознакомление с предметами нам далеко не безразлично. Мы говорим: неприятный запах, любимое занятие, скучная книга, возмутительный поступок, успокаивающий цвет, холодный тон собеседника, смешная история и т. д. Такая эмоциональная окраска воспринимаемых объектов свойственна людям.

Особенности наших ощущений и восприятий имеют огромное практическое значение для каждого человека конкретно, и в сфере производственной деятельности, и в практике общения человека с окружающими людьми, и в быту. Неприятный запах того или иного продукта не просто неприятен, но он как бы кричит нам: «Будьте осторожны! Продукт, вероятно, испорчен!» Белый цвет не просто вызывает беспокойство, но это беспокойство предостерегает: «Избыток белого цвета приводит к очень серьезному заболеванию глаз». Производственные шумы, неприятные запахи, общий неуют того помещения, в котором работает человек, снижают его работоспособность и даже повышают количество брака.

Эмоция, в отличие от эмоционального тона, — более сложное явление психики. Эмоция возникает в конкретной ситуации, имеет определенное содержание, сопровождается соответствующими выразительными реакциями. Эмоция — это непосредственное переживание, которое возникает в ситуации и в котором выражается отношение человека к этой ситуации. Так, мы испытываем наслаждение, восхищение, удовольствие, читая интересную книгу, слушая любимое музыкальное произведение. Мы боимся темноты и, зная это, избегаем ходить по темным улицам, оставаться в темной комнате, а если случается нам все-таки идти поздно вечером домой, мы испытываем состояние страха: каждый шорох бросает нас в дрожь, мы замираем, цепенеет от ужаса, обливаемся холодным потом. Эмоции, как правило, связаны с непосредственным впечатлением. Мы получили очень тяжелое для нас известие, поэтому расстроены, угнетены, опечалены. Вот как В. Г. Белинский описывает в письме к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г. чувство гнева, которое охватило его по поводу бесчеловечного обращения самодура-соседа со своей женой: «... рядом со мной живет довольно достаточный чиновник, но недавно узнал я, что он разбил жене губы и зубы, таскал ее за волосы по полу и бил за то, что она не приготовила к кофею хороших сливок... Выслушав эту историю, я заскрежетал зуба-

ми — и сжечь злодея на малом огне казалось мне слишком легкой казнью, и я проклинал свое бессилие, что не мог пойти и убить его, как собаку»¹.

Итак, эмоция всегда вызывается конкретной ситуацией, она возникает мгновенно, характеризуется острым протеканием и затем постепенным спадом.

Однако эмоции не существуют в психике человека обособленно, они переживаются в составе сложных и устойчивых *чувств*. Чувства же реализуются в конкретных эмоциях. Так, мы очень любим музыку и поэтому ходим в театры, посещаем концерты, не пропускаем ни одного сколько-нибудь заметного события в музыкальной жизни нашего города, читаем соответствующую литературу. Но это общее устойчивое чувство любви проявляется в конкретных эмоциях: мы в восторге от музыки Бетховена в исполнении Рихтера; мы несказанно рады тому, что приобрели новую книгу о музыке; мы огорчены тем, что сегодня нам не удалось попасть на концерт; мы благодарны нашему коллеге за то, что он помог нам приобрести интересующие нас ноты, и т. д. Диапазон самых разнообразных эмоций, в которых выливается чувство, может быть очень велик — все зависит от содержания чувства.

К *эмоциональным состояниям* относят аффекты, страсти, стрессы и настроения. *Аффект* — очень бурная, сильная и относительно кратковременная эмоциональная реакция. Так, гнев, ярость, ужас — это аффективные состояния: существуют аффективная ревность, радость, ненависть и т. д. Аффект — это вспышка, неистовый шквал, буря. Как правило, в аффективном состоянии человек теряет волевой контроль над своим поведением, утрачивает самообладание, у него нарушается осознанное восприятие действительности. Мы сами не раз бывали свидетелями того, как в припадке ярости или от неожиданной радости человек говорит и делает то, чего никогда не позволит себе в спокойном состоянии и о чем потом, когда успокоится, жалеет. Чаше всего аффективные состояния возникают у людей в острых жизненных ситуациях. Аффективное состояние может вспыхнуть неожиданно и сильно, но иногда оно может быть подготовлено накопившимся в человеке раздражением по отношению к окружающим.

Однако склонность человека к аффективным вспышкам зависит не только от состояния его нервной системы или особенностей темперамента (чем очень часто оправдывают такие эмоциональные срывы), но и от степени воспитанности, умения владеть собой. Аффективные вспышки по самым пустяковым причинам — признак невоспитанности и распушенности.

¹ Белинский В. Г. Письма. — Полн. собр. соч. В 13-ти т. М., 1956, т. XII, с. 68.

Близки к аффектам *страсти*. Страсть — это тоже сильная, бурная эмоция, полностью захватывающая человека и подчиняющая его себе. Однако, в отличие от аффекта, страсть длительна, устойчива. Страсть всегда проявляется в сосредоточенности, собранности сил человека, в их направленности на достижение объекта страсти. Н. Г. Чернышевский писал, что страсть берет человека в свой плен по-разному в зависимости от наличия или отсутствия препятствия к ее удовлетворению. Так, сильные страсти кипят бурным потоком, если встречаются много препятствий, когда же человек находится в благоприятных условиях, его страсти, сохраняя силу, не имеют раздражительного характера. Можно говорить о страстной увлеченности человека своим делом, о страстном желании чего-то добиться, что-то выполнить. Содержание страсти человека определяется нравственным смыслом того, на что направлена эта страсть. Так, у человека может быть страсть к науке, исследованиям, к литературе, искусству, к чтению книг, к театру и может быть страсть к алкоголю, к наркотикам, к карточной игре, к обогащению и т. д. И нужно обладать достаточно сильной волей, чтобы понять направленность своей страсти и, если она пагубна, попытаться с нею справиться, потому что страсть полностью захватывает человека.

К эмоциональной сфере человека относится также *стресс*. Термин этот появился совсем недавно. В обыденном словоупотреблении под термином «стресс» понимают нервное напряжение (англ. *stress* — давление, напряжение, нажим). В научной же литературе стресс определяется как «неспецифический ответ организма на предъявленное ему требование»¹. Как понимать это определение? Ганс Селье, основоположник учения о стрессе, комментирует это определение следующим образом: наш организм специфически реагирует на каждое предъявляемое ему требование — мы съели соленую пищу, и нам хочется пить, чтобы вывести из организма излишки соли; на холоде мы дрожим, и наши кровеносные сосуды сужаются, уменьшая потерю тепла; в жару мы потеем, и испарение охлаждает нас. Это и есть специфическая реакция организма на внешние агенты. А вот в конфликтных ситуациях, при опасности, при различных физических и умственных перегрузках, при необходимости принять быстрое и ответственное решение у человека возникают неспецифические защитные реакции, в результате которых в ответ на сильные или сверхсильные внешние воздействия организм мобилизует все свои ресурсы. Стрессовое состояние вызывает изменения в работе сердечно-сосудистой и дыхательной систем, биохимические сдвиги в крови, изменяет электропроводимость

¹ Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979, с. 27.

кожи. Заметные нарушения наступают и в поведении человека: оно становится в большей или меньшей степени дезорганизованным, нецеленаправленным, появляются беспорядочные и нецелесообразные жесты, речь становится отрывистой и несвязной. При сильном стрессе изменения в поведении, психической деятельности еще более заметны: внимание расстраивается, особенно ощущаются трудности в его переключении и распределении, возможны ошибки восприятия, памяти, наблюдаются неадекватные реакции на неожиданные раздражители. К числу изменений поведения в стрессовом состоянии относятся затруднения в осуществлении функций, требующих сознательного контроля, а навыки, автоматизированные и изученные формы поведения не только тормозятся, но могут заменять собой сознательно направленные действия, то есть при сильном стрессе «срабатывают» сформированные ранее системы. Однако стресс — это не только диссонанс в нашем поведении, не только отрицательные эмоции. «Полная свобода от стресса, — пишет Г. Селье, — означает смерть. Вопреки распространенному мнению, мы не должны и не в состоянии избегать стресса. Стресс в его не-сильной форме проявления вызывает и прилив сил, и активизацию деятельности, особую ясность и четкость мысли, то есть стресс это не только враг, но и помощник»¹.

Настроение — это эмоциональное состояние, отрицательно или положительно окрашивающее психическую деятельность человека. Настроение часто возникает как результат пережитой эмоции: получив приятную, радостную для нас весть, мы несколько дней пребываем в приподнятом настроении. Мы улыбаемся, даже если нас толкнули в троллейбусе; более мягко, чем обычно, отчитываем нашего сына за плохую оценку, быстрее и лучше выполняем свою работу. А если мы огорчены, обижены, то всем недовольны, ссоримся из-за пустяка, вступаем в конфликты по мелочному поводу, с трудом справляемся с работой.

Наше настроение нам часто кажется неясным, непонятным, неизвестно откуда взявшимся. Но настроение всегда обусловлено какой-то причиной — видимой или скрытой. Так, наше плохое настроение может быть вызвано тем неприятным разговором, который состоялся с мужем за завтраком, нам радостно, что наш сын получил грамоту за спортивные достижения, мы целый день пребываем в угнетенном состоянии, потому что дома осталась заболевшая дочь. Настроение определяется теми жизненными обстоятельствами, в которых находится человек. Так, успех в той или иной деятельности вызывает у человека радостное настроение, прилив сил, желание достичь большего. Общая удовлетво-

ренность жизненными позициями, коллективом, в котором человек работает, налаженный быт, хорошие взаимоотношения в семье создают у человека устойчивое и длительное бодрое настроение. Но стоит хотя бы одному звену нашей жизни выйти из строя, и наше настроение безнадежно испортится. Нелады в семье, конфликты на работе, неустойчивость быта делают наше настроение устойчиво испорченным: печальным, угнетенным или тоскливым. Длительное плохое настроение — показатель того, что в жизни человека не все благополучно.

На настроение человека влияют общественная жизнь, социальные условия. Наша социалистическая действительность, ясность жизненных перспектив личности, уверенность в завтрашнем дне создают бодрое, оптимистическое настроение.

Источником настроения человека может быть и его физическое состояние. И сильная боль, и просто недомогание — причины плохого настроения.

Настроение не так уж безобидно, как нам иногда кажется. Оно изменяет наше поведение, стимулирует или подавляет активность, улучшает или портит наши взаимоотношения с окружающими.

Еще более сложным является состояние так называемой *фрустрации*. Его вызывают отрицательные эмоциональные переживания, неудовлетворенность жизнью, частые неудачи человека в той или иной деятельности. Фрустрация возникает в результате того, что человек на пути к достижению цели сталкивается с препятствиями, барьерами, непреодолимыми или кажущимися таковыми. Состояние фрустрации существенным образом изменяет поведение человека. У одних людей фрустрация проявляется в озлобленности по отношению к окружающим, грубости, раздражительности, угрозах. Такие люди будто «срывают зло» на окружающих. У других такая агрессия переходит во внутренний план — в фантазию: неудовлетворенный, обиженный человек в своем воображении рисует планы мести, представляет, как бы он расправился с обидчиком. И удивительно, такой уход в фантазию иногда помогает: человек успокаивается, словно выполнил все, что наметил. У людей эмоциональных, возбудимых, склонных к самоанализу нередко фрустрация выливается в приступы самобичевания, подавленности. «Я сам во всем виноват, сам причина того, что произошло. Я негодяй, подлец», — корит себя такой человек, хотя при этом он может быть и не виноватым.

Как правило, подобные формы проявления состояния фрустрации свойственны людям с ярковыраженным чувством самолюбия, людям, у которых отсутствуют тормозные реакции, которые плохо подготовлены к невзгодам, жизненным трудностям. Лучший способ избавиться от состояния фрустрации — заменить

¹ Селье Г. Стресс без дистресса, с. 27.

деятельность, блокированную неудачами и барьерами, другой, более перспективной и доступной человеку. Если трудно, если деятельность постоянно сопровождается неудачами, если она не по плечу, стоит задуматься: на правильном ли мы пути и случайны ли наши успехи?

ЧУВСТВА ОТОМРУТ ИЛИ ИМ ЖИТЬ И ЖИТЬ?

Итак, эмоциональная сфера человека чрезвычайно широка и многообразна. Но еще в прошлом веке возникла теория, согласно которой противоречие, издревле существующее между чувствами и разумом, будет все уменьшаться и уменьшаться, а в результате наши чувства отомрут, уступив место разумному поведению. Эта точка зрения время от времени дает о себе знать и в наше время. И сейчас ведется широкая дискуссия по поводу того, что в жизни должно быть определяющим — разум или чувство. По мнению некоторых людей, в наш просвещенный XX век чувства не должны влиять на наше поведение. Мы разумны и можем подчинить разуму наши желания. Мы должны управлять собой и не поддаваться гневу, печали, радости, горю, мы обладаем сознанием и можем подавлять в себе любовь, ненависть или злобу. Но как бы мы ни представляли себе теоретически это «уничтожение» чувств, практически это не осуществимо. Мы очень часто бываем в плену своих чувств: разумом мы понимаем, что наш коллега по работе, который сегодня выступил с острой критикой в наш адрес, был прав, но мы испытываем злость, даже ненависть к нему. Подобные чувства свойственны каждому, они «заглушают» разум, могут направить по неправильному пути наше поведение: один в припадке лютой ненависти оскорбляет мнимого обидчика, другой плачет. Нашу жизнь от рождения до самой глубокой старости наполняют эмоции, сопровождая незначительные и крупные события. И как бы умно, тонко мы ни рассуждали о ведущей роли разума в наши дни, чувства останутся с нами, будут волновать, беспокоить, направлять поведение будущих поколений. Эта точка зрения имеет определенное научное обоснование. Физиологические исследования последних лет свидетельствуют о том, что в мозгу животных и человека расположены анатомические основы эмоций, условно названные центрами «удовольствия» и центрами «наказания». Причем эти центры расположены весьма близко друг от друга. Приведем выдержку из книги американского физиолога Д. Вулдриджа «Механизм мозга»: «Опыт, целью которого было изучение функций ретикулярной системы среднего мозга, проводился на крысах... Исследователь установил в клетке для крысы рычаг и соединил его с внешней электрической цепью так, чтобы всякий

раз, когда крыса нажмет на рычаг, через ее мозг проходил раздражающий ток. Таким образом, нанесение раздражения полностью зависело от самой крысы. В ходе эксперимента сразу же был получен ясный результат. Когда рычаг был отключен от электрической цепи, крыса в своих беспорядочных странствиях по клетке наступала на него от 10 до 25 раз в час. Когда же включали ток, крыса нажимала на рычаг несколько тысяч раз в час! Животные непрерывно раздражали собственный мозг по несколько тысяч раз в час в продолжение 1—2 суток, пока не наступало физическое изнеможение.

Все исследовательские группы, работавшие на обезьянах, кошках и собаках, получили в общем одинаковые результаты»¹.

В исследованиях было показано, что при раздражении током центров «наказания» животное стремится избежать того угла клетки, где оно получило неприятную эмоцию. Домашняя кошка рычала и набрасывалась на любой приближающийся предмет в течение 15 минут, пока производилось раздражение зон «наказания». Подобные данные были получены и на обезьянах: раздражение зон «наказания» вызывало у животных состояния, варьирующие от незначительного до панического страха в зависимости от интенсивности раздражения.

Исследования показали, что системы, управляющие эмоциями, рядорасположены с теми, что управляют «внутренним хозяйством» организма. Эти системы иннервируют внутренние органы, железы внутренней секреции, сосуды, гладкие мышцы. Вот почему эмоции всегда сопровождаются вегетативными проявлениями: при чувстве страха человек бледнеет, зрачки его расширяются, на лбу выступает пот, пересыхает во рту, «замирает сердце»; гнев, печаль, радость сопровождаются иными реакциями.

Чувства всегда являются результатом совместной деятельности коры больших полушарий и подкорковых центров. Кора больших полушарий в нормальных условиях оказывает регулирующее, тормозящее и сдерживающее влияние на подкорковые образования. Мы в состоянии управлять своими чувствами: сдерживаем в себе раздражение, гнев, успокаиваем себя в горе. Однако регулятивные функции коры нарушаются при чрезмерном возбуждении или переутомлении, при опьянении, при чрезвычайно сильных раздражителях. И тогда мы даем волю раздражению, позволяем себе то, в чем потом горько раскаиваемся.

В основе эмоций и чувств лежат также сложные системы условных и безусловных рефлексов. Эмоции являются составным элементом безусловных рефлексов, или актов инстинктивного поведения. По мере появления условных рефлексов возникают

¹ Вулдридж Д. Механизмы мозга. М., 1965, с. 169.

эмоции как условнорефлекторное явление: однажды испугавшись собаки, мы будем шарахаться от всех собак. Страх становится условнорефлекторным, то есть возникает теперь при определенном условии — появлении соответствующего раздражителя.

Итак, нашим чувствам жить. Широкий диапазон их проявления позволяет говорить о различных и совершенно неоднозначных аспектах той роли, которую они играют в психической деятельности человека. Эмоции и активизируют наши действия и подавляют, эмоции поднимают наш жизненный тонус и снижают его, они являются дополнительной и очень важной информацией в нашем познании действительности, и в то же время они могут стать той пеленой, которая скрывает нужную нам информацию. Разберемся более обстоятельно в вопросе о том, для чего нам нужны эмоции, какие функции они выполняют.

В эмоциях отражаются наши потребности — источник активности человека. Именно потребности, материальные и духовные, стимулируют человека к действию: к поиску пищи при возбуждении потребности в еде; к общению, если эта одна из важнейших духовных потребностей — потребность в общении — в силу каких-то причин не удовлетворена; к чтению — для удовлетворения потребности в познании. Конечно, не всякая потребность и не всегда вызывает непосредственно поступок. Много наших потребностей, желаний часто остаются лишь желаниями то ли в силу каких-то внешних обстоятельств, то ли по причине нашей лени, то ли потому, что мы считаем, что такую именно потребность следует в себе подавить, или потому, что у нас просто нет сил осуществить нашу мечту. Чаще всего для того, чтобы потребность вызвала действие, должно быть промежуточное звено — эмоциональный образ. Именно он насыщает потребность, делает объект способным ее удовлетворить, особо притягательным. Включая в себя образы объектов внешнего мира и образы физиологического состояния человека, эмоция становится программой действия. Потребность, отражаясь в эмоции, делает поступки, действия человека пристрастными: в ситуации мы видим прежде всего то, что нас волнует, что нам необходимо, и не видим того, чего избегаем и боимся. Психологические исследования свидетельствуют о том, что в той или иной ситуации, особенно в неопределенной, человек, как это ни странно, в первую очередь видит то, что связано с его побуждениями. Поэтому разные люди в одной и той же, например, кляксе увидят совершенно разное, важное для себя. Голодному такое «нечто» будет казаться чем-то похожим на пищу, другому эта клякса напомнит очертания животного, третьему, склонному к агрессивным формам поведения, она покажется какой-то батальной и т. д. Итак, эмоция — это как бы ступенька от потребности к действию.

Эмоция может сразу вызвать действие либо станет напряженным ожиданием, надеждой на благоприятный поворот событий или же «стоп-краном» возможных действий.

Кант ввел в психологию деление эмоций на так называемые стенические и астенические. Стенические эмоции повышают жизнедеятельность человеческого организма, тонус его психической жизни, астенические — угнетают, ослабляют активность, демобилизуют. Стенические эмоции — любовь, радость, вдохновение, восторг вызывают у человека прилив энергии, высокую работоспособность, бодрость, общий подъем. Недаром в состоянии влюбленности человек готов «горы сдвинуть» с места. Вспомним знаменитую Болдинскую осень — период в жизни А. С. Пушкина перед женитьбой на Наталии Николаевне. Именно в эту осень Пушкин создал лучшие свои произведения.

Анализируя творчество А. Блока, Анатолий Александров пишет: «Поэт влюбился в актрису труппы Коммисаржевской Наталью Волохову. С конца декабря 1906 года он открыто, не таясь «приобщается самой темной и страшной стихии — стихии любви». Об этом огне любви «Снежная маска» — лирический цикл из тридцати стихотворений, созданный в головокружительном поэтическом порыве за несколько январских дней 1907 г.»¹.

А вот еще одно свидетельство роли чувства любви в жизни человека: «Если бы я не встретился с тобою, мой милый друг, моя жизнь была бы тусклой и бездейственной, какой была до встречи с тобою... Без твоей дружбы я не напечатал бы ни одной строки, только лежал бы и читал бы, не излагая на бумаге того, что считал честным и полезным. Твои качества поддерживали мою веру в разумность и благодарность людей»², — писал Н. Г. Чернышевский в письме к жене от 7 июля 1888 г.

Астенические чувства вызываются конфликтом личности с окружающими, неудачами, трудностями, неудачами в деятельности. Особенно опасны конфликты в ситуации трудности. Именно они порождают у человека целый ряд эмоциональных состояний, угнетающих психику, снижающих работоспособность, тормозящих активность. Вспомните: в экспериментальной клетке кошка шарахалась от педали, которую считала причиной своего тяжелого состояния, дрожала от страха или рычала в ярости, когда цепь замыкалась и у животного раздражался центр неудовольствия. Конечно, механизмы поступков человека иные. Имея способность управлять своим поведением, обладая разви-

¹ Александров А. Ветер времени (Хроника жизни А. Блока). — Звезда, 1980, № 10, с. 139.

² Чернышевский Н. Г. Письма. — Полн. собр. соч. В 15-ти т. М., 1949. т. XV, с. 700—701.

той волей, человек не оставит дела, даже если оно и не принесит успеха, будет добиваться справедливости в конфликтной ситуации, если уверен в своей правоте, смело станет доказывать свои положения, если считает их истинными, не испугается, не струсит. Но... все же хочет он того или не хочет, очень часто переживаемые им отрицательные эмоции влияют на его поведение и состояние. Оказывается, что, возникнув при конфликтных ситуациях, отрицательные (астенические) эмоции существенным образом влияют прежде всего на деятельность сердечно-сосудистой системы. Как известно, центры, управляющие и эмоциональной жизнью, и вегетативными процессами, расположены в одних и тех же зонах мозга — таламусе и гипоталамусе, и в связи с этим та или иная эмоция всегда сопровождается вегетативными изменениями в деятельности внутренних органов.

Доказано, что отрицательные эмоции вызывают повышение кровяного давления, а при длительном действии устойчиво повышают давление крови. Если животное поставить в конфликтную ситуацию, то у него можно получить устойчиво повышенное артериальное давление, хотя в естественных условиях у животных оно никогда не бывает повышенным. Тем не менее в экспериментальных конфликтах у совершенно здоровых животных можно получить не только длительную артериальную гипертензию, но даже инфаркт миокарда¹.

Целым рядом физиологических исследований установлены типы конфликтных ситуаций, которые вызывают астенические эмоции, сказывающиеся на повышении артериального давления. Это длительные ожидания вредных воздействий, длительная действующая ситуация необходимости выбрать из нескольких вариантов именно тот, который может удовлетворить возникшую потребность (как в народной сказке, когда герою надо из трех дорог выбрать только одну), длительное воздействие сильными звуками, ожидание действия вредных факторов, ожидание неприятных воздействий. Член-корреспондент АМН СССР К. В. Судаков пишет: «Эмоциональные стрессы у животных развиваются на основе чисто биологических конфликтов. Эмоциональные стрессы человека чаще всего возникают на основе социальных конфликтов. Следует иметь в виду, что эмоциональное возбуждение негативного характера обладает способностью на длительное время оставлять следы в мозгу. Иными словами, при длительной и непрерывной конфликтной ситуации или же при часто повторяющихся конфликтных ситуациях негативное эмоциональное возбуждение может перейти в форму «застой-

ного» статического воздействия и продолжать сохраняться в центральной нервной системе в последующей спокойной обстановке»¹.

Итак, эмоция — и наш враг, и наш помощник.

Состояние удовольствия или неудовольствия, возникающее при нашем восприятии тех или иных объектов (эмоциональный тон ощущений), несомненно является тем незаменимым помощником, который «подскажет», что в данном объекте может быть для нас полезно, а чего следует остерегаться: у мяса запах неприятный — лучше его не есть, на цвет это масло кажется не очень привлекательным — наверное испорчено, то есть эмоция — как бы дополняет информацию о данном объекте, помогает нам в нашем восприятии мира, она регулирует наше познавательное поведение. Эмоции помогают нам понять другого человека, разобраться в его состоянии. Видя по лицу человека, что он чем-то расстроен или угнетен, мы не позволим себе в данный момент просить его о какой-то услуге, постараемся ему чем-то помочь — делом или просто советом. Анализируя поведение человека и разобравшись, что оно вызвано страхом или какой-либо иной эмоцией, мы сумеем понять истинную сущность его поступков. Эмоция дает нам тот важный информационный материал, без которого невозможно человеческое общение. Благодаря не только нашей речи, но и эмоциям, мы понимаем друг друга. И здесь эмоция дополняет ту информацию, которую мы получаем из уст человека. Иногда эмоция «скажет» больше, чем слово, а то и будет прямо противоположной слову. Сколько раз в самых различных жизненных ситуациях мы были свидетелями того, как непосредственные переживания человека противоречивы его словам. Мы часто употребляем фразу: «Думает одно, а говорит другое», но справедливо и такое положение: говорит одно, а чувствует другое. Человек может испытывать к другому острую жалость, но боязнь обидеть его не позволит намекнуть об этом чувстве. Человек может беззаветно любить другого, но, зная, что чувство его не найдет ответа, и не обмолвится о своей любви. Мы можем намеренно скрыть от других свое состояние, не желая делать его предметом обсуждения или пищей для злых языков. Итак, эмоция помогает в нашем общении, делает его более богатым, насыщенным.

Эмоции, возникающие в наших взаимоотношениях с окружающими, превращаются в устойчивые чувства дружбы, привязанности, антипатии, вплетаются в эти взаимоотношения, влияют на наше поведение. Если мы чувствуем, что окружающие относятся к нам с симпатией, что нас уважают, любят, ценят, с нами

¹ Материал взят из книги: Судаков К. В. Сосудистое эхо эмоционального стресса. М., 1979, с. 20—46.

¹ Судаков К. В. Сосудистое эхо эмоционального стресса, с. 46.

хотят посоветоваться, то как легко и радостно нам работается! Если же в коллективе отношения складываются неудачно, то нам не хочется идти на работу, да и работа не клеится. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что хороший психологический климат в коллективе, насыщенный «теплыми» эмоциями, радостью взаимного общения, симпатиями, любовью каждого к своему коллективу, повышает производительность труда, делает работу приятной. Взаимные антипатии в коллективе, склоны, ссоры и конфликты во многом понижают работоспособность.

Эмоции стимулируют нашу деятельность, наш поиск, наши искания, вносят страстность в наше дело. Они — составляющий компонент убеждений, интересов, стремлений человека.

«Без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины»¹, — писал В. И. Ленин. Эмоции дают вдохновение, они заставляют нас глубже вникать в сущность того или иного явления, проявлять упорство, когда, казалось бы, уже ничего не можешь сделать, добиваться, когда много препятствий. Интерес к делу немислим без эмоции. Эмоция поддерживает в нас стремление к математике, литературе, технике, искусству. Эмоция — основа наших увлечений. Интерес всегда эмоционально окрашен: нам интересно, потому что нам приятно, и нам приятно, потому что нам интересно.

Наши убеждения и стремления спаяны, сращены с чувством — прежде всего чувством уверенности в правильности, истинности нашего знания о чем-то. Убеждения потому и являются не просто знаниями, а именно убеждениями, что они проникнуты чувствами. Мы так страстны в отстаивании своих убеждений, убеждения так сильны в нас, что они неразрывны с чувствами. Ведь во имя своих убеждений люди шли в тюрьмы, на каторгу, расставались с материальными благами, бросали своих самых близких.

Чувства неразрывно связаны с личностью человека, его поступками, поведением. Наши черты характера, волевые качества во многих своих проявлениях пронизаны эмоциями. Недаром выделяют эмоциональные черты в структуре характера — смелость, трусость, наглость, застенчивость, дружелюбие, эгоизм, заносчивость и т. д. Эти черты имеют в себе необходимым и возможным компонентом то или иное чувство, и формируются они в условиях частого его переживания. Трусливым станет человек или смелым, добрым, отзывчивым или эгоистичным, самолюбивым, гордым, честным или мелочным, склонным, завистливым — будет зависеть во многом от того, как часто ему приходилось на своем жиз-

ненном пути испытывать те или иные эмоции. В такой же мере многие волевые качества человека строятся на основе тех или иных переживаний. Выдержка, решительность, настойчивость, способность преодолевать трудности и т. д. или, напротив, слабости будут определяться тем, насколько сильны чувства человека и в какой мере эти чувства были использованы в процессе воспитания человека.

Наконец, чувства и эмоции являются мотивами наших поступков. Страх может толкнуть на подлость, на предательство, на обман; гнев или просто обида могут стать источниками самых разнообразных поступков по отношению к окружающим — от явной грубости до затаенного желания мщения, стыд может стать причиной тяжелейших мук совести и даже толкнуть на самоубийство, горе может вызвать невроз, трудно поддающийся лечению. Психиатрии хорошо известны невротические состояния, вызванные той или иной эмоцией — сильной или почти незаметной, но длительно действующей.

Итак, мы пришли к выводу, что от эмоций никуда не денешься. А в связи с этим нам, родителям, следует знать, как они развиваются у детей, чтобы научиться их распознавать и вовремя направлять. Ведь не все чувства и эмоции даны нам от рождения, многие из них имеют условнорефлекторный характер. Многие формируются прижизненно в тех или иных условиях развития ребенка, а конкретное содержание их определяется теми конкретными обстоятельствами, в которых осуществляется процесс воспитания. И потому нужно знать, какие обстоятельства приводят к формированию одних чувств, какие способствуют развитию других, от чего зависит становление тех или иных эмоциональных черт характера.

Необходимо знать также, в каких ситуациях чувство может стать мотивом поступка и почему чувство, закрепляясь, делается устойчиво действующим мотивом. Все эти и многие другие вопросы мы рассматриваем в последующих разделах книги, чтобы расширить знания родителей о процессе формирования у ребенка такой важной и практически значимой области, какой является эмоциональная сфера.

Расскажем об особенностях становления эмоциональной сферы ребенка от первых дней его жизни до юношеского возраста. Это даст возможность проследить развитие чувств ребенка, понять, как появляется то или иное чувство, как оно изменяется, при каких условиях закрепляется и почему может исчезнуть. Постараемся показать и возможные способы воздействия на ребенка с целью усилить или, напротив, преодолеть или хотя бы заглушить то или иное эмоциональное состояние. Начнем с характеристики младенческого возраста.

¹ Ленин В. И. Рецензия. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 112.

Прежде чем анализировать чувства маленького ребенка, выяснять, «на что он способен», давайте заглянем в его прошлое, — тот период, который медики называют пренатальным — период до рождения (период после рождения называется постнатальным). Как свидетельствуют исследования последних лет, особенно работы члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР И. Г. Светлова, период до рождения не так уж прост, не «бездеятелен», не безопасен, как казалось раньше. Матери нужно заранее заботиться о будущем физическом и психическом здоровье своего ребенка. Речь идет о том, что женщине необходимо разумно отнестись к своему общему психическому состоянию, к своему здоровью в тот период, когда она решила иметь ребенка. Медики настоятельно советуют учесть при этом такие два фактора: во-первых, избегать зачатия в тот период, когда один из супругов проходит какой-либо курс лечения и организм его «напичкан» лекарствами, и во-вторых, категорически остерегаться возможности зачатия, когда один из супругов находится в состоянии опьянения. Есть немало свидетельств, что именно алкоголь может быть причиной целого ряда заболеваний родившегося ребенка. Это могут быть заболевания почек, печени, сердца, все виды умственной отсталости, начиная от психических расстройств до полной идиотии. Ведь не случайно еще в Древней Греции существовал обычай, согласно которому будущие супруги на свадьбе не имели права пить вино.

Кроме названных двух важнейших условий, обеспечивающих здоровье будущего ребенка, необходимо также знать о так называемых критических периодах в развитии плода, во время которых плод особенно чувствителен ко всякого рода воздействиям, передающимся ему от матери. Установлено целым рядом исследований, что даже наследственно здоровый зародыш может получить ненормальное развитие, если так называемые повреждающие факторы будут воздействовать на него именно в эти критические периоды. Выделяют два таких критических периода — первые дни после зачатия и четвертая — седьмая недели беременности.

В первые три недели внутриутробной жизни происходит образование всех основных эмбриональных зачатков и определяются пути развития различных групп клеток, из которых впоследствии образуются органы и ткани будущего организма. Во время четвертой — седьмой недель формируется плацента — посредник между организмом матери и плода. Этот период важен и тем, что развиваются внутренние органы плода, формируется центральная нервная система и конечности. Вспомните о талидо-

мидовой трагедии в ФРГ — рождении безруких, безногих детей, матери которых во время беременности принимали лекарственный препарат, который якобы способствовал более легким родам. Но оказалось, что он способствовал лишь рождению уродов, особенно если его принимали на пятой—шестой неделях беременности.

Исследования советских эмбриологов показали, что при всей важности учета обоих критических периодов, особенно опасным является второй, так как разного рода нарушения в первый критический период зачастую приводят к гибели эмбриона, что, несомненно, будет меньшим злом по сравнению с тем, если ребенок родится физически или психически неполноценным. После всего сказанного, естественно, возникают вопросы: Чего же следует опасаться матери во время беременности? Какие факторы являются вредными?

Для ответа на эти вопросы обратимся к исследованиям медиков. В этих исследованиях было показано, что такими факторами являются разного рода заболевания будущей матери, особенно вирусного характера, неполноценное питание, недостаток витаминов, употребление лекарственных препаратов типа сульфамидных, кислородное голодание. Не будем приводить веские доказательства, научные выкладки для того, чтобы сформулировать мысль, известную давным-давно: психическое состояние человека зависит от состояния здоровья. Каждая мать хорошо знает, что все проблемы воспитания уходят на последний план, если у ребенка воспаление легких, бронхит, неладно с почками или печенью. И тогда, если ребенок и капризничает, ему все прощают, если просит — дают, требует — тоже уступают, потому что ребенок плохо себя чувствует, и мы готовы любой ценой облегчить его состояние. Поэтому еще раз повторяем: воспитание осуществлять легче, если ребенок здоров, а о здоровье ребенка надо думать заранее.

На что же способен, что понимает новорожденный? Еще совсем недавно такой вопрос и не стоял: казалось, новорожденный беспомощен и, конечно, совсем непонятлив. Однако исследования последних лет свидетельствуют о том, что младенец может не только есть и спать, как это думали раньше.

С помощью четкой экспериментальной методики было опровергнуто заблуждение, согласно которому мозг новорожденного не способен к умственной деятельности. Исследования показали, что ребенок в возрасте трех недель, имея выбор в звуковых воздействиях, предпочитает голос матери. И если мать говорит с ним «не своим» голосом, то он не дает себя обмануть. В ходе экспериментов таким новорожденным показывали незнакомое лицо в сопровождении материнского голоса или же показывали ему

материнское лицо, которое сопровождал незнакомый голос. И в том и другом случае младенцы выражали свое неудовольствие — чувствовали, что происходит что-то не то. Эти и ряд других экспериментальных исследований свидетельствуют о том, что мозг новорожденного уже может не только анализировать воспринимаемые явления: различать голоса, лица близких, но и связывать одно явление с другим, например лицо с соответствующим голосом.

Исследования также показали, что уже первоначальные «умственные операции» сопровождаются эмоциональным компонентом — чувством удовлетворения, покоя, если все в порядке (мать рядом и говорит «своим голосом») и беспокойством, неудовольствием, если вдруг мать становится непохожей на себя. Тогда свой протест, свое неудовольствие ребенок выражает плачем. С помощью плача ребенок дает нам знать о каком-то своем неблагополучии и дискомфорте, а мать понимает: ребенку холодно, он хочет есть, он хочет, чтобы с ним поговорили, хочет, чтобы его покачали. А если все в порядке — гуканье, размахивание руками и ногами, а потом — и улыбка. Таким образом, новорожденный способен испытывать простейшие, как мы говорим, эмоциональные состояния — удовольствие и неудовольствие. Но эти первые состояния связаны не только с биологическими потребностями («я сыт, сух, не испытываю голода, жажды, мне не больно, я не перегрет и потому мне хорошо»), эти эмоции уже в какой-то мере вплетаются в первый социальный опыт ребенка. Ведь ребенок с момента рождения — существо социальное, в его мозгу заложены принципиально отличные структуры, определяющие и принципиально отличное от животных поведение. В первых эмоциональных реакциях ребенка уже проявляются и первые духовные потребности — потребность в общении и потребность во впечатлениях.

Обстоятельные наблюдения за поведением младенца позволили выделить так называемый «комплекс оживления» — особую положительную эмоциональную реакцию, в которую входят следующие компоненты: улыбка, быстрые оживленные общие движения с многократным выпрямлением и сгибанием рук и ног, учащенное дыхание, блеск глаз, голосовые реакции. По поводу того, какими стимулами вызывается этот комплекс оживления — несомненное состояние удовольствия — существуют различные точки зрения. Одни исследователи связывают это состояние с удовлетворением органических потребностей: ребенок поел, ему дали возможность подвигать ручками и ножками, сменили пеленки — ему радостно, приятно, он потому и «оживляется». Другие утверждают: удовлетворение органических потребностей у ребенка лишь ведет к его успокоению, а вот для того, чтобы возник-

ла эмоциональная реакция положительного плана, нужны совершенно иные стимулы — социальные. Комплекс оживления, по мнению этих исследователей, может возникнуть только в ситуации общения ребенка со взрослым человеком. Причиной крика ребенка — как реакции неудовольствия — может быть голод, перевозбуждение перед сном, боль, температурные раздражители.

Положительные же эмоциональные реакции возникают и развиваются лишь под влиянием воздействий на слух и зрение: мать поет ребенку песенку, убаюкивает его, ласково ему улыбается, что-то говорит свое — доброе, материнское, склоняется над ним — вот только тогда и может появиться положительная эмоциональная реакция. М. И. Кистяковская пишет: «...проявление радости впервые возникает у ребенка при внешних воздействиях на его органы чувств, в особенности на глаз и ухо. Тем самым выясняется неправильность той точки зрения, согласно которой положительные эмоции появляются у ребенка при удовлетворении его органических потребностей. Все полученные нами материалы говорят о том, что удовлетворение органических потребностей лишь снимает эмоционально-отрицательные реакции, создавая этим предпосылки для возникновения положительных, но сами по себе их не порождают»¹. Это подтверждает и тот факт, что положительные эмоциональные реакции появляются позже отрицательных и что их проявление связано с формированием так называемого слухового и зрительного сосредоточения, то есть специфического реагирования глаз и ушей ребенка на соответствующие раздражители. Оказалось, что появление комплекса оживления совпадает с началом слухового и зрительного сосредоточения. Примерно до трех недель ребенок, хотя и слышит, но еще не улавливает направления звука, хотя и видит, но не сосредотачивает зрения на объекте. И лишь через три недели после рождения ребенок проявляет слуховое и зрительное сосредоточение — поворачивает голову к источнику звука, водит глазами за движущимся объектом.

Итак, положительные эмоции имеют социальное происхождение, их вызывают люди, окружающие ребенка: улыбка появляется у ребенка впервые при звуках голоса знакомого человека. В процессе речевого общения через интонацию голоса ребенок получает эмоциональный заряд, в ответ на который он реагирует положительными эмоциями. Затем включаются воздействия на зрение — ребенок воспринимает выражение лица взрослого, со-

¹ Кистяковская М. Ю. О стимулах, вызывающих положительные эмоции у ребенка первых двух месяцев жизни. — *Вопр. психиатрии*, 1965, № 2, с. 47.

ответствующее положительно или отрицательно окрашенной интонации.

Есть предположения, что уже у младенца происходит некоторая дифференциация эмоции неудовольствия — это реакции страха и гнева. Так, если над головой маленького ребенка раздается резкий и громкий звук, ребенок вздрагивает, мышцы его напрягаются, он начинает плакать. Такую же реакцию (без плача) можно наблюдать и у взрослых: вы ненароком уронили кастрюлю, сковородку, забыли закрыть форточку, и от сквозняка она резко стукнула, где-то громко хлопнула дверь — все это может стать причиной реакции неудовольствия или страха. Предполагают, что ребенок боится от рождения и потери точки опоры: если резко выдернуть из-под ребенка матрасик, на котором он спит, увидим сморщенное личико, услышим крик. Состояние неудовольствия, опять-таки выражаемое криком, покраснением и сморщиванием личика, можно фиксировать у ребенка в ситуации, когда вы попытаетесь долго удерживать головку, ноги или туловище его в одном положении. Как же поступать при этих первых эмоциональных реакциях ребенка? Когда малыш плачет, нужно ли качать его, прикладывать к груди, петь песенки, успокаивать, или лучше не баловать: пусть покричит, нечего приучать к рукам, или возмутиться: «Ишь ты, такой маленький, а уже криком требует своего»?

Прежде чем разбираться в этих противоречивых точках зрения, проанализируем ситуации, в которых у ребенка возникают эмоции удовольствия и неудовольствия, при этом затронем один немаловажный вопрос: роль положительных эмоций в развитии ребенка. Как правило, родителей больше всего на данном этапе волнуют отрицательные эмоции: ребенок плачет, кричит. — значит что-то его беспокоит, что-то не в порядке. Удовлетворяя органические потребности ребенка, мы снимаем отрицательные эмоции, что ведет к его успокоению.

Известно, какой непоправимый вред приносят психическому состоянию человека и его здоровью частые переживания отрицательных эмоций. Наверное, потому многовековой опыт человечества создал ребенку соску и колыбель — эти универсальные успокоители. И незачем от них отказываться, тем более, что современные научные исследования подтверждают необходимость и важность эмоционального покоя ребенка на самых ранних этапах его развития, снятия отрицательных переживаний, устранения факторов, вызывающих состояние неудовольствия. Так что же делать, когда ребенок плачет? Существуют разные мнения. Педиатры, ссылаясь на секреторную деятельность желудка, советуют матерям давать ребенку грудь только в строго определенные промежутки времени. Тогда ребенок проголодается, и

пища ему будет прямо-таки необходима. Конечно, в этом есть резон. Но при этом не учитывается еще один, может быть, более важный фактор — те положительные эмоции, которые возникают у ребенка при контакте с матерью. Каждая мать знает, что если ребенок плохо себя чувствует, если он устал лежать в одном положении, если озяб и плачет, достаточно взять его на руки, приложить к груди, и он успокоится. В такой ситуации, возможно, и не будет акта кормления с его чисто биологической потребностью насыщения, но будет нечто большее — эмоциональный контакт с матерью, положительные эмоции. Без сомнения, следует кормить ребенка в определенное время. Но если создалась такая ситуация, когда вы чувствуете, что только ваши руки и ваше тепло помогут ребенку успокоиться, мы считаем, можно и «забыть» наставления педиатра, ибо, повторяем, спокойствие ребенка — самое важное и на этом и на последующих этапах его развития. Нужно всегда стараться выяснить, что беспокоит ребенка, что вызывает его крик и покачать, поддержать на руках, поговорить с ним. Ласка, внимание, устранение отрицательных эмоций — это то важнейшее, что необходимо ребенку на первом этапе его жизни. Что же касается того, что он «разбалует», то это мнение является скорее каким-то заблуждением, нежели доказанным фактором. Никто еще не установил, что дети, которых носили на руках, успокаивали, утешали, становились черствыми эгоистами, потребителями. Такие черты могут появиться позже и вызываются они совсем иными факторами. Другое дело, что матери очень загружены и просто не имеют иногда возможности полностью посвятить себя ребенку, устают от бессонных ночей, от стирки пеленок. Но не обязательно постоянно держать ребенка на руках. Речь идет лишь о том, чтобы не перегружать его отрицательными эмоциями, приходить к нему на помощь, если он зовет вас своим плачем.

РОЛЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В РАЗВИТИИ РЕБЕНКА

В этом разделе постараемся определить роль матери в развитии и жизни ребенка. Отсутствие или недостаток материнской ласки, любви очень часто является причиной появления у ребенка не только целого ряда отрицательных, а то и просто тяжелых психических состояний, начиная от чувства незащищенности и кончая озлобленностью, но и чисто физических недомоганий, и даже гибели ребенка. Какими бы ни были прекрасными условия, в которых воспитываются дети-сироты или дети, которых оставила мать, эти дети, подрастая, ищут мать — самое дорогое, близкое и родное существо.

Мы, взрослые, уже имея своих детей, всегда чувствуем себя перед своими матерями детьми. А человеку, никогда не видевшему своей родной матери, вдвойне хочется почувствовать себя ребенком, о котором волнуются, беспокоятся, заботятся. И если ребенок лишен материнского внимания, искреннего и бескорыстного, естественно, он лишается и чего-то очень существенного в своей жизни.

А как быть с бессловесным или совсем маленьким ребенком? Неужели и тогда ему не все равно, чьи руки его одевают, пьют из бутылочки молоком, кто его выводит на прогулку или учит рисовать? Оказывается, не все равно. Есть немало научных исследований, фактических данных, свидетельствующих о том, что общение ребенка с матерью и близкими, особенно в первые годы жизни, является очень важным условием его нормального психического развития и физического здоровья. В первую очередь такое общение рождает целый ряд положительных эмоций, так необходимых для поддержания жизненного тонуса ребенка. Дети, оставшиеся без матери, даже если им и были обеспечены нормальный гигиенический уход, питание, в достаточном количестве игрушки, отставали в психическом развитии — позже начинали ходить, говорить, а главное — у них наблюдались очень серьезные нарушения в эмоциональной жизни: ребенок вскоре после разлуки с матерью становился задумчивым, печальным, часто тихонько плакал, делался замкнутым, у него появлялось отрицательное отношение к окружающим, стремление к уединению, отчуждению. У многих ухудшался аппетит, ночью дети часто просыпались, проявляли беспокойство. Разлука с матерью оказывает влияние и на развитие личностных качеств ребенка, опять-таки эмоционального плана: выросшие без семьи дети менее способны к богатым эмоциональным переживаниям, более замкнуты, черствы. В подростковом возрасте они как бы стремятся восполнить этот остро ощущаемый ими дефицит любви и ласки и потому настойчиво ищут общения со сверстниками или группой сверстников. Многие дети буквально могут влюбиться, боготворить того, кто, по их мнению, может хотя бы чем-то напоминать мать.

Надо сказать, что подобные формы поведения обнаруживают и выросшие в семье дети в тех ситуациях, когда мать или отец не проявляет любви к ребенку, когда они не заботятся, не беспокоятся о нем.

Конечно, нельзя считать разлуку ребенка с матерью фатальной: лишился ребенок матери в силу тех или иных обстоятельств — и непременно вырастет какая-то невротическая личность, отсталая в психическом развитии. Сколько прекрасных людей вырастили детские дома, специальные интернаты, людей

высокоразвитых, духовно богатых; с другой стороны, и семья с ее любовью к ребенку, заботой о нем может «дать» невротическую, умственно неполноценную, и даже социально опасную личность. Рассматривая данный вопрос, мы хотим подчеркнуть всю важность и необходимость для ребенка эмоциональных контактов с матерью, огромную роль матери в формировании личности ребенка, в его общем психическом развитии. Мать, отец, бабушка с раннего детства ассоциируются у ребенка с возможностью получить помощь, защиту, что гарантирует ему спокойное состояние, укрепляет чувство уверенности в себе.

Интересно, что подобные эмоциональные состояния присущи не только ребенку, но и, как свидетельствуют специальные исследования, даже детенышам животных. Так, в нашей печати широко освещались результаты исследования Джейн Гудолл, в течение десяти лет изучавшей диких шимпанзе в африканском заповеднике Гомбе. В этих исследованиях очень обстоятельно освещается вопрос о роли матери в развитии детеныша шимпанзе. Установлено, что поведение трехлетнего шимпанзе резко меняется после смерти матери, хотя в этом возрасте детеныш становится довольно самостоятельным и может есть ту же пищу, что и взрослые члены группы. Д. Гудолл описывает свои наблюдения над двумя трехлетними малышами (Мерлин и Битл), которые почти одновременно потеряли матерей. Оба они впали в депрессию, плохо ели, проявляли беспокойство, но через некоторое время состояние обоих малышей стало резко отличным: если Битл стала живой, активной, дееспособной, то состояние Мерлина продолжало катастрофически ухудшаться. «Внимательно проанализировав различия в поведении Мерлина и Битл,— пишет Д. Гудолл,— мы смогли до некоторой степени объяснить причины гибели большинства осиротевших детенышей. Лишившись матери, детеныши лицом к лицу столкнулись с непривычным для них миром взрослых, психологически они не были подготовлены к этому. Раньше при малейшем намеке на опасность детеныши всегда кидались в сторону матери, чтобы прикоснуться к ней, подержаться за ее шерсть или просто пососать грудь. Теперь же эмоциональная незащищенность приводила ко всевозможным психологическим срывам в поведении осиротевших детенышей, а старшие члены семьи не всегда могли заменить материнскую опеку. В этом смысле Битл по-настоящему повезло. Ее старшая сестра, крепкая молодая самка, в значительной степени восполнила потерю, в частности благодаря тому, что позволяла трехлетней малышке взбираться ей на спину. Физический контакт с почти взрослым животным тотчас успокаивал испуганное животное, внушал уверенность, что теперь все будет в порядке.

Мерлин в отличие от Битл не мог рассчитывать на помощь своей сестры в минуты волнения в группе или опасности. Мифф, сама еще детеныш, была верным товарищем для своего брата, но не умела защитить и успокоить его. Вот почему нам кажется, — продолжает автор книги, — что причины тяжелого психического состояния Мерлина были чисто психологическими и объясняются вовсе не отсутствием материнского молока, а чувством социальной незащищенности»¹.

Приведем такие примеры: «Моя мать оставила меня в коляске на вокзале. Говорят, что люди отнесли меня в милицию, потом в Дом ребенка. Воспитывался я в детском доме, мне там нравилось, но я все время ждал, что придет мама и возьмет меня домой. Но она не шла. Теперь я редко думаю о той женщине, которая меня родила и бросила. Больше думаю о воспитателях, о детдоме, о друзьях. А о матери чего думать? Ведь она-то обо мне и не вспомнила, а мне скоро 17 лет».

«Не знаю и знать не хочу своей матери. Во мне обида на всю жизнь. И не верю я никому», — так написали в своих сочинениях на свободную тему ученики десятого «А» класса школы № 197 при воспитательно-трудовой колонии города Колпино, — дети, которых в свое время бросили матери. Они сохраняют обиду на всю жизнь»².

Что же есть такое в матери, от чего ребенку так хорошо, спокойно, уютно с ней? Чем, какими средствами мать завоевывает любовь ребенка, почему мать становится для него самым дорогим существом? Многие авторы утверждают, что это прежде всего любовь к ребенку и... всегда любовь к ребенку. Эта любовь многогранна. Это и защита ребенка, и забота о нем, и внимание, и беспокойство, и многое другое. Такая любовь не позволит препоручить ребенка кому-то, «вытолкать» к соседям или на улицу, чтобы не мешал, отправить на все лето, чтобы дать себе передышку. Конечно, матери нужен отдых и особого вреда ребенку не принесет его недолгое отсутствие в семье, но лишь при одном условии: те неуловимые узы, которые связывают ребенка с матерью, сохраняются, и ребенок их хорошо чувствует: мать не просто отправляет его в лагерь, но уверена, что свежий воздух, хороший коллектив, интересные занятия необходимы сыну. Оставив на кого-то ребенка, мать все время о нем беспокоится, помнит и при малейшей возможности «мчится», чтобы его повидать. Известный исследователь детства профессор Е. А. Аркин писал: «...необходимо признать, что любовь матери, особые отношения, которые устанавливаются между ней и ребенком, явля-

ются одним из факторов нормального развития эмоциональной сферы и, следовательно, всей жизни ребенка»¹.

Что же касается тех конкретных путей, которые приводят к росту и укреплению взаимного чувства любви матери и ребенка, то на этом вопросе мы остановимся более подробно. Прежде всего мать удовлетворяет основные органические потребности младенца — в кислороде, сосании и раздражителях. В первое время дыхание ребенка очень несовершенно и потому, когда мать тормошит ребенка, перекладывает его, держит в вертикальном положении, она тем самым помогает ему получить необходимое количество кислорода. Что же касается потребности в раздражителях, то особенно важны на ранних этапах развития ребенка контактные раздражители. Именно в контактных воздействиях (мать поглаживает младенца, шлепает его, прикасается к нему теплыми руками, прижимает его к себе, купает) рождается первая связь между ребенком и взрослым. И оказывается, что первенствующее значение в развитии любви младенцев к матери принадлежит разнообразным контактам с мягким и теплым телом. Это положение было экспериментально проверено на животных. Детенышей макак-резусов отнимали от родителей через несколько часов после рождения и одной группе давали суррогатную «мать» — деревянный цилиндр, обтянутый мягкой тканью, с вставленным внутри рожком с молоком; другой группе — проволочный каркас в форме цилиндра с таким же рожком внутри. Оказалось, что детеныши проявляли большую привязанность к мягкой искусственной «матери», чем к сделанной из проволочного каркаса. Присутствие «мягкой матери» освобождало детенышей от страха, позволяло им проявлять естественное для них любопытство по отношению к новым объектам, то есть они вели себя более спокойно.

А когда эти обезьяны выросли и сами обзавелись потомством, то оказалось, что они не могут воспитывать своих детенышей. Обезьяны были или равнодушны к ним или неудержимо злы: наказывали их, били, царапали. Но при этом те, кто имел в детстве «мягкую» маму, все-таки были менее жестоки и агрессивны, чем те, у которых мама была из проволочного каркаса. Авторы этого исследования делают вывод, что во многом поведение обезьян определяется системой тех контактов с родителями, которые они имели в детстве.

К сожалению, нет ясных данных о роли контактных раздражителей в развитии психики младенцев. Однако, можно думать, что, притрагиваясь к ребенку, укачивая его, тормоша, нянча, лаская, поглаживая, мать дает ему необходимые тепловые,

¹ Гудолл Д. Мои друзья — дикие шимпанзе. — Знание — сила, 1976, № 4.

² Лит. газ., 1980, 10 дек.

¹ Аркин Е. А. Ребенок в дошкольные годы. М., 1968, с. 193.

осязательные и другие контактные раздражители, без которых его развитие замедляется. Замечено, что если ребенок не получает таких раздражителей, то он как бы компенсирует их недостаток такими автоматическими движениями, как перекачивание головы по подушке, раскачивание тела, удары головой о стенки кроватки и т. д.

Третья из существенных потребностей ребенка, которую может удовлетворить только мать,—это потребность в сосании. Обычно традиционно считается, что сосание направлено лишь на удовлетворение потребности ребенка в пище. Но некоторые исследователи утверждают, что у детей есть потребность в сосании, не связанная с чувством голода. Так, если детей кормить с интервалом в четыре часа, то они более беспокойны, но не столько от голода, сколько от недостаточного упражнения в сосании. Если же промежутки между кормлениями уменьшить до трех часов и при этом давать за сутки такое же количество пищи, как и при питании с четырехчасовыми интервалами, то дети ведут себя гораздо спокойнее. Хорошо известно, что если детей кормят из бутылки с большим отверстием в соске или у матери слабый сосок, и поэтому дети быстро насыщаются, то в таких случаях у них развивается привычка сосать палец, кусочек пеленки, игрушки и другие предметы. Наверное, для удовлетворения потребности детей в сосании люди и придумали соски-успокоители.

Некоторые ученые предполагают, что акт сосания на ранних этапах развития ребенка выступает в роли ощупывания, исследования объекта. Присмотритесь, как маленькие дети берут в рот все, что им попадает под руку, сосут или просто подносят ко рту. Возможно, это происходит потому, что ротовая полость — губы, язык, небо, десны — наиболее чувствительный аппарат, выполняющий в раннем детстве и функцию сосания. Поэтому привычка детей пробовать вещи на вкус объясняется этой способностью ротовой полости ощупывать, осознать предмет лучше, чем рука. Кроме того (и это является, вероятно, самым существенным), переживания маленького ребенка, возникающие при акте сосания, важны не только для правильного питания, они являются решающими в развитии близких родственных отношений с матерью и основным источником положительных эмоциональных ощущений.

Итак, мы установили, что эмоциональная сфера ребенка на ранних этапах развития непосредственно связана с его потребностями — органическими в первую очередь и с зарождающимися духовными. В удовлетворении этих потребностей решающая роль принадлежит матери и окружающим близким. В процессе удовлетворения потребностей и возникает та близость

между ребенком и матерью, которая во многом будет направлять дальнейшее психическое развитие ребенка и определять характер его взаимоотношений с близкими. Именно в первых контактах с матерью и формируются чувства привязанности, любви к близким, а потом и стремление заботиться о них, то есть то, что мы так хотим видеть во взрослеющих детях.

К сожалению, в научной литературе нет достаточного количества данных о роли отца на раннем этапе развития ребенка. Правда, во многих пособиях для матерей, в разного рода руководствах по воспитанию детей раннего возраста настоятельно подчеркивается, что отец обязательно должен принимать участие в уходе за грудным ребенком: гулять с ним, стирать и гладить пеленки, пеленать, одевать и т. д. Однако чаще всего речь в основном идет лишь о подменяющей роли отца. Ведь сейчас большинство молодых семей воспитывают ребенка без помощи или при незначительной помощи со стороны близких (бабушки живут отдельно, многие из них работают), и потому у матери очень большая нагрузка: работа на производстве, дети, ведение домашнего хозяйства и т. д. Сама жизнь заставляет отца «включаться» в те хлопоты, которые возникли в семье в связи с рождением ребенка. И современный отец стирает, моет посуду, купает ребенка, гуляет с ним, водит его в детский сад. Именно такое поведение отца способствует самому главному — сохраняет в семье покой, предупреждает конфликтные ситуации, создает между супругами атмосферу взаимопонимания. Молодой матери психологически уютно от того, что самый дорогой ей человек оказался настоящим другом. Но есть и другая, более важная сторона вопроса. Пеленая ребенка, купая его, одевая, готовя ему еду, отец «пропитывается» этой заботой. И как в процессе взаимоотношений ребенка с матерью, так и в общении ребенка с отцом формируется то чувство близости между родителями и детьми, без которого и немыслима хорошая семья. Несомненно, что с рождением ребенка у отца возникает не просто чувство тщеславия: «Смотрите, знаете: я — отец, у меня сын! (ну, а если двое сыновей, так тут хоть на каждом углу кричи от радости), но и теплое, радостное чувство к этому крошечному существу. И это чувство вырастает в привязанность, любовь, заботу о ребенке, внимание к нему, беспокойство о нем, если будет «питаться» и соответствующим поведением отца. Отец не отгораживается от пеленок, ползунков, кастрюль с кашами, баночек с соком, «занятостью» на работе, творческими планами, интересом к политическим событиям, телевизионными передачами, футболом и хоккеем, а часть своего свободного времени посвящает ребенку. У него закрепляется то теплое и радостное чувство, которое возникло при рождении ребенка, а у ребенка формируется в такой

ситуации ответное чувство к отцу. Как правило, дети «раздражаются», «выводят из себя» тех отцов, которые устали от участия за уходом ребенка в первые дни, месяцы и годы его жизни. Для подтверждения этой точки зрения обратимся к высказываниям отцов. Отец двух мальчиков, отвечая на вопросы предложенной нами анкеты, написал: «Я, конечно, люблю и старшего, но к малышу особое чувство. Бегу с работы, спешу, буквально вскакиваю в троллейбус, чтобы хотя бы на минуту раньше забрать его из детского сада. Мне хочется с ним гулять, хочется его чем-нибудь порадовать. Я бегаю по магазинам то в поисках интересной игрушки, то чего-нибудь вкусного. Может быть, это потому, что, когда появился первый сын, я был в длительной командировке на Севере и редко видел его. А второй рос при мне. Я во многом помогал жене. Тяжело ей было с двумя, вот я и стирал, и пеленал, и купал ребенка. Делал все, что обычно делает женщина, — вот и привязался к малышу».

Приведем рассказ еще одного отца: «Я вначале даже и не думал, что мужчина может справиться со всеми этими женскими заботами. Да еще малыш. Я в руки его боялся взять. Но тут заболела жена, слегла надолго. И пришлось мне варить, кормить малыша, укладывать его спать, рассказывать сказки, играть с ним, гулять. И ничего... Привык, и мне это даже понравилось. И вот теперь для меня этот ребенок — у нас девочка — наверное, самое большое счастье в моей жизни». Конечно же, чувство любви отцов к детям — большое счастье и для детей и для отцов. И рождается это чувство у отца только в уходе за ребенком, в заботе о нем. А ребенок всегда ответит любовью на любовь.

УЖЕ САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ РЕБЕНОК СТРАДАЕТ, РАДУЕТСЯ, БОИТСЯ

Но вот ваш малыш уже выпростался из пеленок, ему нужны движения, свобода, и как бы вы ни заматывали ему руки, он все равно их вытащит, он уже хочет сидеть, ползать, а там, не успеешь оглянуться, как он уже стоит в кроватке, крепко держась за перила. Вот он уже преодолевает расстояние от одного угла кроватки к другому, поднимает ногу и, подтянувшись, пытается выбраться на простор. Наступило время переселить его в манеж — там больше места, безопаснее, туда можно положить много игрушек. Манеж спасет мать и ребенка на тот, пожалуй, самый трудный для матери период, когда ребенок уже меньше спит, когда для него насущной становится потребность в движениях. Но через некоторое время ребенок уже и в манеже сидеть не хочет. Он или хнычет, капризничает, или спокойно и деловито, пытаясь от напряжения, пытается вылезть из манежа. И, конечно,

мы вынуждены его выпускать. Он ползает по ковру, а потом впервые самостоятельно преодолевает пока еще полуметровое пространство между мамиными и папиными руками. «Наш малыш уже ходит!» — с гордостью и радостью сообщаете вы эту новость всем родным и знакомым. И вот тут начинается... То он залез между тумбочкой и шкафом, и нужно бежать к нему на помощь, то вдруг он начинает носиться из одной комнаты в другую, из комнаты в кухню — и не остановишь, не удержишь. Хорошо, если в своих странствованиях по квартире ребенок ограничится игрушками, какими-то более или менее безобидными вещами вроде губной помады или зубного порошка. А если это лекарство, опасное в больших дозах, стиральный порошок, каустическая сода, уксус? Мы даже не предполагаем, что может стать предметом глубокой заинтересованности ребенка.

Медикам известны буквально трагические исходы халатности, непредусмотрительности родителей. В клинику поступают дети в очень тяжелом состоянии: они съели слишком много витаминов, таблеток от головной боли, стирального порошка, напились уксуса и т. д. А как опасны ожоги! Ребенок может опрокинуть на себя сковородку с кипящим жиром, прыгнуть со стула в стоящую на полу и только что снятую с плиты выварку с бильем, схватить горячую кастрюлю...

Желание ребенка все взять в рот, попробовать на вкус объясняется вовсе не его непослушанием, избалованностью, а естественным развитием его осязательных функций: ротовая полость ребенка очень чувствительна и в большей мере, чем рука, является средством познания предметов. Вот почему дети все тянут в рот. Наверное, сам процесс осязания доставляет ребенку положительные эмоции.

Буквально трагическими последствиями может обернуться также появляющаяся у ребенка потребность в движениях. И перед нами проблема, как поступить: все с глаз долой или запрещать, наказывать, уговаривать, убеждать. Многие родители идут самым простым путем — запрета: «это нельзя брать», «это не трогай», «не бери», «не снимай», «не тащи в рот», а через некоторое время: «Ну что за непослушный ребенок!» «Сколько раз говорила: не бери». Но давайте разберемся в сущности поведения ребенка. Наверное, его стремление брать, трогать, передвигать, пробовать на вкус вызвано вовсе не желанием делать «на зло» или упрямством, глупым и настойчивым непослушанием. Такое поведение свойственно всем детям.

Желание все исследовать ребенок проявляет довольно настойчиво, как бы вы ни сдерживали его. Попробуйте отнять у ребенка флакон с духами, который он обнаружил на туалетном столике и с интересом рассматривает, стучит им об пол, потом

о стенку, открывает пробку, нюхает, выливает на себя,— и вы услышите его крик.

Стремление ребенка к познанию, исследованию объектов подкрепляется эмоцией удовольствия и потому требует удовлетворения. Кроме того, необходимость такого познания действительности связана с развивающимися физиологическими процессами, протекающими в коре головного мозга. Наверное, эмоции «включаются» в поведение и становятся «градусником» состояния ребенка тогда, когда те или иные структурные компоненты психики как бы выпячиваются, выступают на передний план, обуславливают дальнейшее психическое развитие. Вот тогда эмоции и усиливают их. На разных этапах развития эти компоненты различны. Мы их рассмотрим по мере того, как будем анализировать процесс формирования эмоциональной сферы ребенка. В раннем же возрасте преобладает важнейшая духовная потребность ребенка — потребность во впечатлениях. Поэтому ребенок рассматривает, ощупывает, пробует на вкус все те предметы, с которыми он сталкивается, особенно в первый раз. «Среди всех первичных потребностей ведущей для психического развития ребенка является потребность в новых впечатлениях», — пишет доктор психологических наук Л. И. Божович¹.

Психологическое значение этой потребности в том, что она — база развития других социальных потребностей, основа психического развития ребенка, так как в дальнейшем перерастет в потребность познавательную.

Эта потребность обладает такими важными качествами: во-первых, потребность во впечатлениях, в отличие от органических потребностей, как бы ненасытаема, потому что чем больше ребенок получает впечатлений, тем больше у него развивается потребность в их получении, и во-вторых, потребность во впечатлениях, перерастающая затем в познавательную потребность, обеспечивает общее психическое развитие ребенка, которое невозможно вне обучения, вне освоения опыта, накопленного человечеством. Потребность во впечатлениях связана с положительными эмоциями: ребенок получает удовольствие, испытывает радость от того, что узнает что-то новое, что он познакомился с чем-то неизвестным. Вот почему дети этого возраста с таким удовольствием слушают сказку, настойчиво просят родителей почитать им, с наслаждением рассматривают рисунки в книге, умоляют: «Купи!», «И эту купи!», «И вот эту!», «И эту хочу!». Итак, потребность во впечатлениях рождает положительные эмоции, ту радость познания, на основе которой формируются в бу-

дущем интеллектуальные чувства, являющиеся по своей сущности возбудителями творчества. Это, так сказать, психологическая сторона дела, но развитие потребности во впечатлениях обеспечивает, оказывается, и формирование структур головного мозга.

Исследованиями физиологов установлено, что многие структуры мозга формируются прижизненно. Чтобы это стало понятным, позволим себе напомнить некоторые положения школьного курса анатомии о строении нервной системы. То, что деятельность нервной системы — физиологическая основа нашей психики, известно каждому. Нервная клетка отличается от других клеток тела прежде всего тем, что она имеет отростки — проводящие пути, благодаря которым возбуждение, возникшее в органе чувств, передается от одной нервной клетки к другой в кору головного мозга, а затем вновь возвращается к соответствующему органу чувств. По сути, вся наша сложнейшая психическая деятельность осуществляется благодаря процессам возбуждения и торможения, протекающим в коре головного мозга.

Ребенок, рождаясь, не имеет развитой нервной системы: многие нервные клетки находятся в зачаточном состоянии, проводящие пути не сформированы (они еще не покрыты особой оболочкой, имеющей свойства своего рода изоляционного материала), очень слабо представлен процесс торможения. Лишь к концу дошкольного возраста нервная система относительно оформляется. И это ее оформление — формирование нервных клеток, проводящих путей, процесса торможения — возможно лишь в условиях упражнений, тренировок, то есть деятельного состояния нервной системы, когда ребенок получает соответствующие раздражители. Ведь любой орган живого существа будет функционировать только тогда, когда он получает для себя соответствующую «пищу». Для нервной системы «пища» — это самые разнообразные раздражители, с которыми ребенок сталкивается. И естественно, что если мы создаем такой приток новых раздражителей или в каких-то новых сочетаниях подаем старые, мы тем самым упражняем нервную систему, активизируем ее деятельность, то есть способствуем ее формированию. Вот почему ребенок просит, кричит, требует игрушек, впечатлений, рассказов, чтения, разговоров с ним. Если же такая потребность не удовлетворяется, у ребенка возникает так называемый сенсорный голод — голод на впечатления.

Ребенок в состоянии сенсорного голода беспокоен, капризничает, становится непослушным, упрямым, своевольным, легко впадает в состояние аффекта. Раньше это называли дефицитом воспитания, и многие ученые уже давно подчеркивали опасность для психического развития ребенка подобных дефицитов. Так, профессор Н. М. Щелованов считает, что дефицит воспитания

¹ Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968, с. 427.

даже при самом тщательном питании детей и уходе за ними приводит к задержке их развития в двигательном, умственном и даже физическом отношениях, что при «дефиците воспитания резко возрастает детская смертность»¹.

Английский психолог Т. Бауэр в своей книге «Психическое развитие младенца» на огромном экспериментальном материале доказывает важность раннего периода для дальнейшего развития ребенка. Он пишет: «Младенчество, по моему убеждению, является решающим периодом познавательного развития — в это время ребенок может многое приобрести, но и многое потерять. Более того, потери этого периода с возрастом восполняются труднее, а приобретения остаются надолго»².

Итак, исследованиями установлено, что познание ребенком окружающих его объектов является для него насущной потребностью, удовлетворение которой рождает чувство радости, а неудовлетворение — сенсорный голод. Игрушки, книги, карандаши — все это помогает ребенку получать положительные эмоции, поскольку является средством удовлетворения потребности во впечатлениях. И потому, если ребенок просит купить ему игрушку, купите. Конечно, речь идет не о том, чтобы завалить дом машинами, куклами, пистолетами, и не о том, чтобы приучить ребенка кричать на весь магазин, требуя очередной игрушки. Вовсе не обязательны частые походы в игрушечные магазины, а если они и планируются, то каждый раз следует сказать ребенку: «Зайдем сегодня в универсам, тебе нужны краски, и еще я обещала купить того зайчика, что в прошлый раз тебе так понравился. Но тогда у меня не было денег, а сегодня я могу его купить». И если ребенку, кроме зайчика, захочется еще и львенка, то можно спокойно убедить малыша, что львенка вы купите или в другой раз, или вообще не купите, потому что стоит он очень дорого. И при этом, конечно, не нужно «отдирать» ребенка от прилавка, кричать на него или отвлекать обещаниями: «Дома я тебе дам и то, и то, только уйдем от этих игрушек». Не надейтесь, что ребенок забудет ваши слова. Он непременно вспомнит, и если вы не выполните обещания, то рев дома будет еще сильнее, а вместе с ним зародится первое недоверие к вам. Скажите спокойно: «Сейчас купить не могу, потерпим», и малыш поймет. Но ситуаций «не куплю» все-таки должно быть не очень много, потому что ребенку игрушки необходимы. Не будем подробно останавливаться на их роли в развитии ребенка. Ясно, что игрушки должны быть разнообразными, соответствовать возрасту ребенка и его интересам, способствовать его развитию, не быть пугаю-

щими, устрашающими ни по внешнему виду, ни по звуковому оформлению. Естественно, рычащий, дребезжащий трактор лучше не покупать двухлетнему малышу, стоит воздержаться и от покупки пугающего и взрослых автомата, который трещит почти как настоящий. А вот пушистый, приятной расцветки тигренок или котенок — это как раз то, что понравится малышу. Следует учесть и то обстоятельство, что игрушки, книги и прочие средства удовлетворения потребности ребенка в познании специфически направляют развитие ребенка. Многие думают поэтому, что девочкам надо покупать куклы, одежду для кукол, посуду, мебель, коляски и прочие «атрибуты» сугубо женских интересов, а мальчики — только мальчишеские. Однако ученые считают, что такая направленная «специализация» в наше время отрицательно сказывается на формировании поведения мальчиков и девочек. Теперь в большинстве семей мужчины справляются с чисто женской работой, а женщины выполняют производственные операции не хуже мужчин. Вот почему не следует разграничивать интересы мальчиков и девочек. Пусть и мальчик в раннем детстве пеленает кукол, готовит им «обед», «кормит семью», моет посуду — все это будет стимулировать у него интерес к такой деятельности, а если в дальнейшем мы приучим мальчика во всем нам помогать по хозяйству, то это будет способствовать прочности семьи, которую он создаст. В такой же мере и девочки, с детства овладев навыками обращения с различными инструментами, элементами конструирования, с большим успехом будут усваивать и те точные науки — физику и математику, которые испокон веков легче давались мальчикам. Итак, покупая игрушки, не будем «разбираться», девочка у нас или мальчик, будем и девочек, и мальчиков вовлекать в общие игры, в одинаковой мере развивая этим и «женскую», и «мужскую» направленность и специфику интересов.

Однако процесс общения ребенка с предметным миром вызывает не только положительные эмоции, но и отрицательные, и в первую очередь страх. Вспомните: уже первоначальные эмоциональные реакции младенца напоминают страх, когда он слышит резкий и громкий звук или когда его лишают «точки опоры». По мере того как ребенок начинает сам овладевать предметами, познавать их, возможность возникновения уже четко выраженной эмоции страха резко возрастает. Ребенок может испугаться нового предмета, чего-то необычного, чего-то очень большого, неизвестного, непонятного, возникшего неожиданно. Так, описаны случаи, когда ребенок закричал, увидев на стене у своей кровати большой ярко-красный ковер. Родители думали обрадовать ребенка новинкой, а реакция оказалась противоположной. Отец

¹ Щелованов Н. М. Ясли и дом ребенка. М., 1960, с. 17.

² Бауэр Т. Психическое развитие младенца. М., 1979, с. 11.

одного мальчика спрятался и, предполагая насмешить ребенка, неожиданно предстал перед ним в огромной шляпе. И вновь испуг. Ребенок может испугаться, если вдруг громко залает собака, зашипит и вздыбится шерстью кошка, резко хлопнет форточка, зазвенит неожиданно звонок. Мы иногда не можем и представить того, что может вызвать у него чувство страха. Но более или менее точно известно, что человек не имеет врожденного страха перед темнотой, перед пресмыкающимися, перед дикими зверями. Такие страхи носят условно-рефлекторный характер и возникают, естественно, лишь при определенных обстоятельствах, в которых пугающий объект сочетается с определенными условиями.

Но отсутствие врожденного страха, так сказать, исходное состояние, к сожалению, сохраняется далеко не у всех детей. Мы, родители, очень часто сами бываем виноваты в том, что у ребенка появляется чувство страха. Мы говорим ему «страшным» голосом: «Ой, ой, не подходи к собаке — укусит». Или требуем: «Сейчас же уведите свою собаку: не видите — ребенок!» Внушаем: «Змей, лягушки — это страшно и противно, они скользкие, гадкие!» Или: «Ой, боюсь, таракан», — визжим мы и в панике бросаемся из кухни, а вслед за нами с воплем бежит ребенок. Родители при ребенке с волнением обсуждают вопрос о том, с кем его оставить, когда дома никого не будет, и мать отводит шестилетнюю девочку к соседке или «тащит» ее за собой, опасаясь оставить одну в квартире. И ребенок начинает бояться: он боится лягушек, тараканов, змей, ящериц, собак, мышей, крыс, даже кошек, боится один остаться в квартире. Очень многие страхи у детей вызваны резкими звуками, неожиданным появлением объекта, но еще больше они связаны с ощущением боли. Как часто матерям приходится успокаивать малыша, когда надо посетить кабинет врача или ребенок просто увидит человека в белом халате! И все потому, что белый халат ассоциируется с болью: ребенку пришлось какое-то время быть в больнице, ему делали укол, операцию, причинили боль в стоматологическом кабинете.

Какой же выход? Устранить в доме все шумы? Ходить на цыпочках, выключить радио, телевизор, разговаривать шепотом, не делать ребенку прививок и вообще не показывать его врачам? Конечно, никто к этому не призывает. Речь идет лишь о том, чтобы по возможности устранить все, что может вызвать у ребенка страх, в какой-то мере предусмотреть ситуации, в которых ребенок может испугаться, не навязывать ему страхи. А это вполне под силу любой семье. Прежде, чем пойти к врачу, внушите ребенку, что укол совсем не страшен и что вы спокойно в свое время переносили эту процедуру. Продемонстрируйте на куклах

действия врача, поиграйте с ребенком в больницу, то есть подготовьте ребенка. Уже это одно может значительно улучшить его состояние, снять волнение, неожиданность болевого ощущения. В стоматологический кабинет надо вести ребенка не тогда, когда это уже крайне необходимо и ребенок стонет от боли, а значительно раньше, когда уже возникла необходимость лечения, но боли еще ребенок не испытывает. Что же касается резких и неожиданных звуков, которые тоже могут вызвать у ребенка реакцию страха, то по возможности в доме надо устранить такие пугающие предметы. Естественно, что крики, повышенный тон во взаимоотношениях между близкими ни в коей мере не способствуют спокойствию ребенка. Вы, наверное, не раз замечали, как ребенок вздрагивает, если вы громко крикнете, но еще больше он испугается, если в его присутствии вы станете кричать друг на друга.

ЧУВСТВО ГНЕВА И ЕГО «ПРОИЗВОДНЫЕ» — КАПРИЗЫ, УПРЯМСТВО

На подступах к трехлетнему возрасту ребенок вдруг обнаруживает такие формы поведения, что мы всерьез начинаем подумывать о том, справимся ли мы с ним вообще. «Если он сейчас такое «выделяет», то что будет дальше?» — волнуемся мы и еще суровее смотрим на сына, еще более строги к нему, стараемся ничего не пропустить — на каждом шагу замечания, по любому поводу наставления, а если не помогает, то и шлепнуть можно. «А как же иначе? Своевольничает, настаивает на своем, хочет только по-своему, требует «я сам». Значит, надо быть начеку, надо вовремя удержать», — оправдываем мы себя.

Действительно, с первыми серьезными трудностями в воспитании ребенка мы встречаемся именно в этот, идущий к трем годам возрастной период. До этого времени наш сын был просто «золото» — послушный, милый, ласковый ребенок. Если и заплачет, так покажешь ему игрушку или поднимешь к окну, чтобы посмотрел на проезжающие мимо машины, и этого достаточно, чтобы он успокоился, замолчал. Хочет он чего-то невозможного, кричит, требует, но стоит дать конфету, и неизвестно, куда девались слезы. А теперь — уж если чего-то хочет, так непременно дай, и не успокоится, пока не получит свое, если требует, так топает ногами, кричит на весь дом, падает на пол. А на лице просто ярость. И уже не отвлечешь, не обманешь. А это: «Я сам!» Все теперь хочет делать сам, во всем пробует свои силы, а если не позволяешь — вновь крик, слезы. Папы и мамы волнуются, недоумевают, обвиняют близких. «Это вы его разбаловали» — чаще всего упрекают родители бабушек и дедушек. — Все ему

позволяете, все за него делаете, идете у него на поводу, вот он и стал таким». А если нет бабушек и дедушек, то «вина» переключается на отца или мать в зависимости от того, кто проявляет большую мягкость.

Очень часто в семьях именно на этом этапе развития ребенка частыми бывают разногласия и даже ссоры по поводу его воспитания. Родители, несомненно, замечают, что с ребенком происходит что-то неладное, он очень изменился, стал активным, упрямым, капризным, настаивает, требует. И вот тогда родители стремятся найти виновного.

А дело здесь вовсе не в том, что кто-то в чем-то виноват, что кто-то более ласков, а кто-то строг, значит, и более прав.

Все намного сложнее. Воспитание потому и называют искусством, что оно требует творчества, учета условий — самых разнообразных, понимания «материала» и того, насколько этот «материал» может быть податливым и как лучше, каким «инструментом» на него воздействовать. В одном случае только возмущение родителей даст возможность ребенку понять всю неблагоприятность его поступка, в другом — можно что-то пропустить, сделать вид, что и не заметили, в третьем — пристыдить, в четвертом — наказать. Возьмем для примера простую ситуацию: ребенок расшалился. Для одного ребенка достаточно лишь негодующего взгляда матери, чтобы он тотчас же успокоился, на другого приходится покричать, и только тогда он на какое-то время притихнет, третий поймет свою вину лишь после того, как минут пятнадцать постоит в углу. Следует помнить, что ребенку просто необходимо побегать, покричать. Но мама в этот момент занята захватывающе интересным разговором с соседкой о том, как приготовить в домашних условиях пражский торт. А дети затеяли игру в собак: надели на руки и ноги мамы перчатки, на головы повязали нечто свисающее и напоминающее собачьи уши и носятся на четвереньках по квартире, громко при этом рыча и лая. Маме очень хочется поточнее записать рецепт, но разве тут что-то услышишь в шуме «собачьего лая» и беготни. И мама успокаивает, усаживает, наказывает сына. Конечно, ребенка надо учить уважать окружающих людей, считаться с их желаниями. Но ведь и у него есть свои желания, ему совсем не интересны разговоры о том, сколько надо муки, яиц и сахара, чтобы получилось хорошее тесто. Для него сейчас игра в собак — самое интересное занятие. Так, может быть, предоставить детям возможность поиграть в эту игру, а уж когда они достаточно набегаются, когда им надоест лаять и рычать и захочется спокойно порисовать или посмотреть книги, вот тогда как раз и можно записать все рецепты, обсудить события дня?

Воспитывать сложно. И трудно нам бывает, и сердимся мы, и злимся, и сетуем на непослушных детей, хотя иногда и не мешаешь поставить себя на место ребенка, понять его. Но мы не делаем этого — иногда из-за своей лени, иногда из эгоизма, а иногда потому, что глубоко уверены в том, что ребенок должен жить в полном подчинении у нас, в строгости и порядке. А часто мы просто не знаем о тех закономерных процессах, соответственно которым развивается психика ребенка. Так, согласно научным данным, у ребенка к трем годам формируется самосознание (чувство «я») и первые проявления самостоятельности. Эта самостоятельность первоначально проявляется еще только в физических действиях: ребенок уже может сам одеваться, умываться, есть. Но эта тенденция все практические действия выполнять без помощи взрослых, действовать независимо от взрослых, преодолевать некоторые трудности четко выступает в поведении ребенка и его требовании «я сам!» «Я сама надену платье!» — буквально вырывает девочка из рук матери свою одежду и хотя надевает платье задом наперед, но надевает сама. «Я сам завяжу шнурки на ботинках», — настаивает малыш и сопит, пыхтит, прикладывая один шнурок к другому, но бантик все не получается. Такое стремление самостоятельно овладевать все новыми и новыми действиями — следствие формирования самосознания ребенка, то есть осознания своего «я» и своих возможностей.

Постепенно ребенок начинает понимать, и, значит, осознавать, какие действия ему под силу, что он может выполнить полностью сам, а в чем он еще зависит от взрослого, где он может проявить независимость, а где надо поучиться у взрослого. И естественно, что если мать поймет ребенка, то это в дальнейшем поможет ей избежать конфликтов. «Ты хочешь сама поставить чашки на стол? Ставь, только бери по одной, так тебе будет удобнее и ничего не разобьется», — советует дочери мать, хотя и немного опасается за сервиз. «Ты хочешь стирать вместе со мной? Бери тазик. Вот твои трусики, платочки — стирай!» — поощряет мать стремление сына делать самостоятельно то, что делает она. Конечно, первые самостоятельные действия ребенка неуклюжи, неумелы: ребенок не может все выполнить так, как этому мы научились за свои 25 или 30 лет. Но навыки формируются постепенно, лишь в результате упражнений. И потому дадим ребенку возможность поупражняться, пусть он почувствует, что он сам может что-то сделать. Не будем возмущаться или сердиться по поводу того, что ребенок, учась самостоятельно есть на первых порах, половину супа разольет на стол или на свой передник, что вермишель вы обнаружите не только на полу и на столе, но даже на голове у ребенка, что, одеваясь, он натянет свитер наизнанку.

Результат более существен — ребенок почувствует себя лично, которая уже может что-то делать самостоятельно.

Вместе с такой самостоятельностью растут и желания ребенка: «я хочу» или «я не хочу», «я не буду» — уже заявляет малыш. И это естественная форма поведения, опять-таки связанная с формирующимся самосознанием: ребенок начинает осознавать свои желания. Но если на более ранних этапах особых расхождений между желаниями взрослых и ребенка не было, а если малыш хотел чего-то недозволенного или невозможного, взрослые легко могли переключить его внимание на другой объект, то постепенно желания ребенка становятся все более устойчивыми, и потому управлять ими все труднее и труднее. Вот почему многие психологи период в развитии ребенка от двух до трех лет называют критическим или периодом кризиса, так как на этом возрастном этапе в связи с формирующейся активностью и самостоятельностью ребенка впервые возникают противоречия между требованиями взрослого и желаниями ребенка. Отсюда и трудности воспитания — упрямство детей, негативизм, желание настоять на своем. А если взрослый активно противодействует этому, то ребенок свой протест выражает в чувстве гнева — кричит, топает ногами, катается по полу и т. д. Специальные исследования, посвященные изучению чувства гнева у ребенка, свидетельствуют о том, что именно к этому возрастному периоду это чувство усиливается, становится устойчивым, ярко выраженным и чаще всего проявляется в контактах детей с окружающими — взрослыми и сверстниками. Именно чувство гнева и становится причиной всех тех отрицательных форм поведения ребенка, о которых мы говорили выше. Однако несмотря на то, что формирование активности и самостоятельности — общая тенденция в развитии детей этого возраста, далеко не все дети так активны в своих желаниях и так ярко проявляют свой гнев. Академик А. Н. Леонтьев писал: «В действительности кризисы отнюдь не являются неизбежными спутниками психического развития ребенка. Кризиса-вовсе может и не быть, потому что психическое развитие ребенка является не стихийным, а управляемым процессом — управляемым воспитанием»¹.

В той же мере, в какой воспитание может предотвратить упрямство и капризы ребенка, оно так же может их стимулировать. И потому чаще всего трудности в воспитании ребенка этого возрастного периода возникают в силу того, что взрослые часто не замечают этой новой тенденции в психическом развитии ребенка — развивающейся самостоятельности, не могут осознать,

¹ Леонтьев А. Н. К теории развития психики ребенка. — В кн.: Проблемы развития психики. М., 1969, с. 414.

что ребенок — это не бесформенная, мягкая масса, из которой мы можем лепить все, что угодно. В ребенке пробуждается его собственное «я», требующее активности, и потому, когда взрослые ограничивают самостоятельность ребенка, стремятся сохранить свой стиль отношений или стараются предусмотреть все желания ребенка и их выполнить, вот тогда и начинаются капризы: «Ну что вы, девочка такая еще маленькая, слабенькая, болеет часто, я ее сама покормлю, так будет лучше», — заявляет бабушка и начинается уговаривание, упрощивание съесть ложечку за маму, за папу, за бабушку, за кошечку и за собачку. «Разве можно, чтобы ребенок возился в воде? Нельзя ему позволять стирать, еще простудится». «Не можешь ты сам еще одеваться, будешь тут три часа возиться, а мне некогда». «Пол мыть тебе еще рано, только грязь размажешь» и так далее.

Мы ограничиваем свободу ребенка, подавляем рождающуюся активность и самостоятельность, так как боимся, что ребенок не справится с работой или выполнит ее плохо, мы спешим и не имеем времени подождать, пока он медленно, своими неумелыми ручками сделает то, что мы делаем легко и быстро, мы опасаемся насморка, ангины, гриппа, мы просто ленимся подумать над тем, почему ребенок так сильно хочет делать что-то сам. И нам очень не нравится это: «я хочу», мы видим в нем раннее посягательство на наш непререкаемый авторитет, на нашу неограниченную власть над ребенком и нашу собственную свободу действий.

Так почему же появляется «не хочу»? Давайте разберемся в этом и выясним более детально, почему и при каких обстоятельствах у ребенка возникает чувство гнева и как следствие его — капризы, упрямство, негативизм. Вспомните: впервые гнев можно наблюдать у ребенка, когда ограничивают свободу его действий. Гнев это или просто чувство неудовольствия — трудно сказать, во всяком случае внешне заметно, что ребенок весь напрягается, лицо у него краснеет, сморщивается, а затем ребенок плачет и будет плакать до тех пор, пока мы не освободим его ручки или ножки. По мере того как ребенок развивается, его контакты с окружающими увеличиваются, сфера проявления чувства гнева тоже расширяется. К тому же двух- и трехлетний ребенок еще не умеет управлять своими чувствами: Сережа кричит, когда Коля выхватил у него машину; Саша спокойно стукнул Вову кубиком по голове, когда тот наступил ему на ногу; Марина визжит на весь дом, когда Оля, придя к ней в гости, вздумала без ее разрешения взять ту куклу, что сидит на подоконнике.

Чувство гнева у детей возникает в условиях общения и чаще всего при общем пользовании игрушками, книгами. Коля у Володи отнял зеленый паровоз, и хотя точно такой стоит тут же

рядом, Коле нужен именно тот, что у Володи, и никакой другой. Оля хочет играть только вот этой куклой и никакая другая ее не заменит. Ребенок во гневе не только кричит, заливаясь слезами, он может ударить, вырвать из рук желаемое, несмотря на протест, крики и тоже слезы другого ребенка.

В такой же мере чувство гнева проявляется у детей этого возраста и во взаимоотношениях со взрослыми, но проявляется оно в форме капризов и упрямства. Ребенок отчетливо понимает, что если во взаимоотношениях со сверстниками он может пустить в ход кулаки, вырвать, выхватить желаемый предмет, то по отношению ко взрослому более действенно иное «оружие»: слезы, надутые губы, крик. И ребенок упрямится, кричит, настаивает на своем, пока мы не сдадимся. Ну, а если мы сдались один раз, то во второй раз можно еще громче и еще дольше покричать — и получить то, что хотел.

Капризными чаще всего называют детей, которым свойственны неразумные желания и неосмысленные стремления: ребенок требует «дай», иногда сам не зная что, истерично кричит, настаивает на своем и никакие логические доводы при этом помочь не могут. Профессор Е. А. Аркин описывает мальчика, который требовал, чтобы ему дали «полдник». Ему предлагали молоко, пирожное, котлету, пирожки, но он кричал: «Хочу полдник!» А вот мать входит с плачущим мальчиком в троллейбус. «Хочу крышечку!» — кричит он на весь салон. Мать убеждает: «Зачем она тебе — грязная, ржавая, приедем домой, я дам тебе новую, чистую!» — «Нет, хочу только эту... у...!» — «Но, ведь ты весь вымажешься. И зачем она тебе?» — «Хочу и все!» — и вновь слезы. С такими «хочу» и «дай» мы все чаще и чаще начинаем сталкиваться, но особенно их много в тех ситуациях, когда нарушаются спокойные и нормальные взаимоотношения между ребенком и окружающими его близкими. Так, специальные исследования и наблюдения свидетельствуют о том, что чаще всего причина возникновения капризов лежит в ущемлении свободы детей, их самостоятельности и инициативы. Ведь между ребенком и окружающими близкими постепенно формируются определенные отношения: взрослые предъявляют к ребенку требования, а ребенок обязан их принять. Но оказывается, что эти требования должны соответствовать рождающейся самостоятельности ребенка. И если требования превышают его самостоятельность и инициативу, если ребенка на каждом шагу сдерживают, наставляют, буквально шагу не дают сделать самостоятельно, по любому поводу делают замечания, покрикивают, заставляют все делать только так, как приказано, то в такой ситуации ребенок может стать упрямым, озлобленным. Особенно опасна подобная «система» воспитания в разрушенной семье, где отец

или мать неродные. Тогда ребенок будет особо чувствительным к наказаниям, будет видеть в них не справедливый гнев взрослого и его желание наставлять ребенка на «путь истинный», а лишь злобу взрослого, месть его и ненависть к нему — чужому. В таких случаях упрямство соединяется с обидой, что, несомненно еще более угнетает психику ребенка. При этом, если отец неродной, ребенок будет капризничать перед матерью, выливать свою обиду в слезах, крике, неразумных требованиях, а дальше и в сознательном желании показать ей, что она одна виновата в том, как ему плохо. И этот стиль отношений с матерью может довольно прочно укорениться. Если же мать неродная, — ситуация будет та же самая, с той лишь разницей, что «виновным» станет отец. Причем все описанные явления усиливаются, если отчим входит в семью, где есть мальчик, а «чужая» мать приходит к девочке. В ситуации с неродными детьми вклинивается целая гамма чувств: и ревность ребенка к матери или к отцу, и эгоистическое желание сохранить свое первостепенное право на мать или отца, и уверенность, что это «чужой» и что потому он никогда по-настоящему не может быть добрым. Вот почему именно в таких случаях превышение требований особенно опасно, и даже если они действительно необходимы, то очень часто приводят к конфликтам. Однако и в обычной семье требования, ущемляющие самостоятельность и инициативу ребенка, также могут быть причиной его капризов.

Родители должны помнить, что процесс торможения у детей трехлетнего возраста развит очень слабо, значит, требовать от ребенка того, чего он еще не может выполнить, сдерживать, обуздывать так нужную ему двигательную активность еще рано. Ведь многие шалости детей этого возраста вызваны не каким-то злым желанием ребенка сделать нам неприятности, досадить, вызвать родительский гнев, а теми особенностями развития психики, которые свойственны этому возрастному периоду. Ребенок часто шалит потому, что он ничем не занят или ему необходима двигательная разрядка. Он нас не слушает, не подчиняется нашим требованиям, так как его потребность познавать и двигаться выше сил сдерживать себя, тем более, что и тормозной процесс, лежащий в основе воли человека, у ребенка только формируется. И потому, предвидя, например, что вам с ребенком предстоит длительное ожидание или вы будете заняты с кем-то разговором, постарайтесь захватить с собой какие-либо «сенсорные раздражители», которые обеспечат ребенку его деятельное состояние и просто сделают невозможным его баловство. При этом хорошо было бы учесть также сущность той ситуации, в которую вместе с вами попадет ребенок. Скажем, если это почтовое отделение, можно захватить с собой бумагу, ручку, что-то напоминающее

печать, чтобы ребенок, с самым живым интересом наблюдающий за тем, что происходит вокруг него, мог воспроизвести эту ситуацию тут же немедленно. Ведь ребенку этого возраста присуща не только острая наблюдательность, но и необыкновенное стремление в играх воспроизвести все то, что он видит и слышит.

Противоположной крайностью завышенным требованиям к ребенку является чрезмерное заласкивание, изнеживание, удовлетворение всех прихотей, сдерживание инициативы и самостоятельности при уменьшенных требованиях. Такое отношение к детям тоже может стать той почвой, на которой пышно развивается упрямство и капризы. Помните, у К. Чуковского в книге «От двух до пяти» есть прекрасный пример: «— Ну, Нюра, довольно, не плачь! — А я плачу не тебе, а тете Симе». Действительно, ребенок очень хорошо понимает, что из кого можно «вытянуть»: поплачешь маме или тем более папе, вряд ли что из этого получится, а вот перед бабушкой стоит покричать даже без слез, выглядывая при этом из-под пальцев, которыми прикрыты глаза (чтобы никто не заметил, что слез-то и нет), и тотчас же получишь свое: «На, на, миленький, только успокойся, не плачь!». Такой стиль воспитания особо опасен в семье, где есть бабушки. Большинство бабушек не выносят слез внуков, и только ребенок заплачет, как бабушка тут как тут, достаточно ребенку чего-то захотеть, и его прихоть тут же удовлетворяется. Как правило, такой стиль взаимоотношений характеризуется самыми разнообразными семейными ссорами, конфликтами, обвинениями в неправильном воспитании, иногда и чувством отчужденности между близкими.

Как же быть с капризами? Профессор Е. А. Аркин пишет: «Удовлетворять капризы детей нет ни смысла, ни возможности. Подобно легендарной гидре, у которой при отсечении одной головы вырастало несколько новых, так и каждый удовлетворенный каприз вызывает возникновение новых неутолимых желаний»¹.

Конечно, наши рассуждения и ссылки на авторитеты вовсе не означают, что ребенка нельзя приласкать, нельзя ни в чем ему пойти на уступки, успокоить желанным предметом, а нужно только делать ему все «назло», чтобы он не был капризным и упрямым. Мы уже достаточно говорили в предыдущих разделах о важности для ребенка ласки, внимания, заботы и любви. Речь здесь идет лишь о том, чтобы капризничание ребенка не перерастало в нервозность, не стало привычной формой требований ребенка. Умеренная ласка, спокойный тон, разъяснение, вдумчивое отношение к ребенку, требования, сочетающиеся с пониманием важности его самостоятельности и инициативы, умение занять

его интересной игрой, все это будет способствовать развитию нормальных отношений с ребенком.

Ну, а если ребенок все-таки раскапризничался? Что делать? Наиболее типичной нашей ошибкой в этом случае является наше упорное желание во что бы то ни стало сломить упрямство ребенка. Но представьте себя в состоянии аффекта (а ведь приступы капризов есть не что иное, как аффект) и вы поймете, что слова утешения или гнева, которые вы говорите, ребенок в своем иступленном состоянии просто не воспринимает, не слышит, не понимает. А ваши шлепки еще более усиливают его нервозность, ибо никак не связываются в его сознании с его поведением. Поэтому давайте лучше подождем, пусть ребенок успокоится, аффект перейдет в стадию успокоения, вот тогда можно и поговорить, и убедить, и доказать. В одинаковой мере неразумны наши тревога и уступчивость. Уступчивость лишь закрепляет каприз, а тревога может передаться ребенку и вызвать у него подобное же состояние.

Обычно истерическая реакция — каприз развивается довольно просто. Ребенок спокойно просит: «Мама, пошли погулять». Но мать отвечает отказом: у нее свои дела, она никак не может их сейчас оставить. Ребенок снова просит, но мать опять отказывает. Вот тогда ребенок и пускает в ход свою «механику воздействия»: кричит, топает ногами, бросается на пол. А мать или пугается: «Ужас, какой нервный ребенок», или ей становится жаль малыша: «Как он расстроился!», или ей неудобно перед соседями: «Что подумают люди о моем ребенке?», и она тут же меняет свое решение: «Ну, пойдем, только перестань плакать!». Постепенно такая истерическая реакция закрепляется, становится прочной и стойкой, и ребенок, если ему чего-то хочется или что-то мешает, уже твердо знает: надо кричать, топать и добьешься своего.

Не лучше ли будет матери пойти с ребенком погулять и в скором времени вернуться с ним домой, чтобы продолжить свои занятия? Таким образом можно избежать конфликта и вытекающих из него капризов ребенка.

Конечно, вовсе не обязательно, что каждый ребенок, проявляющий капризы и упрямство, непременно станет в будущем истеричным. Нервная система постепенно укрепляется, и капризы утихают, ослабевают, а то и вовсе прекращаются. Но все-таки ребенок, у которого с детства закреплены истерические привычки, как бы носит в себе «бомбу замедленного действия», которая, когда он станет взрослым, при первых же серьезных жизненных затруднениях может вызвать истерию.

Итак, будем помнить, о том, что преддошкольный возраст чреват самыми неожиданными поворотами в поведении ребенка —

¹ Аркин Е. А. Ребенок в дошкольные годы. М., 1968, с. 149.

капризами, упрямством и что причина этих явлений очень часто спрятана в характере взаимоотношений между ребенком и близкими, а также в неверном взаимоотношении между требованиями взрослых и зарождающейся у ребенка самостоятельностью.

ЧУВСТВО «Я» И ЭГОИЗМ

Детские годы оставляют неизгладимое впечатление в жизни человека. Именно в эти годы закладывается фундамент личности — активной, волевой, деятельной, стремящейся к чему-то или, напротив, никчемной, потребляющей, безвольной. В эти годы формируются черты характера — доброжелательное отношение к окружающим людям или эгоизм, потребительство; рождаются и укрепляются интеллектуальные силы ребенка — жадное стремление познать, изведать, разобраться, обратиться за советом и помощью к книге или полнейшая интеллектуальная апатия, уверенность, что учение — скучнейшее занятие. Хорошо известно слова А. С. Макаренко о значении первых пяти лет в жизни ребенка. Л. Н. Толстой в своих педагогических сочинениях неоднократно подчеркивал значение именно этих лет для дальнейшего формирования души человека. В чем же причина такого пристального внимания педагогов к раннему возрасту? И почему сейчас исследователи-психологи так много занимаются этим периодом. Отчасти мы уже ответили на этот вопрос, анализируя роль матери в психическом развитии младенца, значение потребности во впечатлениях для формирования познавательной деятельности ребенка. Действительно, на этом возрастном этапе идет закладка всех основных психических данных человека: формирование познавательной деятельности и интеллекта, личностных механизмов поведения и первых нравственных представлений, нравственных чувств и качеств, развитие самосознания, самоконтроля, то есть первых признаков произвольности поведения, умение преодолевать свои желания, «расцвет» воображения — того важнейшего психического процесса, без которого в дальнейшем просто нелегко творчество.

Конечно, нельзя считать, что дошкольные годы — нечто вроде каменного сосуда, форму которого принимает ребенок, а потом уже ничто не изменится — не добавишь, не увеличишь и не уменьшишь. Несомненно, детские годы оставляют в нашей душе неизгладимое впечатление, но это вовсе не означает, что исключительно этим возрастным периодом определяется формирование всех сторон психики человека. Известно также и достаточно научно обоснованно доказано, что по мере включения ребенка в общение со сверстниками, по мере того как ребенок познает жизнь и взаимоотношения между людьми, многое в его душе

изменяется. Мир его понятий может трансформироваться, нравственные представления приобрести совершенно иное направление, отрицательные черты характера могут быть преодолены, если человек будет считать для себя это необходимым. По мере развития ребенка включаются все новые и новые «механизмы», влияющие положительно или отрицательно на формирование его психики: окружающие люди, коллектив сверстников, школа с ее диапазоном воздействий, социальное окружение. И потому-то, не отрицая большого значения первых лет жизни ребенка, нельзя считать их фатальными, полностью предопределяющими дальнейшее психическое развитие ребенка.

Дошкольные годы — это лишь основная закладка всего того, что в последующем или найдет свое умеренное развитие, или зачахнет, как растение, которое долго не поливают, или расцветет пышным цветом и даст свои плоды — хорошие или плохие. Многие здесь будут зависеть и от случая, и от намеренного нашего вмешательства, и от воли, упорства и степени развитости самосознания и собственной активности ребенка. Вот почему мы и в последующие годы развития ребенка не просто созерцаем свои ошибки, упущения и лишь бессильно склоняем свою седеющую голову перед этими фатальными первыми годами, нет, мы стремимся что-то делать, убеждаем, доказываем, учим, изменяем свое поведение, чтобы вызвать и у ребенка желание совершенствоваться. Если родители стремятся активно воздействовать на ребенка, чтобы воспитать достойного человека, они должны знать те «механизмы» его психики, на которые можно опираться в своих воздействиях или с которыми нужно бороться. Эти «механизмы» на разных возрастных этапах развития ребенка различны, и их значение в формировании тех или иных сторон личности человека чрезвычайно велико.

Так, в дошкольные годы мы сталкиваемся с началом становления такого качества, которое называется самостоятельностью и появляется как чувство «я». Правда, это чувство зарождается раньше как осознание ребенком своих физических действий. Вспомните, с каким наслаждением ваш малыш изо всей силы дергал дверь, стараясь самостоятельно с ней справиться («сам открою»), с каким буквально остервенением он отрывал колеса, а затем крылья от самолета, который только вчера вы ему купили. В такой же мере это чувство проявляется и в желаниях ребенка: «хочу!», «дай!» — требует малыш, еще не умея обуздать своего стремления к удовольствию, требует все: игрушку, сладость, новую вещь. «Мне», «для меня», «мое» — так воспринимает окружающее ребенок. В том же случае, если это «мое» ущемляется: «дай и Сереже конфету», «позволь Вове поиграть твоим самолетом», то для малыша это целая трагедия, а особен-

но, если это не просто: «дай поиграть» или «дай и Сереже, потому что у тебя есть еще», а когда это непонятное (жестокое!) требование: «отдай» и «отдай навсегда». Двухлетнему ребенку такое просто не под силу, потому что в его понимании его вещи принадлежат ему в такой же мере, как части его тела. И потому наше упорное желание «выбить» из него такую «жадность» просто бессмысленно и, кроме слез (повторяем: на раннем возрастном этапе), это ничего не даст, так как еще не созрели те «механизмы», которые позволяют ребенку понять наше нравственное требование — необходимо быть к людям добрым, а в детской интерпретации — это значит поделиться с «ближним» игрушкой, конфетой, яблоком, отломить кусочек шоколадки, вместе прокатиться на санках, вдвоем обуздать «лошадь» — бревно, что лежит на земле. Лишь постепенно ребенок начинает отделять вещи, принадлежащие ему, от самого себя, и вот тогда как раз необходимо предъявлять ребенку наши требования. При этом надо трезво отдавать себе отчет в том, что полностью «искоренить» в ребенке это эгоистическое «поиграл, а теперь отдай — это не твое» мы никогда не сможем, да и есть ли в этом нравственная необходимость? Всегда человеку какие-то вещи должны принадлежать лично, чем-то он может поделиться с другим, что-то отдать насовсем, а чем-то дать только попользоваться. Когда ребенок перестанет проявлять излишнее беспокойство по поводу того, что вы требуете, чтобы он дал другому свою игрушку, то есть когда у ребенка начнется процесс отделения себя от своих вещей, тогда и можно формулировать перед ним наше нравственное требование «не быть жадным». А та «жадность» маленького ребенка, которая нас так удивляла, беспокоила: «И в кого он такой жадный — не пойму, никому ничего не дает, а попросят у него что-то дети, так еще и за спину спрячет», — вовсе не является истинной жадностью, а проявлением формирующегося в этом возрасте чувства «я».

Итак, мы пришли к следующим выводам: в конце раннего детства, и в дошкольном возрасте начинает формироваться у ребенка чувство «я», или самосознание. Чувство это проявляется в осознании ребенком своих физических сил и возможностей, в стремлении удовлетворить свое желание вне всякого понимания того, возможно ли осуществить это желание; в неотделимости своего «я» от принадлежащих ему объектов, начиная от собственных родителей и кончая той игрушкой, которую вчера купили. Спрашивается: так что же это «я», опасно, вредно оно или оно полезно для ребенка? С этим «я» надо бороться, искоренять его? Ответ на эти вопросы можно дать лишь в следующей форме: как всякое явление содержит в себе элементы положительного и отрицательного, единство и борьбу двух противоположных

тенденций, так и формирующееся самосознание несет в себе и пользу, и вред. Все будет зависеть от того, по какому пути пойдет развитие личности, правильно ли мы уловим момент становления «я». Ведь чувство «я» — важнейшая форма активности личности, на его основе формируется ряд чрезвычайно ценных личностных качеств, потому что «я» — это не только осознание своих физических сил, но и осознание в дальнейшем своих нравственных качеств, это оценка самого себя, критическое отношение к своим отрицательным качествам, это контроль за своими действиями и поступками, наконец, это волевое саморегулирование. Чувство «я» формирует ряд чрезвычайно ценных качеств, обеспечивающих поведение человека в обществе.

Несомненно, что формирующееся в ребенке чувство «я» — «благость». Между тем оно и основа развития тех эгоистических тенденций, которые уже заложены в самом этом чувстве и найдут свой расцвет, если его развитие пойдет по пути усиления таких эгоистических требований: «все только мне, все только для меня», «никто другой не должен быть в центре внимания, кроме меня», «все окружающее существует лишь для удовлетворения моих желаний». Но иногда мы сознательно культивируем эгоизм: «Знай только себя!», «Незачем давать другим свои игрушки — поломают, испортят, а я ведь деньги за них платил»; «Не смей свои книги никому давать, посмотри, как истрепал»; «Яблоко в школе сама съешь»; «Ты чего наприглашал полный дом своих друзей?»; «Не будь слюнтяем — сдачу дай»; «Сильным надо быть, чтобы всегда мог постоять за себя»; «Какое там еще уважение к другим! Деньги будут — за них можно купить всякое уважение». Так мы воспитываем личность антиобщественную и аморальную.

Известный русский педагог П. Ф. Каптерев писал:

«Самая первоначальная форма эгоистических чувствований — безграничное стремление к наслаждению, вполне бесцеремонное захватывание удовольствий и благ жизни без всяких особенных на то прав, без всяких заслуг и достоинств. Эта первоначальная форма эгоизма удерживается и в жизни взрослых».

Воровство, грабеж, надувательство во всех их многочисленных формах суть то же самое, что выхватывание ребенком конфет из рук своего же брата или сверстника»¹.

Что же касается неосознаваемого культивирования родителями эгоизма у ребенка, то это может быть и стремление отдать все ребенку, лишь бы ему было хорошо, и удовлетворение не просто нормальных желаний, но и всяческих прихотей,

¹ Каптерев П. Ф. Педагогическая психология. С.-Пб, 1914, с. 219.

и уничтожение у ребенка малейшего желания проявить свою инициативу и самостоятельность, особенно в трудных его первых шагах, наконец, это преувеличение достоинств ребенка и всяческое их возвышение. Такое стремление сделать все ребенку приводит к тем необратимым изменениям в психике, с которыми потом справиться очень трудно и которые, как правило, оборачиваются в дальнейшем сыновней или дочерней неблагодарностью, бездушием, безразличием или бесконечными требованиями к нам — родителям. И вот тогда мы удивляемся: «Все делала для сына, одна осталась, без мужа, и замуж из-за него не вышла, хотелось, чтобы ребенка не травмировал чужой человек, и вот результат: учиться не хочет, пьет, женился — развелся, вновь женился и опять что-то его не устраивает. А я страдаю, волнуюсь». Или еще: «Все мы делали для своего сына. Плохо учился — стали репетиторов нанимать, переводили из одной школы в другую: думали, что учителя виноваты. Едва дотянули до восьмого класса, затем перевели в вечернюю школу, потом с трудом и слезами устроили в техникум, да и в техникум водили «под конвоем». И что же в результате? Он техникум бросил, устроился на одну работу, не понравилось: трудно, вставать надо рано. Устроился на другую, там тоже плохо: тяжело стоять у станка целый день. Вот и болтается с места на место, все ищет легких путей».

«Как-то очень горько осознавать мне, — рассказывает одна мама, — что с дочерью ничего у меня не получилось — нет ни теплоты, ни настоящего понимания между нами, одни ее требования. А началось с того, что когда я рассталась с мужем, то уехала на Север — зарабатывать. И там сэкономила, сэкономила, все хотелось скопить побольше денег, чтобы потом дочь ни в чем не нуждалась. Доходило до того, что часто в доме были только хлеб и картошка, да и то без масла. Я жалела дочери купить не то чтобы шоколадку, даже мороженое. И что же? Накопила эти деньги, отдала дочке — она, конечно, оделась, обулась, приобрела и машину, и кооперативную квартиру, а я ей теперь не нужна. Еще и винит меня: «Ты у меня украла радость детства, я не знала, что такое дружба, ибо никого не могла пригласить в дом, не извела вкуса сладостей, не испытала удовольствия не то, чтобы от новой одежды, но даже от игрушек. Да и тебя я никогда не видела дома, — ты все время зарабатывала». И дочь ко мне является только тогда, когда ей нужна очередная сумма денег». — «А вот мы свою Алену явно сами погубили. В детстве она была хилой, болезненной и мы все делали, чтобы укрепить ее здоровье: возили на море каждый год, ни в чем не отказывали в питании, старались ограничить и ее учебную нагрузку — все боялись как бы она не утомлялась, а что касается работы по

дому, то уже тут и говорить нечего — девочка не имела и представления о том, как вымыть посуду. Все эти наши усилия дали свой результат: девочка выросла здоровой, цветущей и... все. Но учиться не хочет, работать тоже не желает, вышла замуж, но пожила совсем не долго — надоело мужу все делать самому: и стирать, и убирать, и обед варить. Расстались. А сейчас дочь совсем пошла не по тому пути: ходит по ресторанам с сомнительными спутниками, курит, приходит поздно, а то и совсем не ночует дома, от нас требует денег, самой модной одежды, дерзит, если мы хоть в чем-то пытаемся ее упрекнуть, а тем более пристыдить. Горе и только».

К таким, казалось бы, совершенно неожиданным результатам приводит иногда наше неосознанное формирование в ребенке его эгоистических тенденций. Нам кажется, что мы все делаем правильно, что мы заботимся о благе ребенка, мы хотим ему только добра, благополучия, комфорта, а результаты печальные. Конечно, никто не призывает к тому, чтобы детство ребенка было полно лишений, запретов, чтобы ребенок рос лишь в системе требований, чтобы никакие его желания не удовлетворялись. Напротив, наша ласка, доброта, наше желание дать ребенку радость детства, наша забота о том, чтобы ребенок рос спокойным и светло смотрел на жизнь, ему просто необходимы. Такое наше отношение действительно дает свои плоды в деятельности, доброй и отзывчивой личности, но... при одном условии: комфорт и благополучие ребенок получает не за счет других. У ребенка не должно сложиться впечатление, что мы принесли себя ему в жертву, что мы готовы от всего отказаться во имя того, чтобы ему было радостно и приятно, тем более он не должен считать, что окружающие могут быть использованы для достижения каких-то его личных целей, что всюду нужно лишь брать, не давая взамен ничего.

Очень часто мы, не особенно анализируя причины возникновения эгоизма детей и не разыскивая его источников, ссылаемся на довольно распространенную формулу: «Один ребенок в семье, все для него, жили для него, работали на него, вот и вырос эгоистом. Было бы их двое, трое, все бы делили поровну, понимали, что и о другом надо помнить». Но часто это лишь очень удобная лазейка, прикрывающая наше бессилие или наши ошибки. Эгоистами могут быть и двое детей в семье, и все трое, а добрым, отзывчивым и интеллигентным может быть единственный, без братьев и сестер растущий ребенок. Все дело, очевидно, не в самом количестве детей, а все же в общей системе воспитания. К сожалению, бывают случаи, когда матери, воспитавшей двух или трех детей, как говорится, и приютиться негде. Один сын заявляет, что у него малогабаритная квартира и негде

матери поставить койку, у другого хоть и большая квартира, но уж очень заставлена мебелью, чтобы там еще и старуха где-то пристроилась, а тот, видите ли, стал таким важным лицом, что ему неловко показывать простую свою мать сослуживцам и друзьям. Вот и «футболом» дети мать от одного к другому. И те бессонные ночи, проведенные у постели больного ребенка, те лыжи, коньки, не говоря уже о еде, одежде, что были куплены на заработанные деньги, то постоянное волнение матери: «сумели ли дети сами разогреть обед», «не случилось ли чего, пока я на работе?» — все это забыто, затоптано сегодняшними заботами взрослых детей: «надо купить новый гарнитур», «надо отложить деньги на машину», «надо приобрести сережки с жемчугом» и так далее до бесконечности. Бывает, что мать живет одна, а сыну и двум дочерям все нет времени приехать ее навестить: и дорога довольно дальняя (а это может быть всего лишь другой конец города или километров 60—100 за городом), и потратиться надо — не приедешь ведь с пустыми руками, и помочь ей надо — огород там прополоть или крышу починить...

Еще одной довольно распространенной ошибочной на источник возникновения эгоизма является точка зрения, согласно которой эта черта возникает лишь в условиях, когда желания ребенка безграничны, а взрослые не знают меры в их удовлетворении, то есть, попросту говоря, ребенку потакают во всем, его балуют, пестуют, лелеют, и это порождает эгоистическое, потребительское отношение к близким, равнодушие к окружающим. Действительно, такая схема довольно распространена. Но оказывается, что эгоизм формируется не только при избытке ласки и заботы, но еще чаще при ее дефиците. Как это ни странно, но это именно так, и вовсе не трудно понять механизм такого явления.

Уже маленькому ребенку хочется, чтобы его приласкала мать: просто подержала на руках, поцеловала, а когда ему больно, то усилила эту ласку, он ждет заботы, беспокойства о себе. И ему уютно, спокойно, он уверен, что в любой ситуации ему на помощь придут мать или отец — защитят от обидчиков, оградят от неприятностей. А потом эту заботу и ласку родителей он видит во внимании к его учебным делам, в желании дать ему духовное и нравственное развитие. И потому ребенку нет надобности что-то «вырывать из рук», требовать исключительно для себя, концентрировать внимание только на себе: он уверен, что все необходимое — именно необходимое — он получит. А вот когда такой ласки и заботы нет, ребенку и приходится самому искать путей для осуществления своих желаний. У такого ребенка, не испытывавшего по отношению к себе ласки или даже элементарной жалости, не проснется это чувство и по отношению

к другому. Ему в детстве не дали той просто необходимой ему порции теплоты, участия, без которой его дальнейшая «взрослая» жизнь в собственной семье просто немыслима. Мальчик, выросший в семье без ласки, став семьянином, сохранит этот суровый, а иногда просто жестокий стиль и в своих взаимоотношениях с супругой. Такой муж не живет нуждами своей семьи, ребенка, его основная забота — собственное благополучие. Он, зная, что жена больна и целый день одна с трехлетним малышом, как ни в чем ни бывало может спокойно «задержаться» на работе, он уйдет спать в свою комнату и даже ни разу за ночь не подойдет к постели жены: «Да какая там болезнь — простая ангина, за два дня пройдет». И все это не потому, что он не любит свою жену или безразличен к своему ребенку, нет, просто он так привык, так было у него дома: он в детстве был предоставлен самому себе, никто его не спрашивал, выучил ли он уроки, как он себя чувствует, о нем не волновались, не заботились.

Итак, причин, вызывающих эгоистическое отношение человека к окружающим, довольно много, эти причины рождены стилем воспитания в семье, системой отношения родителей к ребенку.

А каковы формы проявления эгоизма? Их тоже много и на разных возрастных этапах развития ребенка они различны. Малыш заявляет о себе и выражает свои требования криком, ребенок постарше «выдает» нам истерические припадки, если мы ему в чем-то перечим, в дальнейшем — это ревность, жадность. Постепенно эгоизм начинает проявляться в нравственной сфере как безразличие и черствость к окружающим, как равнодушие к чужой боли и чужим заботам, как сосредоточенность на себе и своих желаниях.

СОЧУВСТВИЕ И СОСТРАДАНИЕ КАК «ПРОТИВОЯДИЕ» ЭГОИЗМУ

Если внимательно проанализировать историю педагогической мысли от древнейших времен до наших дней, то одной из ведущих идей большинства педагогических произведений является идея воспитания ребенка в духе гуманизма. Любовь к человеку, гуманное отношение к нему — вот что является основным в процессе воспитания. Такую точку зрения на воспитание утверждали русские социал-демократы, она отчетливо выражена в работах К. Д. Ушинского, ее проводила в своих педагогических трудах Н. К. Крупская, отстаивал А. С. Макаренко, она красной нитью проходит в работах В. А. Сухомлинского.

Принцип гуманизма сложился давно. В противоположность религиозному пониманию морали гуманисты считают человека

венцом природы, центром мироздания и утверждают, что человек достоин быть свободным от всякого социального и духовного угнетения, он может избавиться от несправедливости, пороков и невежества и должен совершенствовать себя как личность.

Высшей формой гуманизма является коммунистический гуманизм, ибо полное воплощение принципов гуманизма возможно только при коммунизме, когда, как указывал В. И. Ленин, обеспечиваются «полное благосостояние и свободное всестороннее развитие всех членов общества». Гуманизм провозглашает во взаимоотношениях между людьми любовь и уважение к человеку, предполагает создание в обществе подлинно человеческих условий, необходимых для гармонического развития личности.

Как же научить ребенка быть чутким, отзывчивым, тактичным, внимательным к людям? Как научить его сердце добру? Этому в первую очередь способствует любящее отношение к ребенку близких. Мы об этом уже говорили, но еще и еще раз можно повторить: любящая семья, члены которой внимательны друг к другу, — основа воспитания в ребенке доброты и его доброжелательного отношения к окружающим. А из чего состоит это внимательное и доброжелательное отношение к людям? Как оно складывается? Что такое любовь к людям? С чего начать воспитывать эту любовь? Со слов: «люби Сережу», «люби бабушку», «люби человека»? Вряд ли таким абстрактным путем мы добьемся каких-либо успехов. Огромное значение имеет пример: «Сережа, наша бабушка заболела, я поеду к ней, побуду с ней, сделаю все, что надо, а ты за домом присмотри, заведи Олю из детского сада, накорми ее». Но, конечно, этого мало, потому что так мы можем воспитать у ребенка лишь чувство обязанности или необходимости: «Я обязан вымыть посуду, сходить за сестрой в детский сад, ничего не поделаешь, мама поехала к больной бабушке». Мы учим ребенка тому, как надо заботиться о другом, помогать, но при этом не затрагиваем основного — сердца, и ребенок, помогая, заботясь, в душе будет недоволен: «Сколько можно болеть бабушке, вечно мама там пропадает, а мне каждый раз самому наливай борщ, вари сосиски и вермишель! — Надоело уже за этой Олькой ходить в детский сад, поиграть некогда!» Одного «приучения» помогать кому-то и этим выражать любовь к нему явно недостаточно. Необходимо чувство заботы о другом, чувство сопереживания, сострадания. Только тогда, когда ребенок не просто понимает, что надо зайти за Олей в детский сад, но и испытывает чувство сострадания к уставшей матери, чувство жалости к старенькой и немощной бабушке, только тогда такое поведение не будет ему в тягость. Чувство заставляет ребенка переживать чужую беду как свою

собственную. «У раненого я не спрашиваю о ране, я сам становлюсь раненым», — писал У. Уитмен. «Сочувствие — одна из форм человеколюбия», — подчеркивается во всех руководствах по этике. Выражается сочувствие в понимании другого человека, в оказании ему моральной поддержки, в готовности прийти другому на помощь. Сочувствие — это сопереживание, сострадание, соболезнование. Только тогда, когда, как говорил В. А. Сухомлинский, ребенок не умом, а сердцем поймет боль другого, мы можем быть спокойны — мы воспитали в нем то самое важное, что называется любовью к людям.

Конечно, воспитание в ребенке сострадания далеко не исчерпывает всех вопросов нравственного воспитания, ибо нравственность — понятие более широкое. «Коммунистическая нравственность требует не сладенькой жалости к человеку, сострадания к нему, а оказания действенной помощи людям. Сочувствие к интересам человека практически должно выражаться в борьбе против социальной несправедливости. Такое сочувствие основано не на милости, а на признании прав человека, не на снисходительности, а на высокой требовательности к человеку. Такое сочувствие не унижает, а утверждает достоинство личности»¹.

Итак, сочувствие, сострадание — это эмоциональный компонент доброжелательного отношения к окружающим, тот стимул, который делает доброту человека по-настоящему искренней. Чувства гуманные присущи только человеку, и возникли они в процессе совместной жизни людей, они — выражение общности, солидарности людей.

Настоящая доброта несовместима с подлостью, лицемерием, ханжеством. Чувство сострадания активно, вызывает желание помочь человеку, если он в этом нуждается, или сказать ему прямо и открыто о его вине, мягко, но не преуменьшая ошибок, показать, в чем он заблуждается. Именно эти чувства и лежат в основе формирования у ребенка доброго отношения к окружающим, человеколюбия, доброжелательности, являются «противоядием» от эгоизма и жестокости.

О детской жестокости немало написано в специальной педагогической литературе. Так, в работах А. С. Лесгафта, П. Ф. Каптерева, Дж. Селли, К. Д. Ушинского, в современных исследованиях указывается, что у детей дошкольного возраста иногда наблюдаются такие формы поведения, которые можно определить только как жестокость. Ребенок почти безразличен к смерти близких — смерть брата или сестры для него лишь потеря товарища по игре. Ребенок в такой же мере равнодушен ко всему

¹ Краткий словарь по этике. М., 1965, с. 57.

живому — разрывает на части бабочку, топчет жука, дергает за хвост кошку. Создается впечатление, пишут многие авторы, что ребенок наслаждается таким занятием и что у него полностью отсутствуют жалость и сострадание. Дети могут быть жестоки к младенцу, появившемуся в семье. Все это давало повод обвинять детей в какой-то необычайной жестокости и даже объявлять ее возрастной особенностью детей дошкольного возраста. Но, вероятно, то поведение можно назвать жестоким, в котором есть сознательное намерение сделать другому больно — физически или морально, где поступок питается злобой, ненавистью к этому другому, где жалость и сострадание не стали теми сдерживающими побуждениями, которые в любой ситуации не позволяют человеку ударить другого, унижить или оскорбить его словом, то есть причинить боль — физическую или нравственную. И потому, когда подросток кричит вслед своему ровеснику: «Эй ты, жирная жаба!»; «Слепой очкарик!» или когда он бьет товарища по голове ботинком, его поступки можно назвать жестокими. Если пятиклассник способен отрезать лапки голубю, привязать к хвосту кошки горящую паклю, стрелять из рогатки в птиц, вырезать на живой коре дерева свое имя, это тоже должно заставить нас волноваться. Если юноша приходит домой нетрезвым, устраивает матери скандал, сам не работая, требует от нее денег на выпивку — это тоже жестокость. Итак, жестокость разнопланова. Она и в наших взаимоотношениях и в способности человека оскорбить, унижить другого, выставить на всеобщее осмеяние, шельмование, которым мы иногда подменяем критику, она и в физической боли, которую мы можем причинить живому существу, будь то человек, животное или растение.

Но вернемся к жестокости маленьких детей. Здесь она может идти от эмоциональной неразвитости, вызванной явным психическим заболеванием, в первую очередь умственной неполноценностью. В специальной медицинской литературе описаны случаи, когда умственно отсталый ребенок может спокойно, с тупым и бесстрастным выражением лица вылить горячий суп на голову соседу, перевязать ниткой зубы товарища по игре, а затем деловито дергать за нитку, несмотря на плач и протест, придавить чем-то тяжелым ногу другому ребенку и эту тяжесть удерживать до тех пор, пока на душераздирающий крик малыша не подспеют взрослые. Но это, так сказать, симптомы большой психики, и такая эмоциональная тупость и связанная с ней жестокость — признаки психического заболевания. Что же касается нормы, то очень часто причины жестокого поведения детей иные. обстоятельный анализ детских поступков, производящих впечатления жестоких, показал, что мотивами их могут быть

любопытность, желание ребенка проникнуть внутрь вещей, неудержимая активность, жажда деятельности. Ребенок потому терзает кошку, что ему хочется играть с ней; он держит ящерицу за хвост, чтобы проверить, действительно ли ящерица может оставить свой хвост; он отрывает крылья у бабочки, желая установить, сможет ли она полететь без крыльев.

Такая «жестокость» далека от сознательного и обдуманного желания причинить другому боль, от наслаждения страданиями другого. Равнодушие маленького ребенка к горю и неприятностям взрослых объясняется скорее всего тем, что ребенку просто непонятна суть этих страданий.

Итак, мы пришли к выводу о том, что жестокость не дана от рождения, а те ее проявления, которые наблюдаются у маленького ребенка, далеки от подлинной жестокости. Но... здесь есть одно существенное «но», а именно: если мы будем закреплять эти проявления, а тем более способствовать их развитию, то та детская «невинная» жестокость, которую мы объясняли любопытностью, непониманием и т. д., может перерасти в жестокость подлинную. Это возможно, когда ребенок по мере своего развития сталкивается дома если не с явной жестокостью, то с черствостью, эгоизмом, безразличием к людям. «Мама, смотри, тетя еле идет, и ребенок на руках, да еще и сумка!» — «Идем, мы спешим, нам некогда, не надо было ей столько набирать вещей». И мама быстро пробежала мимо женщины, согнувшейся под тяжестью ноши. «Можно у вас попросить мясорубку, — пришла соседка к маме, — в моей нож затупился!» — «Вы знаете, моя тоже совсем тупая», — лжет мама, а дочери поясняет: «Вот будешь всем давать мясорубку, так нож очень скоро затупится». «Заболела бабушка? Так ей и надо, старой! Как она меня измучила за всю жизнь!» Редко, но все-таки мы встречаемся с подобными фактами. А ссоры в семье при детях, взаимные оскорбления или бездушие и черствость по отношению друг к другу при довольно спокойных отношениях! Мама попала в больницу — повысилось давление. Отцу одному, конечно, тяжело, и он «стоит»: «Вот, не так уж она и больна, чтобы там отлеживаться. А на мне все: и стирай, и вари, и в садик за тобой заходи. А у меня ведь работа. Я ничего не успеваю. Подумаешь там, голова разболелась, у меня она постоянно болит — и ничего». А малыш слушает, впитывает. И не удивительно, если он потом скажет матери: «Подумаешь, голова болит? Можно потерпеть, а я есть хочу, приготовь мне!» Наверное, такому и в голову не придет убрать в квартире, что-нибудь приготовить поесть, пока мама придет с работы. Еще тогда отец не научил его «болеть» самому, если больна мать, волноваться о ней, беспокоиться, бежать в больницу, чтобы проведать мать, принести ей что-то вкусное,

просто порадовать своим посещением. Жестокость вырастает на почве взаимного отчуждения в семье, равнодушия к окружающим, отсутствия желания хоть как-то пойти навстречу другому человеку, не говоря уже о том, чтобы помочь ему в чем-то бескорыстно и искренне. Однако при всем нашем самом горячем стремлении воспитать в ребенке доброту и пресечь всякие возможности развития в нем черствости, а тем более жестокости, есть и такие факторы, которые нам не подвластны. Имеется в виду то, что ребенок может наблюдать и впитывать в общении с другими людьми, что он может видеть на экранах кинотеатров и телевизоров. Конечно, у нас нет тех ужасающих жестоких фильмов, где смакуются садистские сцены, где кровь льется рекой, где жестокость, убийство — норма. Но все же во многих фильмах есть и убийства, есть и жестокость: пулеметные очереди, трупы, погони, расстрелы и прочее. Все это, казалось бы, должно вызывать у зрителей горячее чувство гнева и понимание справедливости таких действий, по отношению к врагам, но это понимаем мы, взрослые. А вот как все это воспринимает ребенок, еще не совсем ясно. Может быть, и он поймет, что с врагами надо бороться, но вместе с тем в его сознании появляется мысль о правомерности убийства, насилия. Конечно, далеко не каждый ребенок впитает в себя эту жестокость, но кто-то примет на «вооружение», ибо подражание, а особенно в детском возрасте, — один из важнейших механизмов психики. Академик Л. А. Орбели считает, что в основе подражания лежат врожденные, наследственно фиксируемые акты. Они-то и стимулируют ребенка поступать в соответствии с увиденным и услышанным: «Наряду с... безусловными рефлексам, у нас есть некоторые безусловные реакции, врожденные и наследственно фиксируемые.

Сюда относится, прежде всего, рефлекс подражания, имитационный рефлекс, бесспорно врожденный, наследственно фиксируемый акт... Маленький ребенок обязательно имитирует и родителей и гостей, и на известном этапе развития это составляет одну из главных форм приобретения новых форм поведения, новых деятельностей»¹.

И потому давайте будем более внимательны к воспитанию у ребенка, может быть, немного старомодных, но таких нужных нам и сегодня чувств, как уважение к другому, сострадание и жалость. Когда же возникают эти чувства? Какой путь развития они проходят, как их распознавать? Специальные исследования свидетельствуют о том, что чувства, в которых проявляется отношение ребенка к окружающим, возникают еще в пер-

вые годы его жизни. Так, у ребенка очень рано появляется сопереживание радости: он улыбается в ответ на улыбку и радостное выражение лица взрослого. В дальнейшем, на втором-третьем году, у ребенка можно заметить уже и явные признаки сочувствия: малыш плачет, видя, как плачет его товарищ по игре, ласкает плачущего, он даже стремится как-то облегчить его страдания, помочь ему чем-то (поднимает упавшего, дует на ушибленное место, целует), то есть ребенок уже начинает понимать другого, замечает, когда человеку плохо, и не только замечает, но стремится уже активно вмешаться, помочь.

«Тебе больно? Давай я тебя поцелую, и сразу тебе будет хорошо», «Ты ударился? Надо зеленкой замазать и все пройдет!»; «Я тебе дам конфету, и тебе не будет больно!» — так наивно, по-детски ребенок воспроизводит в своих взаимоотношениях с детьми те «способы», которые мы, взрослые, используем, жалея, «врачуя» нашего ребенка, когда ему плохо, больно. Подобного поведения мы можем ожидать и по отношению к себе, если мы постоянно показываем ребенку, как проявлять сочувствие по отношению к человеку.

...Маленький Саша играет с мамой. Когда ему удастся поймать мяч, радости нет предела. Но вот мяч попадает маме в лицо. Сделав вид, что ей очень больно, мать закрыла лицо руками и «плачет». Выражение лица Саши моментально меняется: вместо веселости, беззаботности — настороженное удивление. Мать все жалобнее всхлипывает, лицо Саши сморщивается, и он вот-вот готов заплакать. Ребенок подбегает к маме, гладит ее по голове, а потом отдирает прилипшую к карману конфету и протягивает ручонку: «На, не плачь!». Маленький человек не просто сочувствует матери, он и действует: поднимает мать, утешает ее, сует ей конфету. Именно в таких простейших житейских ситуациях и начинается воспитание истинно человеческого чувства — сострадания, чувства, которое уже воплощается в поступок. Ф. Э. Дзержинский писал, что «человек только тогда может сочувствовать общественному несчастью, если он сочувствует какому-то конкретному несчастью отдельного человека».

Именно чувства сострадания, жалости и будут тем противоядием, которое поможет нам в борьбе с черствостью, равнодушием и жестоким отношением ребенка к окружающему. Мы имеем в виду не просто сладенькое, добренькое сопереживание на словах, а деятельное, активное проявление этих чувств в поступках ребенка. Но все-таки еще немало людей мыслят и такими категориями: «Какая еще жалость? — Она расслабляет. А человек должен быть сильным, мужественным. И разве жалостливым надо воспитывать ребенка?» Да, человек должен быть и сильным, и мужественным, но без сострадания мужество пре-

¹ Орбели Л. А. Лекции по вопросам высшей нервной деятельности. М., 1945, с. 121.

вращается в грубую силу и безразличие к окружающим, а ослабляет жалость лишь в тех случаях, когда за ней не стоит четкое желание действительно помочь человеку. По сути, нравственное воспитание ребенка и начинается с развития у него нравственных чувств и в первую очередь симпатии к окружающим, сострадания, сочувствия и жалости к ним. Гегель говорил, что нравственность должна быть насаждена в ребенке как чувство. Чувство, закрепляясь в психике ребенка, постепенно становится побуждением или мотивом поступка. «Я сочувствую горю человека, и я не позволю себе в этот момент обременять его своими просьбами»; «Мне очень жалко этого ребенка, его еще в роддоме бросила мать, и я беру его к себе в дом, воспитываю вместе со своими детьми»; «Я сочувствую этому человеку, его незаслуженно оскорбили, и я вместе с ним делаю все, чтобы добиться справедливости» — так чувство сострадания стало мотивом поступков человека. А у ребенка только идет этот процесс закрепления чувства, и если мы всеми силами будем способствовать тому, чтобы гуманные чувства прочно вошли в его психику, мы многое сделаем в плане нравственного воспитания личности. Постепенно сочувствие, сострадание станут теми элементарными структурами, вокруг которых будут группироваться более сложные личностные образования — гуманное отношение к людям, человеколюбие.

Вначале, как мы уже говорили, сочувствие — это лишь отражение чувства взрослого, симпатии взрослого. Постепенно возникает сопереживание или сострадание: услышав плачущего, ребенок присоединяется к этому плачу, хотя у него у самого во все и нет повода для грустных переживаний, ребенок радуется, хохочет, когда видит, что смеется и радуется другой. Но к трем-четырем годам он уже не плачет, услышав всхлипывание другого, а старается как-то помочь сверстнику, облегчить его страдания: целует, дует на ушибленное место, всеми способами утешает, ласкает, бежит за йодом или зеленкой. Может быть, пока это только подражание. Но именно эти приемы постепенно закрепляясь, соединяются с эмоциональным компонентом, превращаются в реальное переживание, особенно в тех ситуациях, когда ребенок действительно сочувствует другому уже не по подсказке или тем более требованию взрослого, а самостоятельно. Заметив, что другому плохо, ребенок стремится чем-то ему помочь: «Мамочка, что это ты повязала голову платком? Ты плохо себя чувствуешь? Полежи, а я посуду вымою»; «Папа, ты опять «схватил» радикулит? Так ты полежи, я не буду тебе мешать, могу и не смотреть телевизор»; «Ольга заболела? Я скажу ребятам, чтобы не приходили, мы потом закончим собирать радиоприемник»; «Надо поехать к бабушке? Очень скользко на улице, и она не

может забрать те продукты, что ей купили? Ну, так я съезжу, а в кино завтра схожу». Это и есть та жалость, которая становится настоящим чувством, когда соединяется с активным желанием прийти на помощь другому. И только тогда мы можем говорить о реальном, действенном чувстве и с удовлетворением отметить для себя, что мы воспитали в ребенке доброту, когда наш сын или дочь самостоятельно, без нажима, требований или уймы наших усилий, стремятся сделать нам или другим людям добро.

Действенное чувство, в основе которого лежит переживание, формируется не сразу. Ведь для того, чтобы возникло сострадание, как боль за другого, необходимо, чтобы ребенок научился понимать, что и другой человек может испытывать боль, выделять те ситуации, в которых может быть больно и неприятно, замечать выразительные движения, соответствующие страданию, соотносить собственное неприятное ощущение боли с переживанием этого состояния другим человеком. По своей внутренней сущности сострадание — это перенос собственного ощущения боли на другого. Когда это чувство прочно войдет в психику ребенка, оно переносится и на другие «объекты» — на сверстников, на окружающих людей, на природу, животных. И, конечно, мы преусеем в воспитании сострадания, если будем активно фиксировать внимание ребенка на соответствующих переживаниях взрослых и сверстников, когда мы объясним ребенку, что и животным больно, и даже цветку, если его поломать, сорвать, вытоптать. Сочувствие будет лишь тогда действительно нравственным переживанием, когда оно проявляется не только по отношению к близким, но обобщается в человеколюбие, в искренне доброжелательное отношение к людям.

Вот мальчики строят из кубиков: Сережа — гараж, Юра — дворец. Но тут Сереже понадобился именно тот кубик, который был необходим и Юре, поэтому Сережа, не задумываясь, отнял его у Юры. Юра, конечно, стал плакать: «Отдай! Отдай!» — «А ты скажи: пожалуйста», — говорит Сережа, продолжая сосредоточенно укладывать кубики. — «Дай, пожалуйста», — сквозь рыдания выдавливая из себя Юра. «А ты громко скажи», — заслоняет от Юры свою постройку Сережа и, пытаясь, продолжает достраивать гараж. Подобные сцены мы довольно часто можем наблюдать в играх детей. Один ребенок может вести себя «нормально» — не устраивает драк, не отнимает бесцеремонно у товарища игрушки, не визжит, требуя своего, а другой агрессивен, требователен и будет настаивать на своем, несмотря на плач, крик и протесты товарища.

Несомненно, что сострадание и чувство жалости появятся у детей только в том случае, если будем активно стремиться вос-

питывать эти чувства. Взрослый, видя, как плачет ребенок, начинает его «жалеть»: гладит по голове, произносит ласковые слова, целует. Взрослый учит ребенка в соответствующих ситуациях поступать так же: «Видишь, Сережа плачет, пожалей его»; «Наташе больно, она упала, утешь ее, дай ей какую-нибудь игрушку». Подобных ситуаций, в которых можно учить ребенка жалости и состраданию по отношению к окружающим, более чем достаточно, нужно только выделять эти ситуации, фиксировать на них внимание ребенка. Ребенок будет переносить свою доброжелательность и на природу, и на животных. Ребенок, у которого мы воспитали гуманные чувства, просто не сможет издеваться над собакой, не сможет убить божью коровку, жука, растоптать муравья. «Ведь у жука есть дети, разве его можно убить!»; «Божья коровка несет своим детям еду, ее нельзя долго рассматривать, потому что дети ее сидят голодные».

А как быть со столь трудным с нравственных позиций разделением насекомых и животных на вредных и полезных? Что делать — учить ребенка «жалеть» полезных и убивать вредных? На этот вопрос лучше ответить так: никого не убивать — ни вредных, ни полезных. Даже если насекомое — вредитель, пусть занимаются его уничтожением взрослые, а ребенка все-таки лучше не учить упражняться в жестокости, пусть она и «оправдана» тем вредом, который приносят эти насекомые или животные. В такой же мере и природа должна быть объектом гуманных чувств ребенка: «Нельзя топтать цветы, траву — это тоже живые существа, им больно!»; «Вот смотри, кто-то сломал ветку у дерева, и капли, как слезы, текут». Если с детства ребенок привыкнет к тому, что сорвать, вытоптать, уничтожить живое нельзя, то, и став постарше, он никогда не оставит в лесу горящего костра, не станет сверлить березу, не бросит бумагу и консервные банки на лесной опушке — не потому, что боится замечаний, штрафа или наказания, а потому, что поступить иначе ему не позволяет совесть.

ЗАРОЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЧУВСТВ — ПЕРВЫЕ «ПОЧЕМУ?», «ЗАЧЕМ?», «ОТЧЕГО?». СТРАХИ ДЕТЕЙ

К концу дошкольного возраста поведение ребенка начинает резко меняться. Если раньше малыш беззаботно предавался играм, беготне, а желание двигаться, шуметь было одним из его основных желаний, если его очень мало интересовали происходящие вокруг него события и он еще не улавливал взаимосвязи между явлениями, а закономерности, по которым протекают

явления, еще совсем были ему недоступны, то постепенно ребенок постигает мир с его законами, взаимозависимостями, взаимопереходами, противоречиями и сложностями. И это первое постижение мира во многом стимулируется чувствами, которые называют интеллектуальными. Возникают эти чувства в процессе познания окружающего мира, в процессе решения тех задач, с которыми человек сталкивается в жизни. Это и удивление перед сложным или непонятным явлением, и желание узнать что-то новое, еще не познанное, и сомнение в правильности найденного решения, и радость по поводу сделанного открытия, уверенность или неуверенность в правомерности того или иного вывода и т. д. Перечисленные чувства далеко не однозначны, отличаются по своему содержанию, по сложности, и потому, естественно, они далеко не сразу возникают у ребенка. Одни из них формируются и проявляются уже в дошкольном возрасте, другие можно наблюдать лишь у взрослого человека.

Но все-таки малыш начинает испытывать удивление перед непонятным и неведомым, радость при решении хотя и простейшей, но уже задачи, любознательное стремление познавать, чувство удовольствия от своих первых, еще робких интеллектуальных действий. К четырех-пятилетнему возрасту раньше почти безразличный ко всему, кроме игрушек и беготни, малыш вдруг начинает нас буквально засыпать вопросами: «Отчего луна то круглая, то остренькой становится?»; «Откуда звезды берутся?»; «А кто качает деревья?»; «Что такое граница, зачем ее охраняют, кто живет за границей, какая она — граница?»; «Почему рыбы живут в воде, а почему они умирают, если их вытащить из воды? А как это — умирают? А что рыбы кушают? А осьминог — это тоже рыба? Неужели кит — не рыба, и как это может быть?». У ребенка дошкольного возраста в процессе познания действительности включается эмоциональный компонент, делающий этот процесс захватывающе интересным. Поэтому ребенок не просто наблюдает события — он хочет узнать их причину, ему интересно выяснить, что вокруг него происходит и почему именно так, а не иначе.

Ребенок полон доверия к словам взрослого, убежден, что мама, папа, бабушка все знают и о чем бы их ни спросил, могут дать исчерпывающий и ясный ответ.

Все волнует ребенка, на все он жаждет услышать ответ. И потому тербит взрослого: «а почему?», «отчего?», «зачем?». И тут позиция взрослого должна быть абсолютно четкой: или точный, ясный, понятный ребенку этого возраста ответ, или ссылка на то, что данное явление еще и взрослым не совсем ясно, или сознательное завуалирование того, что ребенку еще не следует знать. Иногда при этом надо и самому заглянуть в энциклопедию

или в соответствующие справочники, книги, сходить в библиотеку, чтобы объяснить ребенку то, о чем он так настойчиво спрашивает.

Но все же в тех ситуациях, где содержание или причина явления могут быть легко установлены самим ребенком без помощи взрослого, просто необходимы наши настойчивые требования: «А ты сам подумай»; «Рассмотри внимательно сама, может быть, и догадаешься»; «Сам попытайся сделать, тебе это уже под силу». Именно таким путем мы и будем стимулировать в ребенке вот то желание самостоятельно что-то узнать, о чем-то догадаться, установить что-то общее, закономерное, что неразрывно затем соединится с интеллектуальными чувствами, а в дальнейшем станет основой интереса, любознательности, а затем и творчества. Но никогда нельзя на вопросы ребенка отвечать: «отстань», «не мешай мне со своими дурацкими вопросами», «я занята, потом». А «потом» уже и не надо, потому что если интерес к познанию не будет вовремя поддержан, согрет и разожжен, то будет уже поздно. Хорошо, если ребенок сам стремится к познанию, сам что-то ищет в книгах, спрашивает у других. А если этого страстного желания познать у него не будет? Вот тогда-то мы и столкнемся: «Я не хочу учить эту ненавистную химию»; «не буду решать задачи — надоело»; «не стану я читать «Войну и мир» — достаточно того, что смотрел по телевизору». И мы волнуемся, переживаем, нервничаем, ужасаемся: «Не желает сын учиться! Так бы хотелось, чтобы закончил 10 классов, но хотя бы до восьмого дотянул!»; «Ни за что дочка не хочет заканчивать десятилетку, уперлась — пойду в торговлю работать: это интереснее, чем целыми днями зубрить!» Может быть, причина этого — то равнодушие к вопросам ребенка, к его интересам, к его жадному и бескорыстному стремлению познать, которое мы так бездумно подавляли, когда он был маленьким? Нам казались эти вопросы глупыми и бессмысленными, и ответы нам не всегда было легко находить, а рыться в книгах не хотелось, спрашивать у других — неудобно.

Необходимо поддерживать в ребенке это зарождающееся чувство познания, стимулировать любознательность, пробуждать чувство удивления перед неизвестным, умение увидеть новое, разобраться в непонятном, вызывать самостоятельное желание понять неясное, сделать для себя известным неизвестное. Такие чувства в дальнейшем будут стимулировать интеллектуальный поиск ребенка. Уже в дошкольном возрасте начинает развиваться процесс мышления, а далее он будет все большее место занимать в психике ребенка и потому интеллектуальные чувства, неразрывно связанные с процессом мышления, будут все более и более необходимы ребенку. Они станут основой его интересов,

а значит, и жизненных целей, они будут стимулировать не только учебную деятельность и процесс познания, но и творчество. «Какой бы неустойчивой и шаткой ни казалась нам (особенно в первые годы) умственная жизнь ребенка, мы все же не должны забывать, что ребенок «от двух до пяти» — самое пытливое существо на земле, и что большинство вопросов, с которыми он обращается к нам, вызвано насущной потребностью его неутомимого мозга возможно скорее постигнуть окружающее»¹, — пишет К. Чуковский.

Но если интеллектуальные чувства только формируются в дошкольном возрасте, то нравственные уже достигают определенной «зрелости». Мы уже говорили о том, что к шестилетнему возрасту у ребенка достаточно определенно проявляется чувство сострадания, что ребенок уже испытывает это чувство и под его влиянием соответственно поступает по отношению к окружающим людям. У детей дошкольного возраста начинает закрепляться также чувство стыда, формируются первые элементы совести как острого переживания своей вины, чувство симпатии к сверстнику перерастает в устойчивую привязанность, ребенок остро переживает разлуку с матерью, отцом, с близкими, он скучает, будучи лишенным общения со сверстниками, может обижаться, испытывать ревность во взаимоотношениях с друзьями, то есть палитра его чувств становится все более яркой и многоцветной. Понаблюдайте за своей дочкой, когда она играет с детьми, и вы увидите, как она расстроилась, когда такой нужный им шарик закатился под диван, как обиделась, когда Сергей не захотел остаться с ней поиграть, как переживала, когда Марина очень долго играла с ее любимой игрушкой. Вспомните, как ваша дочь волновалась придут ли к ней на день рождения все ее друзья, как она плакала, когда у ее любимой куклы провалились куда-то глаза, как радостно прижимала к себе того пушистого зайчонка, о котором давно мечтала и которого вы ей наконец-то купили, как горько рыдала, когда потеряла красненький шарик («Маленький такой, стеклянный, мне его Саша подарил»). Все это свидетельствует о том, что ребенок постепенно осваивает все те эмоциональные состояния, которые свойственны человеку. В общении со сверстниками, близкими, знакомыми и незнакомыми людьми ребенок испытывает различные чувства: радость, обиду, гнев, страх, печаль, сострадание, жалость, стыд и др. Одни из них — мимолетны, преходящи, другие оставляют какой-то след в психике ребенка, третьи прочно и основательно закрепляются и могут давать о себе знать спустя длительный промежуток времени. Особенно такое случается с чувством стра-

¹ Чуковский К. От двух до пяти. К., 1958, с. 113.

ха. В специальной педагогической литературе довольно обстоятельно описаны факты проявления чувства страха у детей, а в медицинской — нервозность детей как последствия таких страхов. Первые проявления этого чувства (а может быть, еще и не чувства?) появляются у очень маленького ребенка: он может испугаться какого-то резкого звука, страх у него может возникнуть в каких-то новых и непривычных для него условиях, его может испугать даже неожиданное появление известного предмета. По мере развития ребенка чувство страха не исчезает, оно лишь видоизменяется и переключается на другие объекты. То, что было страшно в раннем детстве, может вовсе не пугать нашу подростковую дочь: «Ох, как наша Ирина раньше боялась пылесоса — визжала, когда его включали, убегала в другую комнату, пряталась там в шкаф, а сейчас сама включает и просит разрешить ей поработать»; «А как она испугалась ковра, который мы ей повесили над кроватью! А сейчас смеемся все вместе, когда об этом вспоминаем. Но она стала бояться другого — боится врача, сколько мы ее ни уговаривали, сколько ни доказывали, что Ольга Петровна, наш участковый врач, очень хорошая, что она детям помогает — лечит от всех болезней. Но ничего сделать не можем: дрожит, бледнеет девочка, стоит ей только увидеть Ольгу Петровну». Да, действительно, некоторые страхи «уходят», когда дети становятся старше, а вот некоторые остаются и остаются надолго. Приведем для подтверждения этой мысли рассказы взрослых людей о том, какими постоянными могут быть наши страхи. «В детстве я очень боялась темноты, особенно на улице. Мы жили недалеко от леса, и когда я оставалась дома одна, а кругом темно и деревья, у меня душа уходила в пятки. Достаточно было какого-то резкого звука, и я начинала дрожать, вся покрываться холодным потом. Я и сейчас ни за что поздно не выйду на улицу».

«Я родился в лесной местности и с детства привык к лесу. Но вот однажды мне посчастливилось найти целую семью белых грибов. Я стал на колени и так, ползая, срезал шляпки. Левой рукой я разгребал листья, как вдруг возле меня в сторону поползла гадюка. После этого я целую неделю плохо спал, снились кошмары. Я долгое время не ходил в лес, а после того как осмелился пойти, то вздрагивал при малейшем шорохе. И даже сейчас я боюсь леса, боюсь всего ползающего. Вздрагиваю даже тогда, когда вижу ящерицу».

Из этих воспоминаний взрослых людей можно лучше понять нашего собственного малыша и извлечь для себя кое-какие уроки. Прежде всего то, что страх, пережитый ребенком, не такое уж «невинное» чувство, и если малыш плачет, упирается, если он приходит в аффективное состояние, стоит задуматься над тем,

надо ли его тащить именно сейчас на прививку, надо ли долго и обстоятельно ругать или бить за какой-то поступок, надо ли держать в вечном страхе. Ведь какими-то неведомыми путями часто переживаемый страх, а особенно если это страх наказания, постепенно «расползается» как раковая опухоль, сковывает инициативу, волю ребенка, сдерживает его свободу, убивает самостоятельность и уверенность в себе. Сильное чувство страха может навсегда «вонзиться» в психику ребенка, острые приступы страха человек будет испытывать не только в реальных ситуациях, но и в воображаемых. Конечно, есть немало ситуаций, в которых ребенок может испугаться и которые мы, родители, к сожалению, просто не в силах предусмотреть: на ребенка неожиданно набросилась собака, он увидел в лесу змею, он испугался грозы, ему стало страшно в темной комнате. Но есть и ситуации, подвластные нам. Конечно, не стоит из-за каждого пустякового случая наказывать ребенка, тем более бить, не следует из-за каждой плохой оценки подвергать ребенка суровой каре, лучше попытаться выяснить причины неуспеваемости. Стоит подумать над тем, оставлять ли маленького ребенка одного дома, особенно зимой, когда рано наступают сумерки. Не надо запугивать ребенка уколами, врачами, милицией — вряд ли такая мера даст положительные результаты. Все-таки немало страхов у детей вызываем мы сами — то ли в силу непонимания того, что может ребенка испугать, то ли из-за своей жестокости, то ли из-за простой беззаботности. Подумайте, нет ли в вашем поведении по отношению к вашему ребенку того, что рождает его страхи. Есть немало данных о том, что причина таких недугов детей, как неврозы, заикания, бессонница, раздражительность, что такие черты характера, как трусливость, робость, неуверенность в себе и своих силах, заключена в тех остроаффективных переживаниях страха, которые испытал ребенок в своем общении с людьми или в своем восприятии окружающей действительности.

К врачу-психоневрологу очень часто обращаются родители и объясняют, что ребенок стал заикаться или у него появилась «нервность» после того, как на него выскочила из-за забора огромная собака и громко залаяла; другой стал просыпаться по ночам, звать мать, кричать после того, как за ним погнался козел; третий капризничает после того, как старший брат переоделся в вывернутый наизнанку тулуп и заревел, как медведь. Долгое время считалось, что причиной неврозов у детей является исключительно испуг, особенно у впечатлительного, чувствительного ребенка, имеющего слабую нервную систему. Однако, хотя невроз у ребенка развивается большей частью вслед за психической травмой или испугом, причины возникновения нервного расстройства более сложны и связаны со всем процессом воспитания.

Есть смысл остановиться более подробно на этих причинах, так как, оказывается, многие из них вызваны ошибками воспитания. Событий, которые могут у ребенка вызвать испуг, вполне достаточно, но интересно то, что не у каждого ребенка одно и то же событие может вызвать чувство страха и, кроме того, часто не само по себе событие вызывает страх, а та пугающая оценка, которую дают взрослые этому событию. Вот почему необходима спокойная реакция родителей даже в тех случаях, когда ситуация действительно может вызвать у ребенка чувство страха. Ведь дети храбрее нас, взрослых: они не боятся упасть с балкона, перевешиваются с перил лестницы, нисколько не опасаясь перевернуться, высоко взлетают на качелях. Детям не страшно просто потому, что они еще не осознают опасности — не оценивают расстояния, не предвидят боли, не понимают того, что могут упасть. Ребенок может спокойно стоять возле огня, но достаточно ему хотя бы один раз испытать боль от ожога, чтобы он стал бояться всего горячего. Конечно, мы заранее должны предупреждать возможные опасности: «не подходи к плите», «не трогай спички», «слезь с подоконника, а то упадешь», «не дразни собаку — укусит». Все это мы говорим спокойно, объясняем ребенку доброжелательно и доступно. Но стоит нам показать свой ужас, стоит обнаружить тревогу, беспокойство, и ребенок вслед за нами может пережить аффективное состояние страха. Вот девочка с испугом прижалась к матери, увидев мужчину с длинной и густой бородой. «Ну что ты, милая, ничего здесь нет страшного — просто у мужчины на лице могут расти очень длинные волосы». А вот мама открыла дверь на звонок и, увидев окровавленную руку сына, в ужасе отпрянула, запричитала: «Ой, кто это тебя, где это ты, что с тобой? Ой, что будет!», — и забегала по квартире вместо того, чтобы спокойно осмотреть руку ребенка.

Врачи советуют для предохранения детей от нервных срывов как можно спокойнее относиться ко всякого рода происшествиям, которые могут испугать ребенка, объясняя, что в них нет ничего страшного, не запугивать детей, стараться по возможности выполнять разумную просьбу ребенка, выраженную в спокойной форме, и в то же время внимательно следить, чтобы нервные проявления никогда не приносили ему каких-либо «выгод».

В медицинской литературе описаны и так называемые навязчивые страхи у детей: Петя испытывает, казалось бы, необъяснимый страх перед дощатым забором, Таня боится бородатых мужчин, Лена испытывает навязчивый страх перед козами, Коля, попавший в автомобильную катастрофу, стал бояться ходить и стоять. Но если ребенок при этом не переживает острого состояния со всеми симптомами аффекта (дрожь, бледность, рас-

ширенные зрачки, холодные конечности и др.), то можно и не очень опасаться — невротического здесь ничего нет. Но если страх действительно навязчив и ребенок не может от него избавиться, если он каждый раз дрожит от ужаса, когда сталкивается с предметами, вызывающими у него чувство страха, то необходимо обратиться к врачу-психоневрологу. Это важно еще и потому, что скоро ребенок пойдет в школу.

ЧУВСТВА УВЕРЕННОСТИ, УСПЕХА И НЕУСПЕХА. ИХ ЗНАЧЕНИЕ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕБЕНКА

С поступлением в школу для ребенка заканчивается беззаботный период, полный игр и развлечений. Теперь перед малышом много проблем: надо выучить уроки, успеть все сделать вовремя, необходимо в школе слушать, запоминать, над чем-то думать, что-то решать, а если еще и занятия по музыке или кружок английского языка, то совсем некогда не то чтобы поиграть, но и просто вспомнить об игрушках. В не менее трудном положении оказываемся и мы, родители: для нас закончилась та относительная легкость быта, которая обеспечивалась детским садиком. А теперь необходимо подумать и о сытном завтраке, и о бутерброде в школу, приготовить обед, побеспокоиться об ужине. А эти постоянные волнения: «Не обидел ли кто дочку в школе? Успела ли она выполнить на «продленке» все уроки? Вечером непременно надо проверить». Такие мысли не покидают нас в течение дня и, едва закончив работу, мы мчимся в школу — быстрее забрать ребенка домой, прекрасно понимая, что малышу очень трудно прожить целый день в сорокаголосом шуме первого класса, в тяжелой обуви, стесняющей одежде, в условиях, где нет возможности прилечь или просто посидеть в мягком кресле. Это особенно трудно после садикового режима с обязательным дневным сном, с прогулками, играми. И потому мы так спешим в школу к нашему «первоклашке», а дома садимся за стол, проверяем, насколько чисто и правильно выполнены уроки, что-то доделываем, что-то переписываем, что-то заучиваем, повторяем.

А как ребенок? Что в нем изменилось с началом школьной жизни? Как сказываются на его состоянии эти трудности? В общем, вероятно, легче, чем нам кажется, ибо в целом психика его готова к решению тех проблем, которые возникают в этот возрастной период. Так, одним из важнейших новообразований психического развития ребенка этого периода является формирование так называемой произвольности психической деятельности. Что же это за новообразование? Для объяснения обратимся к раннему и дошкольному детству. В этот период развития психика ребенка

(внимание, восприятие, память, мыслительная деятельность) подчинена как бы тем непосредственным впечатлениям, тем случайным ситуациям, в которые попадает ребенок. Он был в зоопарке, и его чрезвычайно поразил морж, вынырнувший из воды как раз в тот момент, когда малыш подошел к вольеру. Мальчик до мельчайших деталей запомнил внешний вид животного и буквально все, что было связано с этим эпизодом, хотя совершенно не ставил перед собой задачи запомнить. Или вы читаете малышу сказку про козу и семерых козлят, при этом вы вовсе не принуждаете ребенка быть внимательным, не призываете его сидеть тихо и спокойно — он и без того само внимание. Более того, он сам просит вас еще и еще раз прочитать эту сказку, и, хотя знает, что козлят спасут, каждый раз переживает за них и чуть ли не сам готов прогнать волка или хотя бы подсказать глупым несмышленышам, чтобы они не отворяли двери. А когда вы попросили сына пересказать сказку, то он повторил ее буквально слово в слово, да еще и с вашими интонациями и комментариями. Ребенок не принуждает себя к тому, чтобы что-то запомнить, заучить, рассмотреть, внимательно за чем-то следить. Психическая деятельность маленького ребенка подчинена принципу произвольности: интересно — потому и запомнилось, чем-то удивило, поразило — хочется рассмотреть более внимательно, непонятно — надо разобраться. Новое, необычное, яркое, интересное — вот что на ранних этапах развития ребенка вызывает деятельность его внимания, памяти, восприятия, мышления. Лишь постепенно, по мере того как ребенок включается в деятельность (учебную, познавательную), по мере того как он «сталкивается» с задачами и проблемами, у него возникает желание выучить, запомнить, получше разглядеть, он принуждает себя быть внимательным, напрягает усилия к тому, чтобы в чем-то разобраться и что-то решить, то есть появляются первые элементы произвольности психической деятельности — постановка цели запомнить, быть внимательным, выучить, решить. Как правило, такая произвольность соединяется с чувством усилия.

Но перед школьником возникает проблема обязательности заучивания, запоминания, решения задач: хотя и не хочется что-то делать, но надо. Вот тогда и формируется чувство усилия над собой: необходимо преодолеть нежелание, потому что надо выполнить то или иное школьное задание. Это важнейшее новообразование психики, знаменующее начало формирования чисто человеческих черт психической деятельности. Ведь только человек может ставить перед собой цели, преодолевать внутреннее нежелание, подавлять какие-то побуждения, идущие вразрез с поставленными целями, только человеку свойственно осознанное понимание необходимости выполнения тех или иных действий.

И только человек может усилием воли превозмочь себя и свои желания, выполнять что-то во имя «надо». Вот почему так важно правильное понимание родителями этого формирующегося новообразования. Ведь если у ребенка вовремя выработается умение преодолевать свое нежелание, если у него будет развито понимание необходимости выполнения того, что от него требуют окружающие, и если его чувство усилия будет помогать ему справляться с собой и своим «не хочу», то в дальнейшем преодоление каких-то внутренних препятствий может стать для него привычным, обыденным, и ребенок спокойно будет понимать, что в жизни есть и неинтересное, но обязательное. При этом следует помнить о такой опасности. Родители могут быть слишком требовательными к ребенку-школьнику. Ребенок уже не может сидеть и бесконечно писать палочки и кружочки, он устал несколько раз читать один и тот же текст, ему хочется отвлечься, но отец или мать, следуя своему желанию видеть в сыне только отличника, а затем по меньшей мере студента вуза и крупного ученого, сидят вместе с ним, принуждают его, заставляют заниматься несмотря на то, что ребенок трет глаза от усталости, что у него разболелась голова. И тогда чувство усилия, которое необходимо, чтобы ребенок умел преодолевать себя и свое нежелание работать, может превратиться в аффективное состояние и вылиться в ненависть к учебному процессу. Чувство усилия из помощника превращается во врага. Нельзя постоянно и «до бесконечности» преодолевать себя, постоянно напрягать себя, ибо возникает так называемая насыщенность чувством. Вот почему надо стремиться к тому, чтобы сочетать учебные занятия с игрой, а подчас и превращать, особенно на начальном этапе учебы, учебную деятельность в игровую. К тому же в физическом плане ребенок младшего школьного возраста еще не готов к длительным физическим нагрузкам — у него еще не закончилось окостенение фаланг руки и запястья, поэтому он быстро устает. Не учитывая этого обстоятельства, мы по несколько раз заставляем ребенка «для красоты» (а значит, для оценки) переписывать письменное задание, увеличивая и без того большую, особенно для первоклассника, нагрузку. Еще раз повторим, что чрезмерная нагрузка вызывает чувство пресыщения учебной деятельностью, а это препятствует формированию у ребенка интереса к школьному обучению и развитию у него основного мотива учебной деятельности — потребности в познании. И поэтому если у ребенка в начальных классах не развиваются потребность в познании, интерес к обучению, то в дальнейшем это может привести к возникновению нежелания учиться. И если мы вначале с помощью нашего авторитета, приказа, принуждения еще можем заставить ребенка заниматься, то позже это будет намного сложнее. Вот почему так важно «не

убить» в ребенке его первоначальную естественную любознательность, направлять ее так, чтобы она в дальнейшем стала жизненной необходимостью. Чтобы сохранить в ребенке его такое горячее и такое естественное желание познавать, но при этом превратить познание в управляемый и систематизированный процесс — в обучение, надо умело направлять это желание по правильному руслу — руслу самостоятельного поиска.

В младшем школьном возрасте необходимо закрепить и другое важнейшее чувство, связанное с зарождающейся интеллектуальной деятельностью, — чувство успеха. У ребенка очень рано зарождается это чувство. Малыш чрезвычайно доволен, когда его хвалят, и очень опечален, если мы его за что-то журим, в чем-то упрекаем, указываем на его ошибки. Радость стимулирует желание еще тщательнее, еще лучше исполнить то или иное дело, а огорчение может или угасить наш пыл, или, напротив, вызвать прилив энергии и стремление исправить промахи, добиться хороших результатов. Однако как и вообще положительные чувства являются более сильным стимулятором психической деятельности по сравнению с отрицательно окрашенными, так и чувство успеха по отношению к чувству неуспеха более продуктивно по своим результатам, и потому стимулировать его более важно в педагогическом плане. На каждом шагу мы сталкиваемся с тем, что какие-то действия, поступки ребенка мы должны принимать и поощрять, а какие-то отвергать. И потому мы за что-то ребенка хвалим и за что-то наказываем. В этой диалектике поощрений и наказаний нужно проявлять осторожность, уметь предвидеть, какие последствия будет иметь для ребенка наша система воздействий.

Как это ни парадоксально, но иногда наши самые хорошие намерения дают совершенно противоположный результат. Мы хотим, чтобы наш малыш хорошо учился, но не просто хорошо — мы страстно желаем видеть его «золотым медалистом», а потому уверены, что не должны пропускать ни малейшего промаха в его учебе: «Опять у тебя не получилась буква «в», садись и пиши наново, пока не напишешь как полагается»; «Такую простую задачу и не можешь решить, вот недотепа!» И то у ребенка плохо, и это плохо — на каждом шагу мы указываем ему только на его промахи и ошибки, мы подчеркиваем его неудачи, забывая при этом, что этим самым формируем у него чувство неуспеха, от которого до неуверенности в себе и своих силах один шаг. К тому же такая система педагогических воздействий не только вызывает отрицательные эмоции и общую заторможенность психики, но и сдерживает процесс формирования тех или иных учебных навыков: письма, чтения, затем решения интеллектуальных задач, то есть в целом учебной деятельности. Между тем научные иссле-

дования свидетельствуют о том, что в наших воздействиях на ребенка опора на чувство успеха, подкрепляемое поощрением, дает несравненно более высокие результаты. «Ничего, что у тебя не совсем круглая получилась буква «о», следующую ты напишешь лучше, внимательно смотри на строчку, чтобы буква не выходила за ее пределы. Смотри, как теперь получилось красиво». И ребенок улыбается от радости — его похвалили, его успех подчеркнули, значит, получается, нужно только постараться, и все будет в порядке. Мы замечаем малейшее достижение ребенка, не забываем похвалить за самый незначительный успех, выражаем уверенность в силы ребенка, в его возможности добиться еще лучших результатов. Это вселяет в него веру в себя, возбуждает в нем чувство гордости, радости, вызывает желание совершенствовать свои знания и умения. Чувство успеха, закрепленное поощрением, приводит к формированию уверенности в себе. Каждый человек должен определенно знать, какими ресурсами он располагает, каковы его возможности, способности, что он в жизни может, чего должен добиваться. А когда человек уверен в своих силах, ему лучше преодолеть любые препятствия и трудности на своем пути, он не испугается в сложной ситуации, не пойдет у кого-то на поводу, ибо уверен в себе. Такую сильную, инициативную, настойчивую в исполнении своих замыслов личность мы сможем воспитать, если будем стимулировать в ней чувство успеха и уверенности в себе.

При этом не следует опасаться зазнайства, самоуверенности, самомнения и т. д. Конечно, если самоуверенность и самомнение не основаны на реальных достижениях, если они не соединяются с постоянной работой над собой, если ребенок в своем развитии останавливается на достигнутом, довольствуясь лишь тем, что уже есть, то такая самоуверенность, кроме вреда, ничего не даст. Но когда ребенку все интересно: он и математикой с удовольствием занимается, и много читает, и ходит в зоологический кружок, и просит родителей «достать» ему и те, и другие книги, чтобы глубже разобраться в том, чем он интересуется, когда он не кичится перед друзьями своими знаниями, а углубляет их, стремится к чему-то новому, то эта его самоуверенность лишь понимание того, что ему интересно с теми ребятами, которые ближе ему по духовному развитию, и, естественно, он будет проявлять безразличие к тем, кто ограничен в своих знаниях и интересах. Так что давайте не будем бояться чувства успеха и даже самоуверенности, потому что эти чувства способствуют развитию активности, инициативности и самостоятельности формирующейся личности. Ведь по мере развития ребенка непосредственные эмоции постепенно трансформируются в устойчивые чувства, превращаясь в мотив поведения. И потому в развитии интеллек-

туальной деятельности, в первую очередь ее активности, а затем и творческого поиска, чувства успеха и уверенности в себе необходимы. В такой же мере в ребенке должны быть развиты и чувства, мотивирующие и регулирующие его нравственную жизнь. Характеристика этих чувств дана в следующем разделе.

ЭМОЦИЯ КАК МОТИВ ПОСТУПКА. СТЫД, ВИНА, СОВЕСТЬ

Чувства могут управлять поведением человека. Мы уже говорили о той сложной взаимосвязи, которая существует между чувством и эмоцией. Если эмоция — это непосредственное переживание, то чувство формируется постепенно, под влиянием условий, в которых человек воспитывается, и, закрепляясь в результате поощрений со стороны окружающих, чувство становится органически присущим личности, устойчивым личностным образованием. Именно таким путем формируются нравственные, эстетические и интеллектуальные чувства. Так, нравственное чувство, закрепляясь в психике, становится мотивом, направляющим поведение человека. Только тогда мы можем говорить об истинно нравственном поведении личности, когда мотивом нравственного поступка становится нравственное чувство: сострадание, сопереживание, жалость, стыд, совесть, чувство чести и собственного достоинства. Человек помогает другому, делает добро не из корыстных мотивов, а потому, что так велит ему его совесть, он так воспитан, он привык поступать по отношению к людям доброжелательно. Мотивом доброго поступка человека должно быть прежде всего чувство уважения к окружающим людям. Истинно нравственной является та личность, которая не может ни при каких обстоятельствах поступить безнравственно. Ведь иногда человек попадает в такие ситуации, когда обстоятельства или интересы других людей требуют от него поступать вопреки его совести. Часто он оказывается и в ситуации «давления» со стороны других. Как здесь поступить? Поддаться ситуации? Уступить другим? Именно в таких случаях и проверяется человек, истинность и глубина его нравственных чувств. Мысль о том, что в первую очередь воспитание в семье формирует в ребенке устойчивость его нравственных чувств, превращает эмоцию из эпизодического переживания в чувство, регулирующее поведение, не является новой. Но все же мы еще раз подчеркиваем, что пример окружающих — это перво-степенное условие формирования нравственных чувств. Важную роль примера в воспитании подчеркивал еще И. М. Сеченов: «Общество должно беспокоиться о просвещении разума своих членов, должно учить их добру, правде и труду и обязательно примером,

потому что моральное чувство неминуемо требует наглядного обучения»¹. Особенно важными в формировании нравственных позиций личности являются чувства стыда, вины и совести. Эти чувства очень часто становятся регуляторами поведения человека: заранее предвидя угрызения совести, человек стремится избегать тех поступков, которые могут вызвать эти мучительные переживания. К. Маркс писал: «...стыд — это своего рода гнев, только обращенный вовнутрь»². А вот что мы читаем у Л. Н. Толстого: «Ничто вернее того, чего человек стыдится и чего не стыдится, не показывает ту степень нравственного совершенства, на которой он находится»³.

Чувство стыда человек испытывает в ситуациях, когда совершает какой-то безнравственный поступок, когда знает, что за этот поступок будет осужден людьми. При этом человек переживает крайне мучительное состояние недовольства собой, вины перед другими. Это чувство настолько бывает сильным, острым, так бурно переживается, что человеку буквально хочется сделаться невидимым, «провалиться сквозь землю», у него возникает желание спрятаться, убежать.

Чувство это, как и другие нравственные чувства, присущие только человеку, хотя у разных людей, да и у разных народов причины его могут быть неодинаковыми и даже совершенно противоположными. То, что для одних людей кажется постыдным, другие воспринимают спокойно, чего одни всячески избегают, зная, что так поступать стыдно, другие делают со спокойной совестью. Представление о том, что является постыдным, в первую очередь зависит от нравственных позиций человека, а также от тех норм и нравственных принципов, в которых протекает воспитание. Чувство стыда — это та отрицательная оценка, которую дает человек поступкам, противоречащим нормам морали, оно как бы заранее предупреждает.

Чувство стыда присуще всем людям. Ч. Дарвин специально изучал его проявления у разных народов земного шара и пришел к выводу о его всеобщности, хотя индивидуально у людей оно развито по-разному. Зависит это прежде всего от того, в какой мере в процессе развития ребенка и его воспитания уделялось внимание развитию этого чувства. Все дети рождаются со своего рода способностью испытывать чувство стыда, а вот уже от нас, родителей, будет зависеть то, как мы разовьем эту способность.

Когда же, на каком этапе развития ребенка у него начинается

¹ Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947, с. 327.

² Маркс К. Избранные письма. Л., 1953, с. 9.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Юбилейное издание. М., 1928—1952, т. XI, ч. I, с. 179.

формироваться чувство стыда? Первые внешние проявления, напоминающие чувство стыда, появляются очень рано: малыш смущается, прячется за мать, когда к нему обратится незнакомый человек. Но, конечно, это еще далеко не истинное чувство стыда, а скорее робость, смущенность, замешательство. Ведь стыд всегда связан с чувством вины, осознанием какой-то неправильности в своем поведении, пониманием того, что поступок оценивается окружающими отрицательно. В том же, что ребенка привлекают к общению, пытаются его «разговорить», обращают на него внимание, провинности со стороны ребенка нет, хотя внешняя форма его реагирования очень напоминает и чувство стыда, и чувство страха. Возможно, где-то вначале эти чувства слиты воедино, а лишь затем начинают дифференцироваться: страх превращается во внешний тормоз поступков человека, стыд становится внутренним регулятором поведения. И потому эти первоначальные проявления робости-смущенности не нужно угашивать, так как это первые ростки двух мощных чувств, регулирующих поведение. И чувство страха ребенку нужно, потому что оно оберегает от опасности, поддерживает инстинкт самосохранения, и тем более ему необходимо чувство стыда, потому что оно оберегает от поступков, противоречащих нормам морали.

Но вот наш ребенок стал постарше и уже начинает усваивать правила поведения, начинает разбираться в том, что «хорошо» и что «плохо». Тут-то и будем на чеку, постараемся, чтобы это «плохо» не просто осознавалось разумом, но и поддерживалось чувством, чтобы ребенок испытал чувство вины перед другим человеком за это «плохо», чтобы он пережил состояние недовольства собой и стыда от того, что, зная о предосудительности такого-то поступка, все-таки совершил его. Именно тогда вместо первоначальной робости и смущенности возникнут неловкость, неудовлетворенность собой, вызванные осуждением взрослых. Люда, ученица второго класса, взяла у Сергея без спросу карандаш. — «А Люда взяла у меня карандаш!» — жалуются учительнице Сережа. — «Это мой карандаш!» — крикнула Люда. «Нет, я знаю, что это карандаш Сережи», — сказала учительница, и девочка при этих словах покраснела и опустила глаза. Это уже не робость, не боязливость и даже не смущенность. Это уже чувство стыда: Люда прекрасно осознала, что поступила плохо, что ее поведение осуждается учительницей, и девочке стало стыдно.

Стыд — довольно сложное чувство, и далеко не сразу оно проявляется у ребенка, ему, этому чувству, ребенок должен «обучиться». Вы спросите: как это обучиться? Мы привыкли к тому, что обучаются письму, чтению, решению задач, езде на велосипеде. А как можно обучиться чувствам? Они где-то по-

иную сторону, они внутренне даны. Не вдаваясь в терминологические тонкости, лишь подчеркнем, что, по сути, развитие в ребенке тех или иных явлений психики подчиняется одним законам — законам научения. Ребенок научается письму, и в равной мере он научается тому, как вести себя по отношению к сверстникам, взрослым, к родителям, к учителям в школе. И в зависимости от того, как мы его научим этому, он будет себя вести: сдержанно, скромно, вежливо или развязно, нагло, бесцеремонно. Поэтому ребенка можно и нужно обучать чувствам — стыда, сострадания, жалости, гордости, достоинства. Прежде чем испытать чувство стыда, ребенок должен четко знать, что хорошо, что поощряется окружающими, а что плохо, что ими осуждается. «Это плохо, это стыдно!» — говорим мы осуждающим тоном, с соответствующим выражением лица, чтобы ребенок действительно проникся чувством стыда, чтобы оно вошло в его сознание, закрепилось, чтобы в следующий раз он избегал услышать от родителей этот осуждающий тон и увидеть недовольное выражение лица. Ребенок при этом не просто поймет, что его поступок предосудителен, но и испытает огорчение, вину, неловкость, а отсюда уже и недалеко до чувства стыда.

Несомненно, что развивать это чувство нужно на простейших и доступных пониманию ребенка фактах поведения, в первую очередь связанных с требованиями чистоты, гигиены, а способность ребенка стыдиться своих грязных рук, запачканного платья, непричесанного и неумытого вида в более старшем возрасте будет перенесена и на нравственные поступки. Но уже в младшем школьном возрасте мы можем столкнуться с поступками ребенка, которые требуют нашего активного вмешательства с опорой на чувство стыда.

...Алена была в гостях у своего соседа Сергея. А когда они с мамой пришли домой, то мама, заглянув через какое-то время в комнату, где была девочка, заметила, что Алена что-то прячет. Мама удивилась и забеспокоилась: «Что это у тебя, дочка, покажи мне». Алена в замешательстве и растерянности разжала руку, и мама увидела красный шарик. — «Откуда он у тебя?» — спросила мама. «А я... я у Сережи взяла. У него их много, они даже на полу валяются», — с жаром стала доказывать девочка; очевидно, прекрасно понимая суть своего поступка. — «Что, тебе такой шарик очень понравился?» — «Да, очень!» — «Почему же ты мне не сказала? Я бы тебе купила. А теперь, знаешь, что мы сделаем? Сейчас опять пойдем к Сереже, и ты положишь шарик на то место, где его взяла. Даже если у Сережи их много, и они валяются везде, все равно никогда ничего не бери без разрешения в чужом доме, да и в своем тоже. А завтра пойдем в магазин, и я тебе куплю много таких шариков».

И мама слово сдержала: на следующий день она купила дочке шарики.

Чем старше ребенок, тем более тонкие приемы мы применяем для возбуждения у него чувства стыда. Если на ранних этапах действенной была форма: «Это стыдно», «Как тебе не стыдно!», то школьник уже понимает укоризненный взгляд взрослого, ироническое замечание, даже просто подчеркнутую сдержанность. Ребенок этого возраста уже испытывает чувство стыда и без воздействия взрослого, так как может сам понять недопустимость своего поступка, может самостоятельно оценить свое поведение с точки зрения тех требований, которые ставят перед ним окружающие. Ребенку становится стыдно, если он знает, что его поступок вызовет осуждение окружающих. Несомненно, что формированию чувства стыда способствует прежде всего усвоение ребенком нравственных норм поведения и правил взаимоотношений с окружающими. Только тогда он может правильно определить и свое эмоциональное отношение к поступку. Поэтому переживание стыда лишь тогда воспитывает, когда ребенок понимает суть своего поступка, то, какое именно нравственное требование он нарушил. И потому когда мы стыдим его за проступки, в которых ребенок ничего плохого не видит, и он не знает, что они осуждаются окружающими, мы не достигаем успеха. В высшей мере непедагогично стыдить ребенка за то, что исправить самостоятельно он не может. Между тем порой можно услышать от взрослого: «Что это за пальто на тебе? Его, наверное, лет десять носил твой брат, а теперь тебе дали!» Ребенок, плача, бежит к матери: «Не буду носить это пальто. Надо мной смеются!»

Стыд — чувство глубоко общественное. Оно выражает повышенную чувствительность ребенка к мнению и оценке окружающих и по мере развития все чаще начинает проявляться во взаимоотношениях ребенка не только со взрослыми, но и с ровесниками. Особенно остро это чувство испытывают старшие дети перед коллективом сверстников. Для ребенка все большее значение приобретает мнение коллектива, оценка окружающими его поступков. Стыдясь за свой поступок перед коллективом класса, ученик старается впредь вести себя так, чтобы больше не переживать неприятного чувства стыда. Чем старше ребенок, тем легче у него возникает чувство стыда под влиянием общественного мнения. И надо сказать, что влияние это нередко бывает сильнее авторитета родителей. Поэтому наш сын может испытать глубокое чувство стыда, если товарищи уличат его в ябедничестве, например, и в то же время со спокойной совестью дает списать решенную им задачу, подсказывает кому-то из друзей на уроке (сила общественного мнения класса на стороне тех, кто таким образом «помогает» товарищам). Вот почему мы

иногда не добиваемся с помощью пристыживания никаких результатов, так как «общественное мнение» той группы ребят, с которыми общается сын, противоречит нашим требованиям. Вы убеждаете сына, доказываете ему, стыдите за то, что он так грубо, бесцеремонно относится к бабушке («Бабка, дай мне чаю», «Принеси из кухни печенье!», «Почисть мне брюки»), но эффект нулевой, ибо его друзья ведут себя так же и считают это нормой. Бывает, что учитель стыдит недисциплинированного ученика, но виновник не только не смущается, но, напротив, чувствует себя героем среди товарищей.

Ребенок может переживать чувство стыда не только за себя, не только за свой поступок, но и за другого человека — за товарища, за брата или сестру, даже за родителей. Ребенок стыдится за отца, который часто приходит домой в нетрезвом виде, ему может стать стыдно за мать, когда она солгала соседке.

Дети уже могут сами стыдить своего сверстника за тот или иной неблагоприятный поступок, выражая этим свое возмущение его поведением, осуждение его действий.

...Школьники готовят к весенней посадке грядки. Все охотно принимают участие в этой работе. Но Дима, которому поручено носить воду, предпочел игру и стал весело бегать по школьному двору. Заметив это, Вова подошел к нему и сказал: «Как тебе не стыдно, Дима! Клавдия Павловна сказала, чтоб ты носил воду, а ты играешь!» Несомненно, что только те дети, у которых сформировано уже чувство стыда, могут замечать плохое поведение своих товарищей, стыдить их.

Хочется обратить внимание и на такую особенность чувства стыда: у некоторых нервных и впечатлительных детей оно настолько легко возбудимо, что часто возникает вовсе не из-за совершенного поступка, а лишь при одной мысли, что его можно совершить. Достаточно такому ребенку представить, что окружающие могут заподозрить его в совершении неблагоприятного поступка, и он покраснеет, несмотря на полную невиновность. К сожалению, не всегда родители об этом догадываются. Нередко, заметив на лице ребенка смущение и замешательство, они уже считают его виновником.

Нужно помнить, что есть и так называемый ложный стыд. Мы уже говорили, что содержание чувства стыда определяется теми моральными нормами, которые присущи человеку, и потому то, чего человек стыдится, зависит именно от этих норм. Когда эти нормы не соответствуют общепринятым нормам поведения, мы и говорим о ложном стыде. Чувством ложного стыда объясняется уклонение некоторых подростков от домашнего труда, нежелание надевать ту или иную одежду, отказ пойти погулять с младшим братиком и т. д. С такими ложными представлениями

очень трудно бороться, и не всегда убеждения, доказательства будут нашими помощниками в их преодолении. Шутка, ироническое замечание, легкая насмешка, решительное осуждение, особенно если они исходят от постороннего человека, могут помочь избавиться от ложного стыда.

Чувство стыда, превращаясь в устойчивое эмоциональное состояние личности, сдерживает ребенка от слов, желаний, побуждений, которые осуждаются окружающими, потому что чувство стыда возникает не только в момент совершения какого-либо поступка, но и под влиянием представления о том, что этот поступок может быть отрицательно оценен окружающими. И потому ребенок пытается сдержать себя, побороть в себе те желания, те действия, которые могут вызвать такое осуждение. Это происходит в силу того, что требования, предъявляемые к нему, постепенно превращаются в требования к самому себе: у ребенка развивается внутреннее «стыдно» — активно сдерживающий механизм поведения. Это означает и изменение личности ребенка в целом: ребенок начинает оценивать себя, более четко различать, где добро и где зло. У него возникает чувство неудовлетворенности собой, очень неприятные переживания по поводу того, что делал не так, как следовало бы, не выполнил того, что надо было выполнить, происходит борьба между побуждениями и нравственными нормами. Об этой борьбе свидетельствует и мужество, которое проявляет ребенок, признаваясь, что сказал неправду, и усилие воли, заставляющее его извиниться перед товарищем. Так постепенно чувство стыда, закрепляясь, становится основой формирования совести.

Совість определяют и как форму морального сознания, и как чувство. Совесть как бы заранее оценивает тот или иной поступок человека как морально-положительный или морально-отрицательный. Это тот внутренний оценочный «голос», который говорит, что хорошо и что плохо, и который помогает человеку принять правильное решение в сложных жизненных обстоятельствах. Наша совесть обнажается, когда мы делаем что-то вразрез с нашими нравственными представлениями или когда мы понимаем, что наш поступок оценен окружающими отрицательно. Обыкновенно человек не может успокоиться, пока не исправит последствий своего негативного поступка и тем самым не восстановит покой своей совести. При этом человек может прекрасно знать, что его никто не накажет за этот поступок, что даже никто просто и не узнает о нем, но совесть мучит, изводит, заставляет признаться. И только тогда наши мучения могут закончиться. Стыд и совесть — очень близкие чувства. В «мучениях» совести всегда есть чувство стыда. Собственно, на основе способ-

ности ребенка стыдиться и вырастают первые переживания совести.

...У Люды заболела мама, поэтому, когда бабушка, идя с девочкой из школы, купила ей пирожное, Люда сразу решила отнести его больной маме. Однако, пройдя немного, она не выдержала и кусочек съела, через некоторое время отломала еще кусочек. Пока дошла домой, от пирожного ничего не осталось. Когда они с бабушкой подошли к дверям квартиры, девочка решительно отказалась войти: «Я не пойду, мне стыдно, что я съела пирожное и маме ничего не оставила!» — горько плакала она.

Чувство стыда диалектично по своей природе. Это чувство заставляет ребенка признаться в плохом поступке, подавить те отрицательные желания, которые приводят к неблагоприятным поступкам, но одновременно чувство стыда может и заглушить признание. Ребенку заранее делается стыдно, неудобно, страшно, что окружающие, узнав о его поступке, перестанут его уважать, любить, что он может предстать в каком-то невыгодном свете. Все эти сложные переживания препятствуют стремлению ребенка рассказать правду. Нежелание ребенка показать себя в невыгодном свете перед авторитетным и уважаемым для него человеком, страх потерять его уважение, стыд за себя побуждают его к какому-то не особенно добрым делам. Кроме того, ребенок может переживать чувство стыда, лишь когда отчетливо представляет, что его поступок стал известен окружающим. Если же удастся скрыть свое поведение, то ему не стыдно.

«Я один раз, — призналась Таня, — сказала маме, что купила хлеб, а сама купила мороженое». — «И тебе не было стыдно, что ты обманула маму?» — «Так ведь никто не узнал!»

Лариса потеряла ключи от квартиры, но дома сказала, что вовсе не брала их. «Не было мне стыдно, потому что мне поверили», — сказала девочка в ответ на вопрос, не было ли ей стыдно за ложь.

ЧУВСТВА И ХАРАКТЕР РЕБЕНКА

В научной литературе уже давно установлен тот факт, что чувства являются основой формирования многих характерологических черт личности. Так называемые эмоциональные черты характера формируются под влиянием того, что ребенку в определенных, повторяемых ситуациях приходится испытывать определенное эмоциональное состояние, которое закрепляясь, становится причиной возникновения устойчивой особенности, привычки или черты характера. Известный психолог Л. С. Выготский пишет: «Учение об эмоциях стало неотъемлемой и центральной частью учения о характере. Если раньше эмоция рассматрива-

лась как удивительное исключение, как «вымирающее племя», то сейчас она связывается с характерообразующими моментами, то есть с процессом построения и образования основной психологической структуры личности¹. Психологический механизм этого процесса приблизительно таков: похожие эмоции, переживаемые ребенком в одной, другой, третьей однотипных ситуациях, упрочиваются, закрепляются и становятся мотивом, побуждающим ребенка точно так же поступать и в четвертой, пятой ситуациях, а затем трансформируются в черту характера. Мотив, как известно, определяет поступок человека, а если поступки часто повторяются и если мотив в них неизменен, то постепенно поступок и соответствующий ему мотив закрепляются, то есть становятся устойчивой чертой личности. Так, чувства сострадания и симпатии, становясь мотивом, во многом определяют развитие в человеке доброжелательности к окружающим. Часто испытываемое чувство злости, антипатии к людям, закрепляясь в действии, может стать причиной формирования жестокости, злобности и ярко выраженной агрессивности. Часто переживаемое чувство неловкости, смущенности лежит в основе развития застенчивости. Чувство гордости, фиксируясь в поступках, приводит к утверждению самоуважения.

Попробуем проследить, как идет у ребенка процесс формирования черт характера, чтобы еще раз убедиться в важности тех, казалось бы, быстротечных и неумовных состояний человека, которые называются эмоциями. Чаще всего нас волнуют в ребенке такие черты, как застенчивость и робость, самолюбие и себялюбие, лживость, трусливость, озлобленность, нервозность. Что собой представляют эти черты и какие конкретно эмоции лежат в основе их формирования?

Мы уже говорили, что застенчивость расцветает из первоначальной смущенности и робости ребенка. Маленький ребенок смущается, стесняется при неожиданном обращении к нему, когда чувствует, что стал объектом внимания многих людей. Он стесняется, когда его просят в присутствии других петь, танцевать, читать стихи, смущается, когда осознает свою оплошность, даже тогда, когда она остается незамеченной другими. Эта первоначальная смущенность выражается и в скованности ребенка, и в расстройстве его речи (ребенок умолкает или говорит что-то бессвязно), и в потере точности и целесообразности движений (смутившись, ребенок начинает, например, поправлять на себе одежду, крутить волосы, тереть кончик платья, трогать рядом стоящие предметы), и в появлении особой — застенчивой — улыбки. Такое состояние сопровождается общей заторможен-

ностью: в состоянии смущения ребенок не может ответить на поставленный вопрос, выполнить требуемое действие. Иногда смущение вызывает неоправданную внешними причинами и часто совершенно нехарактерную для данного ребенка кратковременную возбужденность: смутившись, он начинает вдруг шалить — прыгает, скачет, гримасничает и т. д. Он отказывается знакомиться с теми, кого не знает, вместо приветствия молчит, когда к нему обращаются незнакомые люди, убегает или начинает громко, невпопад говорить, суесться. Учителя и родители чаще всего подобное поведение ребенка принимают за обычное баловство, каприз, упрямство. Однако эти действия вызваны не тем, что ребенок капризничает, упрямится, а тем, что он хочет побороть в себе какое-то непонятное ему самому волнение. Чувствуя, что окружающие могут заметить его состояние, ребенок, чтобы скрыть и одновременно заглушить его в себе, неосознанно прибегает к этим необъяснимым на первый взгляд действиям. Безусловно, трудно сразу увидеть в них смущение, а между тем это лишь своеобразное его проявление. И если ребенку дать время прийти в себя, не обращая при этом на его поведение никакого внимания, то он довольно скоро успокоится.

Состояние смущенности свойственно всем детям, но у некоторых склонность к нему может чрезмерно развиться и превратиться в черту характера — застенчивость. Дети, которым присуща эта черта, с трудом вступают в контакт с окружающими. Застенчивость состоит в неуверенности в себе, в своих силах и возможностях, в необъяснимом страхе перед публичным выступлением, в постоянной боязни произвести на окружающих неблагоприятное впечатление. Объясняется это тем, что застенчивый ребенок не замечает своих достоинств, всегда занижает оценку своих качеств: ему кажется, что он и неловок, и смешон, и некрасив, что любое его действие произведет на окружающих только отрицательное впечатление. Поэтому застенчивый ребенок находится в постоянном напряжении, опасаясь каждым шагом обнаружить и подтвердить кажущуюся свою неполноценность. Такой ребенок отличается повышенной впечатлительностью, особой чувствительностью, и малейший пустяк, самое незначительное, неприятное для него замечание приводят его в глубокое волнение. Очень убедительно и психологически тонко передал переживания застенчивого человека Н. А. Некрасов в стихотворении «Застенчивость»:

Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша.
А вот я-то войду как потерянный,
И ударится в пятки душа.
На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,

¹ Виготский Л. С. Психология искусства. М., 1968, с. 131.

Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова...
Улыбнусь — неprovорная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя.
Пощутить захочу — шутка плоская,
Покраснею мучительно я¹.

Действительно, то, что обычно для детей пустяк, а для некоторых просто удовольствие (рассказать стихотворение, спеть песенку), для застенчивого ребенка просто мучительно, трудно: «на губах замирают слова». При этом характерно, что застенчивый ребенок в обычной для него и хорошо знакомой ему обстановке дома, у близких совершенно спокоен, свободно общается с родными и сверстниками, но как только попадает в обстановку незнакомую, вся его непринужденность мигом исчезает. Смущение настолько овладевает им, что как обручем сковывает его все движения, вызывает общую заторможенность, потерю ориентировки и даже временное ослабление зрения, слуха, памяти. Расстраивается и речь: она становится несвязной, утрачивает стройность и последовательность. Одним словом, ребенок впадает в состояние, близкое к страху. Но это страх особого рода — он порождается у ребенка не ощущением конкретной опасности, которая грозит ему от окружающих людей или вещей, а неуверенностью в себе, заниженной самооценкой. Страх застенчивого ребенка бесприметен — его вызывает одно лишь присутствие человека или группы людей. При этом ребенок хорошо понимает, что эти люди вовсе не желают ему зла, и все же теряется, робеет.

Подрастая, ребенок начинает сознавать застенчивость как недостаток, пытается организовать всю свою силу воли, чтобы побороть его. Он хочет быть непринужденным, как и его товарищи, но не может, стыдится своей застенчивости, боится, что она станет предметом насмешек, глубоко корит себя за слабость воли, всяческими ухищрениями пытается скрыть покраснение лица, а некоторые дети стараются вообще поменьше бывать в окружении сверстников. Все эти противоречивые переживания накладывают особый отпечаток на поведение застенчивого ребенка, болезненно обостряют его самолюбие, вызывают стремление уйти в себя, быть подальше от окружающих. Ребенок становится крайне замкнутым и молчаливым, порой производит обманчивое впечатление гордого, высокомерного, что, безусловно, вызывает отрицательное к нему отношение сверстников. Между тем застенчивые дети не потому необщительны, мало разговорчивы, неконтактны с окружающими, что свысока на них смотрят, а просто им трудно сво-

бодно и просто беседовать, играть, смеяться вместе со всеми — их сковывает смущение.

Необходимо отметить, что степень развития застенчивости у детей различна — от гипертрофированной тяжелой скованности до легкого смущения, проявляющегося, однако, довольно часто. Например, у девятилетнего Вити застенчивость — одна из характернейших особенностей. Мальчик сторонится буквально всех, теряется, когда к нему обращаются, пытаются с ним заговорить. Особенно трудно ему на физкультуре, на занятиях по музыке. Под влиянием общей заторможенности, вызванной смущением, он забывает, что надо делать, в какой последовательности надо выполнять движения. Петя, танцевать он может лишь вместе со всеми детьми, но когда его просят выступить самостоятельно, мальчик решительно отказывается. А вот у десятилетней Наташи тоже наблюдаются подобные проявления, но они менее яркие, менее заметны, скорее проходят, а, главное, ее застенчивость не превалирует над другими чертами характера.

В некоторых случаях застенчивость принимают за определенную умственную отсталость. Ребенка спрашивают на уроках, требуют повторить задание, а он отказывается: «не знаю», «забыл», «не умею». Из этих ответов создается впечатление, что ребенок действительно ничего не знает, что ему трудно дается учение и что он вообще недостаточно развит. Если же понаблюдать за поведением ребенка в домашних условиях, то это первое впечатление быстро исчезает. Дома такой ребенок совершенно свободно и стихотворение прочитает, и расскажет сказку, и станцует.

Как же нужно относиться к застенчивости? Существует мнение, что застенчивые дети более податливы с точки зрения усвоения воспитательных воздействий, им легче, чем другим, привить положительно направленные черты личности. Но дело здесь, вероятно, не в самой застенчивости, а в повышенной восприимчивости и чувствительности нервной системы. Эти особенности нервной организации ребенка при умелом воспитательном подходе создают благоприятные условия для развития, с одной стороны, нравственной чуткости, с другой — требовательности к себе. Сама же по себе застенчивость (если она не сильно развита) не является существенным недостатком характера. На ее основе в дальнейшем часто расцветают такие ценные в общении черты, как тактичность, скромность, чуткость, деликатность, вежливость. Это и понятно. Ведь застенчивый ребенок, постоянно анализируя свои поступки, свое поведение, начинает лучше понимать товарища, замечать его плохое настроение, понимать его состояние, переживание. Зная себя, свои силы и возможности, правильно их оценивая, застенчивый ребенок не станет преувеличивать их. Кроме того, некоторая неуверенность ребенка, отличающегося

¹ Некрасов Н. А. Сочинения. М., 1950, с. 25.

застенчивостью, постоянно заставляет его работать над собой, повышать свои знания, а в более старшем возрасте побуждает к самосовершенствованию. Однако застенчивость, чрезмерно развитая, принимающая болезненную форму, серьезно осложняет жизнь ребенка, отрицательно влияя на его психику. Такая застенчивость односторонне направляет развитие ребенка, способствует появлению неуверенности в себе, недооценки своих возможностей, на ее основе часто возникают необщительность, замкнутость.

Надо полагать, что формированию застенчивости, как и любой другой черты характера, способствуют как определенные внутренние условия, так и внешние конкретные обстоятельства. Несомненно, что застенчивость не является прирожденной особенностью, вызывающей специфический способ поведения, хотя, вероятно, какие-то природные предпосылки, в виде повышенной чувствительности нервной системы, и лежат в основе ее развития. Однако более существенными обстоятельствами являются жизненные условия, в которых формируется личность ребенка, и прежде всего особенности воспитания ребенка в семье. Впечатлительный ребенок что-то сделал не совсем так, как нужно. Родители высмеяли его, пристыдили или рассказали посторонним о его поступке, что, несомненно, произвело на ребенка тягостное впечатление. Если это повторится несколько раз, ребенок в дальнейшем будет каждый раз пугаться: «А вдруг я опять что-то не так делаю?» Этот постоянный страх будет сковывать, тормозить все его действия, подорвет в нем уверенность в себе, вызовет болезненное развитие застенчивости.

Развитию застенчивости способствует также «тепличный» характер жизни ребенка в семье. Некоторые родители не приучают ребенка к труду, к длительным занятиям, все стараются за него сделать сами. Не сталкиваясь с трудностями, не преодолевая препятствий, ребенок становится безынициативным, беспомощным и вследствие этого застенчивым. В других случаях родители считают, что чем меньше их ребенок общается с ровесниками, тем более нравственно цельным он будет расти: ни с чем дурным он не столкнется и ничего плохого ему не придется услышать. Ребенка редко пускают гулять, не позволяют ходить к другим детям. В результате ребенок становится необщительным, застенчивым и даже пугливым по отношению к окружающим. В более старшем возрасте причиной застенчивости может быть осознание ребенком какого-то своего недостатка, особенно физического. Совершенно ясно, что наши тактичность и внимательность, стремление помочь ребенку избавиться от недостатка или внушить ему, что этот недостаток можно компенсировать развитием в себе других достоинств, в значительной мере способствуют уменьшению застенчивости.

Распознавание застенчивости в раннем возрасте и педагогически правильное отношение к этой черте характера важно потому, что по мере развития ребенка застенчивость имеет тенденцию усиливаться, достигая апогея в юношеском возрасте. В некоторых случаях она становится психическим явлением застойного характера, требующим вмешательства врача-психиатра. Именно такое состояние описал выдающийся ученый В. Н. Бехтерев. В работе «Покраснение лица как особый вид болезненного разлада», анализируя состояние больного человека, особенности его поведения, Бехтерев подчеркивает, что причиной данного заболевания (ученый назвал его эритрофобией — страхом покраснения) является гипертрофированное чувство смущенности, часто фиксируемое сознанием человека. Характерным признаком этого заболевания у человека является боязнь покраснеть в присутствии посторонних. Больной испытывает необыкновенные страдания, он боится любого публичного выступления, даже беседы с человеком, а необходимость сидеть за столом с несколькими людьми для него мучительна. Особенно сильно он испытывает страх, когда окружающие рассказывают о разного рода нераскрытых преступлениях, проступках и т. д. Ему кажется, что и в кражах, и в поджогах, и в убийствах присутствующие подозревают именно его и именно потому об этом говорят. Другая форма страха у человека, заболевшего эритрофобией, — это страх посмотреть прямо в глаза другому человеку. Больному кажется, что все его недостатки, проступки, «преступления» написаны в его глазах, и достаточно любому человеку лишь взглянуть ему в глаза, чтобы все это «прочесть». Такие больные отворачиваются от устремленных на них взглядов, опускают голову, даже прячутся.

Нетрудно увидеть в этих описаниях психиатра все признаки «нормальной» застенчивости, ведь гипертрофия явления всегда отражает его в наиболее яркой форме. Исследования В. Н. Бехтерева важны не только в том отношении, что они дают возможность психологического анализа застенчивости, но и являются свидетельством того, насколько важно нам, родителям, знать особенности этой черты характера, способствовать тому, чтобы в юношеском возрасте она не превратилась в болезненную.

Глубокое влияние на формирование черт характера ребенка оказывают чувства страха, гнева, собственного достоинства, жалости, сострадания, злости, ненависти. Мы уже говорили о том, что чувство гнева становится причиной развития у ребенка таких черт, как упрямство, негативизм, капризы, что это чувство рождает злобность, агрессивность и даже жестокость. Мы проанализировали также, что чувства жалости и сострадания лежат в основе формирования у ребенка гуманного отношения к окружающим.

шим, а значит, и формирования таких черт, как чуткость, отзывчивость, доброжелательность. В такой же мере и чувство страха может стать тем внутренним условием, которое рождает целый ряд таких черт характера, как робость, трусливость, лживость. Как же это происходит? Обычно, используя страх, мы стремимся подавить в ребенке те его побуждения или действия, которые нам кажутся нежелательными. Мы грозим ребенку наказанием, если он насслушается, не выполнит требуемого действия, если он поступит вопреки нашей воле, проявит нерадивость, недисциплинированность. Да мало ли за что мы намерены наказать нашего сына или нашу дочь! И во всех этих случаях мы апеллируем к чувству страха: «Не сделаешь то-то, пойдешь без разрешения туда-то, не выполнишь уроки, схватишь двойку — смотри, будешь наказан!» И ребенок, страшась наказания, выполняет все наши требования.

Воздействуя страхом, мы, по существу, сдерживаем ребенка, а потом восхищаемся сами собой: все-таки «вышколили», «сломали», сумели «воспитанием» подавить. Но при этом мы забываем, что в целом эмоция страха имеет астенический характер, она парализует энергию человека, снижает его жизнеспособность. Как писал известный русский педагог П. Ф. Каптерев, использовать страх в воспитании ребенка — это все равно, что для излечения незначительной болезни одного какого-то органа давать сильный яд, губящий весь организм. Ведь немало есть свидетельств тому, что под влиянием страха ребенок начинает заикаться, он становится замкнутым, стеснительным, исчезает его жизненная энергия, подвижность, живость, ребенок становится неуверенным в себе, робким и лживым. Вновь обратимся к точке зрения П. Ф. Каптерева по этому вопросу. «Крайне дико, нелепо и бесчеловечно, ради задержания какого-то действия разрушить общую жизненную энергию человека страхом. Поступать так и с животными совершенно невыгодно. Поэтому арабы, например, воспитывают своих прекрасных лошадей без побоев, лаской, а поступать так с людьми — это прямо уже человечеству обойдется слишком дорого. Мера лечения во сто раз вреднее самой болезни»¹.

Несомненно, что страх во всех сферах его применения (для удержания ребенка от асоциальных и аморальных поступков, и для повышения его учебных успехов), кроме вреда, ничего не даст. Ибо для того, чтобы ребенок хорошо учился, его прежде всего должен притягивать интерес к предмету, помимо того, ребенку нужен покой души. А страх вынуждает трусить, лгать, обманывать: ребенок боится наказания за плохую оценку, за за-

пись учителя в дневнике по поводу каких-либо нарушений и потому скрывает или явно лжет. Он лжет родителям, если знает, что даже за малейший проступок будет наказан, «выкручивается», изворачивается, лишь бы избежать ремня, темного угла, лишения чего-то очень для него существенного. И потому когда ребенок трусит, лжет, изворачивается — ищите причину в тех промахах, которые вы допустили в воспитании, докопайтесь до причины, которая вызвала ложь. Чаше всего это именно чувство страха перед наказанием.

Не менее важное значение в развитии личности ребенка имеет чувство собственного достоинства. На его основе формируется такая черта личности, как самолюбие. Но эту черту надо рассматривать диалектически: при одних условиях воспитания она дает положительный результат, при других может стать источником развития себялюбия и эгоизма. Исходя из того, что самолюбие и себялюбие во многом родственны, в обиходе их нередко отождествляют. Однако разница между этими чертами характера более существенна, чем сходство. Если самолюбие — это уважение человека к самому себе, основанное на критической оценке своих сил и возможностей, то себялюбие — просто самолюбование своими воображаемыми положительными качествами, опирающееся чаще всего на превратное представление о себе и своих преимуществах. Гордый человек, который высоко ценит свое достоинство, человек с глубоко развитым пониманием своих прав и обязанностей, человек, который бережет свое доброе имя и в труде и в быту, в личных отношениях, — это человек самолюбивый. Себялюбец же заботится только о себе, о своем личном благополучии, он безразличен к людям, его интересы всегда оторваны от интересов коллектива. Важность воспитания у человека самоуважения — самолюбия, подчеркивает известный психолог С. Л. Рубинштейн: «Неправильно было бы, как это подсказывает лицемерная мораль, отразившая на специфически отрицательном оттенке большинства слов, выражающих отношение к себе, — «самоуверенность», «самолюбие», «самолюбие» и т. д., считать всякое положительное отношение к самому себе отрицательной характерологической чертой. Достоинное и уважительное отношение к самому себе является не отрицательной, а положительной чертой — в меру того, как человек является представителем достойного дела, носителем ценных идей»¹.

У детей довольно рано, уже в младшем школьном возрасте, можно наблюдать проявление и самолюбия, и себялюбия.

¹ Каптерев П. Ф. Педагогическая психология. С-Пб, 1914, с. 237.

¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 2-е изд. М., 1946, с. 670.

...Первоклассница не могла справиться со счетом на уроках математики. Это объяснялось не столько отсутствием у нее способностей, сколько невнимательностью. Как-то после очередного неудачного Таниного ответа учительница сказала: «Какая ты, Таня, невнимательная. Все дети уже научились считать, отстаешь только ты!» Таня удивленно посмотрела на учительницу, затем покраснела и опустила голову. А через несколько дней, когда ее вызвали к доске, она уже чудесно справилась с задачей. Оказалось, что девочка после того, как учительница сделала ей замечание, занималась с папой, решая с ним задачи, результатом чего и был ее успешный ответ.

У самолюбивого ребенка справедливый упрек взрослого вызывает стыд, неудовлетворенность собой, желание исправить свои недостатки, изменить свое поведение, а незаслуженное оскорбление — протест, возмущение, желание защитить себя. Себялюбец же любое замечание, любую критику принимает в «штыки», будучи уверенным, что они вызваны не действительными недостатками его поведения, а недоброжелательным отношением людей, сделавших ему замечание. Самолюбивый ребенок, уважая себя, не допустит оскорбляющего, унижающего отношения к себе. Причем у самолюбивого ребенка это уважение к себе сочетается с уважением к окружающим. Себялюбец же, ценя только собственную персону, совершенно не уважает других людей и даже не допускает возможности наличия у них каких-либо преимуществ. Поэтому-то, считая себя совершенством, он и не принимает во внимание справедливые критические замечания в свой адрес. Самолюбивый ребенок оценивает себя, исходя из своих реальных достижений и возможностей. Постоянно сопоставляя себя с окружающими, уважая их достоинства и заслуги, он, не умаляя своих, дает им адекватную оценку. У себялюбца же самооценка очень редко соответствует действительности, она чаще всего бывает завышенной. Себялюбец убежден, что он лучше, умнее, способнее всех остальных, и только лишь по какому-то недоразумению окружающие не замечают этого. Отсюда его претензии на какое-то особое, сверхвнимательное отношение к его личности, отсюда его презрение ко всем остальным, по его мнению, «менее умным и менее способным».

ЧУВСТВО ВЗРОСЛОСТИ. КОГДА ОНО ВОЗНИКАЕТ?

Это важнейшее чувство, которое обеспечивает ответственность человека за свои поступки, постановку жизненных целей и их осуществление, контроль за своим поведением и т. д., формируется еще в детстве. Так и должно быть, так как возникает новое внутри старого, вырастает из него, а затем, окрепнув,

приобретает свои специфические черты. Зарождается чувство взрослости в подростковом возрасте, когда ребенок от детской беззаботности, безудержного веселья, игр, какого-то бездумного отношения к себе и другим переходит к размышлениям о друзьях, о себе, о своем отношении к миру. Подросток становится серьезнее, вдумчивее, он уже начинает рассуждать о том, что происходит вокруг него, что за люди его окружают, он размышляет и над тем, какие качества присущи ему самому. Ребенок 7—10 лет еще не задумывается о себе как о личности, о том, какие черты ему свойственны, что в нем ценно, а что следует «искоренять», у него нет еще даже попыток как-то оценивать поведение окружающих — учителей, родителей, авторитет взрослого для него непререкаем. Подросток же начинает критически относиться к окружающим, с позиций очень высоких требований оценивает их поступки. Как правило, такая оценка всегда бескомпромиссна: подросток не прощает малейшего несоответствия между словами и поступками взрослых, не прощает неискренности, нечестности. Он не в состоянии понять, что взрослый иногда может в чем-то и покривить душой во имя чего-то более важного, что он может в чем-то уступить, зная, что это в конце концов обернется добром для другого. Подросток беспощаден к окружающим — может нагрубить, оскорбить, несколько не задумываясь над тем, как больно другому, особенно родителям. И часто подросток это делает не в силу своей злобности или ненависти к нам, а потому, что нет в нем еще той гибкости, той сдержанности, деликатности и тактичности, которая присуща взрослым и которая во многом сглаживает конфликты, предупреждает обиды, неприязненные взаимоотношения между людьми. Этот возраст потому и называют «трудным», «переходным», «конфликтным», что именно на этом этапе и начинаются сложности воспитания: «Наш Сережа где-то до V—VI класса был таким ласковым, послушным, ходил с нами в кино, гулять, рассказывал о школе, о друзьях. Теперь же о том, чтобы пойти вместе погулять, не может быть и речи, а спросишь о товарищах по классу, так в ответ: «Это мое дело». Об учебе лучше и не заикаться: «Как хочу, так и буду учиться!» Нам горько, обидно, мы даже не могли представить, что наш Сережа превратится в такое «чудовище». «А наша Марина! Раньше целыми вечерами сидела дома, читала, старательно делала уроки. А сейчас? Подружки на первом плане. Разглядывает себя в зеркало, мудрит что-то с прической, примеряет платья. А приходят девочки, так разговоры вертятся вокруг мод, причесок, актрис, новых модных ансамблей — вот и все интересы».

Вся научная литература, посвященная подростковому возрасту, подчеркивает трудности в воспитании ребенка на этом воз-

растном этапе. В подростке уживаются самые противоположные тенденции; и чисто детские черты, и уже формирующаяся взрослость, и какая-то необыкновенная подвижность, активность и быстрая утомляемость, общая неуравновешенность и в то же время стремление к цельности и устойчивости поведения.

Однако одним из центральных новообразований подросткового периода является так называемое чувство взрослости. Это чувство, богатое в своей основе, стимулирует в подростке самые разнообразные формы поведения, в первую очередь стремление освободиться от ставшей в тягость опеки старших. Естественно, что подросток еще не в состоянии понять всей сложности поведения, поступков взрослых людей и потому часто видит лишь внешние черты взрослости. Так, некоторые мальчики-подростки усматривают «взрослое» в физической силе мужчины, в его умении лихо хлебнуть рюмку водки или с полным чувством достоинства закурить сигарету. А для иных девочек идеал женщины — накрашенные ресницы, модная прическа, импортная одежда. И потому мальчики, прячась где-то по парадным или в туалете, дымят сигаретами; собираясь где-нибудь компанией, стремятся повторить застолье взрослых; просят, умоляют, а то и требуют от родителей джинсов, модных курток. Девочки вертятся перед зеркалом, пробуя, какая лучше пойдет прическа, красятся. У девочек появляется острый интерес к одежде, она мечтает о новых платьях, о туфлях на высоком каблуке, и ей кажется, что только это сделает ее неотразимо привлекательной.

Подросток, в зависимости от того, в какой семье он воспитывается, копирует внешние формы поведения родителей, их отношение к окружающим, манеры, даже жесты и движения, то есть подросток во всем хочет походить на взрослых.

Формирующееся чувство взрослости в подростковом возрасте неразрывно связано с развитием самостоятельности — той самостоятельности, с которой впервые мы столкнулись в трехлетнем возрасте и которая вызвала наши первые трудности в воспитании. Уже трехлетний ребенок заявляет о своем праве на личное «я», требует свободы самовыражения. В подростковом возрасте эта тенденция усиливается и обостряется. Если трехлетний ребенок пытается освободиться от опеки взрослого лишь для самостоятельного выполнения каких-либо действий — хочет сам одеваться, сам что-то делать без помощи взрослого, то подросток уже требует более полного освобождения, он хочет самостоятельно мыслить, высказывает свои собственные суждения, независимые от суждений окружающих, самостоятельно решать все вопросы. И его точка зрения, его мысли кажутся ему единственно правильными, а родителей он считает устаревшими, отставшими.

Однако нельзя видеть в чувстве взрослости лишь отрицательные стороны. Это чувство необходимо формирующейся личности, так как оно, по сути, «делает» из ребенка взрослого человека: на его основе развивается самостоятельность, вырастает чувство собственного достоинства, чести, оно — необходимая предпосылка дальнейшего укрепления самосознания, а значит, контроля личности над своим поведением, оно вызывает у подростков стремление к более интенсивному общению со сверстниками. Несомненно, что наше знание о трудностях роста в подростковом периоде вовсе не означает нашей полной бездейственности и полного подчинения той необузданной стихии грубости, разнузданности, которая может сопровождать подростковые годы. Трудности в воспитании подростков не обусловлены генами, и вовсе не обязательно они должны возникнуть. Есть тысячи, миллионы семей, где вовсе и нет проблемы подросткового возраста — конфликтов, недоразумений, взаимной разобщенности, непонимания. Жизнь идет, несмотря на то, что дочери или сыну исполнилось 12 или 14 лет. Как правило, трудности возникают чаще всего в тех случаях, когда в семье есть какое-то неблагополучие. Это может быть разрушенная семья, где мать в одиночку воспитывает ребенка (хотя и при этом условии конфликты не обязательны), это приход в семью «чужого» человека — отчима или мачехи, это ссора между родителями, их черствость, безразличие к ребенку, то есть трудности подросткового возраста готовятся заранее, исподволь: ребенок как бы накапливает в себе некоторую неудовлетворенность, даже озлобленность, что затем прорывается в грубости, в желании стать независимым, самостоятельным, освободиться от контроля. Хорошо, если это желание «освободиться» ведет подростка в технический кружок, в кружки художественной самодеятельности, стимулирует в нем трудолюбие, серьезность. А если оно уводит в компанию с обязательными выпивками, с бесцельным и бездумным времяпрепровождением, с «шатанием» по улицам? Что тогда? Тогда мы начинаем кричать на нашего сына, оскорблять дочь, обвинять, вызывать к чувству совести, вспоминать о своих бессонных ночах и неблагодарности нашего отпрыска. Но вдумаясь, проанализируем, разберемся и убедимся, что во многом виноваты мы сами. И пока не поздно, надо что-то делать — искать какие-то пути подхода к этому взъерошенному, нахохлившемуся птенцу, который вдруг почувствовал силу своих крыльев. И тут, как в любом конфликте, вряд ли помогут оскорбления, упреки, прямой запрет, физические наказания. Здесь, как и на всех предыдущих этапах развития ребенка необходимы ласка, внимание и забота, соединенные с приобщением ребенка к труду. Но, конечно, забота и ласка — это не дорогие джинсы, шубка или сапожки, а забота

нужная, полезная ребенку — приобщение его к духовным ценностям (книги, филармония, пластинки, театр, библиотека, музеи, художественные альбомы), забота о том, чтобы он был чисто одет, чтобы у него был свой уголок в доме, где бы он мог держать свои «ценности» — какие-то детали для радио, паяльники, пилочки, молотки, плоскогубцы или выкройки, журналы мод, лоскутки материи, нитки, ножницы, принадлежности для вязания. Забота — это и беспокойство о том, чтобы ребенок вовремя и правильно выбрал свой жизненный путь, чтобы в нем пробудились какие-то интересы, чтобы уже подросток искал свое призвание. А вот когда у подростка будут настоящие интересы, когда он будет занят делом («Мне еще столько надо деталей, чтобы сделать транзисторный приемник, придется побегать по магазинам, а кое-что самому сделать»; «Я еще не прочитал всего Купера и завтра пойду в библиотеку, буду весь день читать»; «Сколько времени у меня уходит на возню с аквариумом, но я очень люблю своих рыбок»; «Я завтра пойду с мамой на ферму, покормлю свою любимую Белянку»), то у него не будет ни желания конфликтовать с окружающими, требовать от них невозможного. Он будет уравновешенным, спокойным, так как уверен, что близкие всегда пойдут ему навстречу, если его желания разумны, если то, о чем он просит, действительно ему необходимо, а не просто прихоть избалованного лентяя.

Итак, конфликты подросткового возраста вовсе не обязательны, если вся обстановка в семье доброжелательна, если взаимоотношения пронизаны заботой и вниманием друг к другу, а сам подросток занят делом, знает обязанности по дому и понимает, что его помощь необходима семье. В таком случае формирующееся чувство взрослости будет толкать подростка не на отстаивание перед родителями своей независимости и самостоятельности, а на поиск того, где, в каких ситуациях использовать свое стремление иметь самостоятельную точку зрения, свой собственный взгляд на вещи, свои оценки, суждения.

Чувство взрослости не только способствует развитию в подростке самостоятельности, оно — необходимая предпосылка формирования такого важнейшего личностного образования, как самолюбие, в котором выражается уважение человека к себе как к личности, оценка себя. В подростковом возрасте это чувство чрезвычайно обострено: подросток готов кулаками и всеми другими доступными и недоступными способами защищать свое достоинство, он чрезвычайно обидчив и в то же время совсем не склонен к тому, чтобы анализировать свои слабости, преодолевать трудности. Он может расстроиться из-за пустяка, затаить обиду надолго, будет страдать, переживать, если заденут его самолюбие.

Подросток бурно реагирует на оскорбление, он очень чувствителен не только к словам взрослых, но даже к интонации, с которой делается выговор. А. С. Макаренко неоднократно говорил о важности уважительного отношения к ребенку, ибо такое отношение возвышает ребенка в собственных глазах, создает у него впечатление значительности собственной личности, формирует чувство уверенности в себе. Поэтому следует поддерживать в подростке развивающееся чувство взрослости, сделать это чувство нашим помощником в формировании уверенной в себе, спокойной и деятельной личности. Если же мы станем унижать достоинство сына или дочери, постоянно одергивать («Мал еще, чтобы рассуждать!»; «Помолчи, не твое дело!»), то этим самым мы угасим инициативу, самостоятельность. Но тут, как и во всем, нужна мера: чуть-чуть как-то попустить и подросток обнаглеет, авторитет отца, матери, взрослого для него ничего не будет значить.

Чувство взрослости стимулирует в подростке и его повышенный интерес к друзьям, к сверстникам. Конечно, стремление к общению возникает не только в подростковом возрасте. Уже малышу необходимы друзья, с которыми так весело и интересно играть, для младшего школьника его жизнь вообще немыслима вне общения, но в подростковом возрасте желание иметь друга, близких товарищей становится еще более острым. И это понятно: чувство взрослости требует освобождения от опеки и вызывает стремление к самовыражению и самоутверждению. А где, в каких ситуациях, в каком общении это можно осуществить? Ясно, что только во взаимоотношениях со сверстниками. И потому общение со сверстниками приобретает для подростка первостепенное значение — друг может стать для него идеалом.

«Что ты, мама, мне все время суешь в друзья этого Володьку? Он только и знает, что сидит над учебником. А вот Сережа — это класс! Какая у него приключенческая библиотека! А магнитофон, какие записи!» И подросток тянется к такому Сереже, восхищается другом, проводит с ним все свободное время. Как правило, мы выбираем для себя идеал в зависимости от своих собственных взглядов на жизнь, своих позиций, нравственных принципов, убеждений. Подростку же, у которого еще не сформировались свои собственные жизненные принципы, трудно определить для себя идеал, и потому представление о лучшем, о том, чему следует подражать, у него может стать случайным. Как правило, это бывает в тех условиях, когда к подростковому возрасту родители не сумели развить в ребенке какую-то увлеченность, интерес, устойчивое стремление к тому, что направит рождающуюся энергию подростка по определенному, известному нам руслу. А если ребенок не имеет сильных увлечений,

настоящих интересов, то достаточно какой-то случайной встречи, знакомства, чтобы вся энергия была направлена на совершенно пустые, а то и явно опасные дела. Так, подросток из хорошей, как говорят, семьи может познакомиться с компанией ребят, для которых весь смысл жизни в том, чтобы шататься по улицам, курить. И вот тогда мы плачем, удивляемся: «Откуда это? Друзья виноваты, это они втянули мальчика в свою компанию!» А почему вы его не «втянули» в свою компанию? Почему не направили его помыслы по пути, одобряемому вами? Поведение подростка готовится исподволь теми долгими годами детства, в которых постепенно выкристаллизовывалась личность.

Итак, у подростка возникает неудержимое желание к общению со сверстниками, авторитет сверстников становится для него выше авторитета родителей, учителей. В среде сверстников подросток хочет быть принятым, признанным, уважаемым товарищами.

...Ваш сын сегодня пришел из школы таким расстроенным, в таком угнетенном состоянии, что вы и не знаете, как подступить к нему: «Что у тебя болит, Сережа?» — «Ничего, не мешай, я занят!» — «Иди обедать!» — «Не хочу!» — «Ты что, двойку получил? Покажи дневник!» — «Смотри, никакой двойки нет!» — «Чем же ты так расстроен?» — «Ничем! Отстаньте от меня, не дают покоя!» Конечно, вы обеспокоены, торопитесь в школу. И выясняется, что одноклассники заподозрили Сергея в ябедничестве и прямо ему об этом сказали. Мальчик страдает, нет для него большего наказания, чем бойкот класса. А подростки могут быть беспощадными, они не станут церемониться, если уличат во лжи, в обмане, в пренебрежении интересами коллектива, в эгоистическом стремлении быть выше других. Вот почему подросток старается занять в коллективе положение признанного, уважаемого. Разные дети разными путями добиваются такого признания — одни успехами в учебе, глубокими знаниями, другие привлекают к себе внимание глубокими познаниями в какой-то области. Есть дети, которые вовсе и не стремятся к тому, чтобы завоевать авторитет в коллективе сверстников, но пользуются их уважением, потому что общительны, дружелюбны, всегда готовы помочь другим. И опять-таки взаимоотношения нашего ребенка в коллективе зависят от нас, родителей, от того, насколько мы сумели развить в нем дух товарищества, уважения к другим, доброту, то есть те качества, которые особенно ценятся в подростковом, да и в любом другом коллективе. Исследования психологов показали, что важнейшими нормами «кодекса товарищества» подростков является уважение, равенство, верность слову, другу, честность. Подростку, у которого мы воспитали такие качества, не надо «поражать» друзей электронны-

ми часами, заграничными жевательными резинками, дефицитными деталями для приемника, неизвестными магнитофонными записями, не нужно завоевывать признание класса и создавать свой приоритет искусственным путем, стимулируя к себе интерес товарищей по классу.

В подростковом возрасте стремление иметь друга чрезвычайно велико. Подросток буквально изнемогает от желания довериться другу, поделиться с ним своими мыслями, переживаниями, вместе куда-то пойти, чем-то заняться. Как правило, подросток стремится к общению и дружбе с одноклассниками, которые пользуются авторитетом, уважением, выделяются в чем-то среди других. Девочки стараются иметь подругой ту одноклассницу, которая привлекает к себе внимание мальчиков класса, а мальчики выбирают тех, кто отличается смелостью, имеет спортивные достижения или просто физически силен. Такой одноклассник становится образцом для подражания, подросток копирует его во всем — в манерах, во взглядах, проникается его интересами, увлекается его увлечениями. И если у вашего сына «завелся» друг, то необходимо сразу поинтересоваться, на что направлены его интересы, в какой семье он живет. Конечно, в этом вашем желании узнать окружение сына лучше не выступать в роли следователя, не подозревать ребенка в каких-то неблагоприятных поступках, не выслеживать, но и успокаиваться тоже нельзя. Все-таки не помешает разобраться в том, что представляет собой появившийся у сына друг, и понять, насколько ценным может стать общение с ним. И опять-таки родительское чутье должно вам подсказать, как поступить в том случае, если вы решили для себя, что для вашего ребенка общение с данным сверстником явно нежелательно: вы обнаружили сигареты в карманах брюк, сын целыми днями не бывает дома, уроки почти не делает, приходит поздно. Ваше прямое требование «не дружить с этим Ленкой» вряд ли даст положительный результат. Лучше помочь мальчику самому разобраться в том, стоит ли подражать этому Лене. Здесь, как и в других жизненных ситуациях, требуется вникнуть в суть дела, понять поведение ребенка, разобраться, почему он так привязался к этому товарищу. Для этого не требуется каких-то сверхъестественных усилий, много времени, самопожертвования. Просто надо не забывать о ребенке и беспокоиться о нем всегда, даже тогда, когда он стал взрослым.

БЕЗ ЭМОЦИЙ НЕТ ИНТЕРЕСОВ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА

Чтобы понять, почему с педагогической точки зрения важно развивать в подростковом возрасте интерес к определенному виду деятельности, попытаемся разобраться в психологической сущности интереса.

Интерес определяют как избирательное отношение личности к какому-то объекту, пронизанное положительной эмоцией. Человек интересуется тем делом, которое ему нравится, а желание работать, заниматься этим делом у него возникает не потому, что кто-то заставляет, что это принесет какие-то материальные или моральные выгоды. Человек может сидеть ночами над любимым делом, забыв о сне, о еде, он может до самозабвения рыться где-то в архивах или «копаться» в машине, по десять, двадцать раз переделывать что-то, перерабатывать, изменять, пока не разберется, не постигнет, не сделает и не добьется. Примеров тому более чем достаточно. Вспомните Менделеева, Пирогова, Вавилова, Курчатова, Королева и других ученых. Оглянитесь вокруг себя: сколько есть целевых, увлеченных какой-то идеей, интересом к чему-то людей! Для них жизнь — в их деле, в труде, в том интересе, с каким они выполняют свою работу. Это чувство удовольствия от дела, которое сопровождает интерес, стремление к делу и отличает интерес от знания. Ведь знание — это тоже результат нашего желания разобраться в чем-то. Но чаще всего такое желание возникает по принуждению: нам надо сдать экзамен, что-то выучить, чтобы стало понятным следующее. Но когда стремление к знанию или к выполнению какого-то дела интересно, когда оно человеку приятно, то тут он забывает об усталости, ему не нужно, чтобы его подгоняли, поощряли и т. д. Маленькая добавка — всего лишь какая-то там быстрая неуловимая эмоция — удовольствие от своего дела — дает нам крылья, делает нас сильными, уверенными в себе, рождает энергию, о которой мы и не подозревали, работоспособность, о которой и не мечтали. Вот почему заучивание без интереса, дело без увлеченности — сущее для нас наказание. Но сознание взрослого, его развитая воля заставляют делать то, что он не любит, к чему не лежит душа, воспринимать и даже заучивать то, что неинтересно и даже неприятно. А каково ребенку с его неокрепшей психикой, с его необузданным стремлением делать лишь то, что увлекает, что интересно? Для ребенка тем более важно, чтобы учение для него было не только необходимостью, но и увлекательным занятием. И то, что мы называем познавательной потребностью — стремление ребенка к знаниям, должно стать основным мотивом его учебы. Но если у младшего школьника есть лишь

какое-то тяготение к учебе как к чему-то новому и неизведанному, то подросток четко осознает, что учение — источник знаний, основа будущей профессии. Поэтому для большинства подростков приобретение знаний становится необходимым и субъективно важным, а главное, вызывает стремление к самообразованию. Мы замечаем, что наш сын, ранее выполнявший уроки строго в соответствии с тем, что записано в дневнике, стал вдруг дольше засиживаться за столом, что он решает задачи по физике не только те, что задали, но более сложные, что он приобрел электропаяльник, собирает радиоприемник, что вечером к нему приходят ребята и что-то мастерят, паяют, паяют. А вот дочь дни и ночи просиживает над книгами.

Эта появляющаяся у детей устойчивая склонность к умственной работе, стремление овладеть новыми знаниями и умениями, стойкий интерес к тем или иным предметам чаще всего зависит от интересов родителей, от их профессиональной деятельности. Являясь постоянным свидетелем разговоров родителей о деле, работе, ребенок невольно проникается этими интересами. И если родители связаны с техникой, то и ребенок обычно проявляет интерес к машинам, механизмам и т. д., гуманитарная склонность родителей нередко становится источником увлеченности ребенка поэзией, литературой, искусством, хотя и в том, и в другом случае бывают отклонения.

Для подростка познавательная потребность должна составлять основную мотивацию или основное побуждение к учебной деятельности, однако часто мы, родители, стимулируем у него так называемые внешние, менее ценные мотивы. Нередко наши угрозы и требования, наказания и награды в связи с хорошими или плохими оценками в дневнике, становятся для ребенка основным в учебе. Ему уже не интересно, как развивалась Троянская война, почему химическая молекула имеет такое строение, потому что самое важное для него получить хорошую оценку — за нее дома ждет вознаграждение. Угрозы же и наказания часто толкают его на путь обмана, вызывают желание во что бы то ни стало избежать тройки и двойки. Конечно, неприятно, если ребенок плохо учится, но надо прежде всего установить причину этого, почитать соответствующую литературу, понять ребенка, а потом принимать меры. Внешние побудители лишь принуждают ребенка учиться, а сам процесс учения приобретает для него навязанный характер, со значительным психическим напряжением. Отсюда отношение к учебе как к тяжелой повинности, нежелание посещать школу, полнейшая апатия, а то и срыв — нарушение правил поведения, шалости, проказы и т. д.

Мотивами учебной деятельности школьника должны стать интерес к самим знаниям, любознательность, увлеченность. Хотя

и в таком случае ребенок сталкивается с трудностями, с необходимостью совершать волевые усилия, но эти усилия направлены не на борьбу с самим собой, со своим нежеланием заниматься, а на преодоление внешних препятствий. И потому у такого ребенка нет психического напряжения, он не вступает в конфликты с учителями и родителями, с удовольствием слушает объяснения педагогов, с интересом изучает в учебнике новый для себя материал, читает, занят делом.

Но формирование интереса к познанию важно не только для того, чтобы ребенок хорошо учился и не доставлял нам неприятностей. Интерес его к познанию — это по сути частица личности. Личность характеризуется в первую очередь тем, какую общественно полезную деятельность она выполняет. И потому если у ребенка рано появится увлеченность, а значит, и занятость делом, он не «скатится» в болото бесцельного времяпрепровождения, выпивок, хулиганских выходов.

Интерес ребенка к какому-либо учебному предмету, к определенному делу или к литературе и искусству рождает в нем интеллектуальные и эстетические переживания. Мы уже говорили о важной роли интеллектуальных чувств в формировании познавательных потребностей ребенка, в развитии у него духовной сферы. Но если на ранних этапах эти чувства только-только зарождались, то в подростковом возрасте они при соответствующем внимании к ним будут укрепляться, становиться мотивом познавательной деятельности, развивать самостоятельность мышления, творчество.

В чем же сущность интеллектуальных чувств и почему они так нужны человеку? Эмоции стимулируют нашу деятельность, усиливают энергию, делают наше отношение к окружающей жизни не безразличным. Не было бы эмоций, не было бы поиска, удивления, желания узнать новое, познакомиться с неизведанным, то есть человек не развивался бы интеллектуально. Вызываются интеллектуальные чувства познавательным мотивом. И потому они сопровождают мыслительную деятельность на всех этапах ее развития. Ведь сам процесс мышления возникает при необходимости ответить на вопрос, решить проблему, справиться с возникшей трудностью, уяснить для себя непонятное.

Источником интеллектуальных чувств является познавательная и учебная деятельность, самостоятельная работа над книгой, творческая производственная деятельность, исследовательская мысль. Работая над книгой, мы испытываем радость познания; изучая те или иные положения, изложенные в интересующих нас работах, но зная факты, которые им противоречат, мы сомневаемся в правильности этих положений; проводя исследования и столкнувшись с теми или иными трудностями, мы упорно бу-

дем вновь и вновь повторять эксперименты. Любознательность, побуждающая глубоко изучать интересующее нас явление, уверенность в правильности решения задачи и радость, которую мы при этом испытываем, любовь к знаниям, неудачи, стимулирующие новые поиски решения, — далеко не полный перечень тех сложных и очень необходимых нам в нашей жизни чувств, которые мы называем интеллектуальными.

Убежденность, уверенность в правильности решения всегда сопряжены с чувством удовлетворения, а чувство сомнения заставляет снова и снова проверять, решать, искать истину. «Я мыслю, — значит, я существую». Этот афоризм Декарта очень точно отражает значение интеллектуальных чувств в нашей жизни и деятельности. Мы показали значение интеллектуальных чувств в воспитании ребенка. А какое же значение имеют эстетические чувства?

Эстетические чувства возникают у человека при восприятии прекрасного. Мы любим красоту природы, наслаждаемся произведениями искусства, нас захватывает прекрасная музыка, мы восхищаемся красотой человека — все это эстетические переживания. Корни их уходят в далекое прошлое. Первобытному человеку всегда хотелось слушать мелодичные звуки, услаждающие слух; на скалах, на стенах пещер он отображал то, что поражаало его красотой и совершенством; делал из глины не просто сосуд для питья, но предмет, который бы вызывал у других чувство радости и наслаждения красотой. И это присущее только человеку стремление к красоте сопровождает всю нашу жизнь: мы украшаем свое жилище так, чтобы окружающие предметы радовали нас, мы надеваем на себя одежду не только в целях защиты от холода, но и стремимся, чтобы она имела приятное цветовое решение, была привлекательной, хотим есть из красивой посуды, на белоснежной скатерти. Мы хотим видеть красивые дома, чистые улицы. В отличие от других чувств, эстетическое чувство переживается человеком спокойно, оно воздействует умиротворяюще.

Прекрасное окружает нас всюду: природа, искусство, литература, живопись, музыка. Мы любим цветущим весенним садом, ковром ромашек на лугу; можем бесконечно смотреть на море; хоть и не однажды видели ярко-красный закат солнца, но вновь и вновь останавливаемся, любимся, стремимся запомнить; каждый год восхищаемся разноцветными красками золотой осени.

Искусство, отражающее нашу жизнь во всей ее красоте и многообразии, вызывает у нас эстетические переживания, которые имеют свои особенности. Ведь мы понимаем, что в произве-

лении искусства мы воспринимаем не саму реальную жизнь, а ее отражение. Но высокохудожественное произведение вызывает у нас целую гамму переживаний — восторг, удивление, преклонение, печаль, негодование, грусть. Сложностью эстетического чувства объясняется его более позднее, по сравнению с другими чувствами, появление у детей. Но уже у маленького ребенка можно заметить тяготение к яркому, красочному, к приятным цветовым оттенкам и нежной музыке. Музыкальные звуки, если они не очень громкие, вызывают у маленького ребенка чувство удовольствия: ребенок хлопает в ладоши в такт, прищипывает ножками, радостно улыбается. По мере того как развивается цветочувствительность, ребенок начинает наслаждаться и менее яркими, но создающими цветовую гармонию красками, его внимание начинают привлекать взаимоотношения цветовых оттенков: «этот цветок красивый, а этот мне не нравится, вот здесь красиво нарисовано, а здесь что-то непонятное, серое и некрасивое». А чем старше становится ребенок, тем сложнее его эстетические суждения, тем сильнее его желание познать сущность красоты: почему тот или иной красивый предмет, поступок человека, произведение искусства вызывают восхищение у многих?

Воспитание эстетического чувства у ребенка — это не просто развитие остроты зрения, слуха, это формирование способности воспринимать гармонию, красоту окружающей действительности: в заходе солнца видеть не только то, что он предвещает на завтра хорошую погоду или дождь, но и красоту цветовой гаммы, фейерверк великолепного цветового сочетания и т. д. Каждая вещь для ребенка должна иметь не только практическую ценность, но и ценность эстетическую. Тогда мы будем уверены в том, что ребенок не испортит этой красоты от нечего делать: не вырежет своего имени на коре дерева, не станет рвать цветы с корнями. Эстетическое, а не только потребительское отношение ребенка к природе, к окружающей действительности делает его душу нежной, открытой добру и красоте.

Важнейшими средствами развития в ребенке эстетических чувств являются литература и искусство. Произведения живописи, поэзия, музыка, литература восхищают ребенка, вызывают чувство радости. В литературе и искусстве соединяются духовное и эстетическое, нравственное и красивое. В. А. Сухомлинский говорил, что доброе неразрывно связано с красотой.

ЧУВСТВО ЛЮБВИ. РАДОВАТЬСЯ ЕМУ ИЛИ БОЯТЬСЯ ЕГО?

Итак, закончились наши горести, прошел трудный возраст, сын повзрослел. Нет раздражительности, нервозности, упрямства, необузданной грубости. Юноша стал уравновешеннее, спокойнее, начал прислушиваться к нашим наставлениям, к нему возвратилась его доброта к нам, внимательность. Сын понимает нас и наши заботы, наши горести стали и его горестями, а наши беспокойства и его беспокойствами. Еще с некоторой мальчишеской грубостью, но довольно настойчиво он отнимает у матери тяжелую сумку: «Куда ты схватила? Дай я понесу» или говорит отцу: «Ты и не вздумай сам тащить картошку, подожди меня, пока я вернусь из школы».

Девочки трудный возраст «проходят» легче, однако и здесь ему сопутствует упрямство, негативизм, желание настоять на своем, иметь свое мнение, особенно что касается одежды, моды, кино, художественной литературы, музыкальных жанров и т. д.

Нам стало с нашими детьми легче, спокойнее: почти не вызывают в школу по поводу поведения на уроках, исчезли записки в дневниках о том, что шалил на уроке, дергал девочку за бантики или что мешала учительнице, бегала по коридору. Да и с учебной наладилось: сын (или дочка) стали серьезнее относиться к урокам. Казалось бы, можно и вздохнуть с облегчением: «Ну вот, наконец, настала спокойная жизнь!» Но «покой нам только снится». Не всегда юношеский период проходит благополучно и для нас, родителей, и для наших сыновей и дочерей. Тут иногда и наступает то самое трудное, по сравнению с которым все наши предыдущие переживания были пустяками. Речь пойдет о тех новых психологических образованиях, которые начинают формироваться в юношеском возрасте. Возраст этот сложный, ответственный: человек стоит на пороге самостоятельной жизни, выбирает свое жизненное призвание, оценивает свои возможности, а в соответствии с ними и свои интересы и склонности. Наряду с этим формируется и эмоциональная сфера, в первую очередь чувство любви. Нередки случаи, когда первое чувство привязанности, а потом и чувство любви к однокласснице может сохраниться навсегда как самое лучшее, чистое и дорогое в жизни. Конечно, далеко не у каждого юноши и не у каждой девушки может в этом возрасте возникнуть чувство любви, многих и не задевает никакое любовное волнение. Однако мы должны предвидеть возможность появления такого чувства и подготовить к нему нашего ребенка. Вот почему следует разобраться в сущности юношеского возраста и в тех предпосылках, которые могут стать

стимулом появления сложного и такого важного в жизни каждого человека чувства любви.

В целом юношеский возраст считают возрастом становления личности во всех сферах ее проявления и в первую очередь в сфере самосознания и эмоциональной жизни. Рассмотрим, что это значит. Самосознание — это сложная психологическая структура, включающая осознание как своего «я» и его возможностей, так и своих психологических качеств — волевых, нравственных, характерологических. Мы рассказывали в предыдущих разделах, что структура самосознания формируется очень рано: уже маленький ребенок выделяет себя из окружающего мира, затем он осознает себя как «я», отличное от других «я», а подросток уже довольно четко может определить свои некоторые психические качества, довольно трезво оценить самого себя.

В юношеском же возрасте некоторые аспекты самосознания приобретают особенное значение — от оценки своей внешности до оценки нравственных качеств. Юноша или девушка пытается взглянуть на себя как бы со стороны, часто «примеряет» себя к тем людям, которые ему представляются образцом, идеалом, пытается установить для себя, насколько его внутренние и внешние качества соответствуют тому, к чему он стремится. Идеалом для него может быть не только конкретный человек, но и герой книги, кинофильма, известный актер, спортсмен, эстрадный певец или певица. Да мало ли в кого может «влюбиться» юноша или девушка и всеми силами своей души стремиться ему во всем подражать — от походки, жестов, манеры держаться до желания стать таким же известным и знаменитым!

Но в первую очередь юношу волнует внешность. Если в более раннем возрасте ему было почти безразлично, какого цвета у него волосы, насколько сильны бицепсы, достаточно ли хорош рост и широки ли плечи, то теперь это забота номер один. Юноша начинает внимательно следить за своей внешностью, подолгу рассматривает себя в зеркале, примеряя себя к тому образцу красоты, который он себе избрал. Ему хочется стать сильным физически, иметь атлетически сложенную фигуру, быть уверенным в своей красоте и неотразимости. И потому юноша страдает, если у него некрасивый, по его мнению, нос или оттопыренные уши, астеническое телосложение или ему из-за близорукости приходится носить очки. Ибо его идеал — физически могучий мужчина, мужественный, уверенный в себе и своем умении произвести на противоположный пол выгодное впечатление.

Еще более остро переживают недостатки своей внешности девушки. Многие из них чрезвычайно строги по отношению к себе: «Кому может понравиться мой курносый нос? А эти неровные зубы, эти короткие ноги! Ну, кто может обратить на меня внима-

ние?» Такие чувства нередко становятся причиной застенчивости и неуверенности в себе. Такая девушка скована, замкнута, с трудом вступает в общение с окружающими, в присутствии парней совсем теряется. Ей кажется, что она «гадкий утенок» на фоне других, уверенных в своей красоте и неотразимости девушек. Конечно, есть и противоположные «экземпляры», когда слишком высока уверенность в себе и слишком развито стремление нравиться и «производить впечатление», когда слишком открыто демонстрируется желание быть предметом внимания. Естественно, что и та и другая крайности нежелательны. Но в целом большинству девушек и юношей на этом возрастном периоде их жизни свойственны чувство беспокойства по поводу своей внешности, повышенная критичность, преувеличение своих недостатков. Отсюда желание их скрасить, сгладить, как-то прикрыть, чтобы они не бросались в глаза. Поэтому проявляется такой большой интерес к одежде. И не следует удивляться тому, что наша в общем-то раньше нетребовательная дочь вдруг стала желать особых нарядов. Просьбами, мольбами (а иногда и требованиями) засыпает нас дочь. Ей кажется, что только одежда может сделать ее привлекательной, дать уверенность, поставить вровень с другими — теми, на кого обращают внимание, кто вызывает восхищение. Девушке хочется быть похожей на тех, кто нравится мужчинам, а так как для нее чаще всего образцом и идеалом являются героини кинофильмов, то она стремится во всем им подражать. Беда в том, что в некоторых малохудожественных фильмах часто героиня — та, которую любят, довольно легко отвечает на чувства, модно одета, при этом непременно курит, и юной зрительнице кажется, что достаточно взять сигарету, раскрыть объятия, ответить на поцелуй, чтобы стать любимой и обожаемой.

Как свидетельствуют социологические исследования, стремление некоторых девушек чувствовать себя раскрепощенной от нравственных условностей выливается нередко в желание выкурить сигарету, спокойно и уверенно выпить вино и т. д. Такой точке зрения необходимо противопоставить иные жизненные позиции и взгляды. Мы слышали о том, что в одной семье сын связался с плохой компанией, в другой — дочь в 17 лет вынуждена срочно выдавать замуж, а в той семье еще хуже — дочь вообще дома не ночует. А вчера, едучи в троллейбусе домой, вы видели у самой дороги на пригорке полулежит, полусидит девушка, растрепанная, с сигаретой, полупьяная, а вокруг нее — компания полуюношей-полуподростков. Картина, редкая в наше время, но вы взволнованы. А вдруг и наша Галочка «выкинет» что-то подобное? Что может быть горше? А если наш сын вынужден в свои 18 или 19 лет жениться? Хорошо, если девушка действительно станет хорошей женой, матерью и спутницей на всю жизнь, а

если за этой скоропостижной женитьбой последует развод, и ребенок останется полусиротой? Вот почему надо быть готовыми к возможности появления чувства любви и у наших взрослеющих детей.

Возникающее в юношеском возрасте желание нравиться, быть объектом внимания противоположного пола вполне закономерно и вызвано теми изменениями в психологической структуре личности, которые формируются на этом возрастном этапе. Желание нравиться может или перерасти в чувство любви, или привести к «свободе общения». Психологическая сложность чувства любви в том, что оно неоднозначно — в нем и сексуальность, половое стремление и одновременно духовность, романтизм, обожествление предмета любви. Тем-то и отличается человеческое чувство любви от инстинктов животного, что в нем есть целомудренность, нежность, чистота и возвышенность. Наверное, не стоит говорить о том, насколько сильным и глубоким может быть такое чувство, насколько существенно оно может изменить человека, сделать его чище, благороднее, нравственнее. Примеров и в жизни, и в литературе более чем достаточно. Чувство любви сложно, иногда, если можно так сказать, нелогично, и мы удивляемся: «И что в ней может так ему нравиться? Красоты никакой, а поди ж ты, влюбился по уши!»: «Что он в ней нашел, непонятно — избалованная, эгоистичная девчонка, только о себе думает, да о своей внешности, а вот же, ни о ком другом и говорить не хочет». Действительно, не всегда хорошая по своим душевным качествам девушка может понравиться юноше, не всегда в этом возрасте ценятся доброта и скромность. По каким законам, кто, кому и почему нравится, в большинстве случаев неизвестно; нравится, влюблен — и все тут. Не страшно, если это действительно романтическое и чистое чувство, о котором мечтают все юноши и девушки. А если это лишь сексуальность, завуалированная чувством? Но сексуальность, получив удовлетворение, как и всякая другая потребность, утихнет, а останутся лишь горечь и страдания. Как свидетельствуют исследования, у юношей и девушек сексуальность проявляется по-разному: у юношей она более обострена, требует удовлетворения, выливается в четкое половое влечение, в то время как у девушек она выражена не так резко, девушка в чувстве любви ищет прежде всего его духовный, романтический аспект. «Зрелая половая любовь, — пишет профессор И. С. Кон, — представляет собой гармоническое единство чувственного (эротического) влечения и потребности в глубоком личностном общении и слиянии с любимым человеком. Но эти два влечения созревают не одновременно. Хотя девушки раньше созревают физиологически, у них на первых порах потребность в нежности, ласке, эмоциональном тепле выражена сильнее, чем в физической близости. У мальчиков, наоборот,

в большинстве случаев раньше появляются чувственно-эротические влечения»¹.

Эти влечения могут искать своего осуществления в реальных контактах. И тогда многое будет зависеть от позиции девушки, от ее точки зрения на этот вопрос; от того, насколько в ней сформированы чувство женского достоинства, сдержанность, умение управлять собой. Конечно, и девушка может быть захвачена чувством любви, пронизана сексуальностью. Она жаждет поцелуев, ласки, хочет быть любимой. А если обстановка складывается очень благоприятно (родители куда-то уехали и, надеясь на разум и порядочность своей дочери, оставили ее одну в квартире, юноша отправился в туристский поход, в санаторий, дом отдыха), то эта свобода может обернуться сексуальным опытом. И поэтому, естественно, наше родительское поведение должно включать и доверие к порядочности нашей дочери, к благородству сына, и опасение «возможностей» возраста. Наша дочь действительно может быть очень хорошей девочкой — доброй к нам, ласковой, умной и гордой, но ситуация свободы, безнадзорности, соединенная с острым желанием мужской ласки, может привести к тому, чего мы больше всего опасаемся. Особенно это касается тех юношей и девушек, которые в силу каких-то причин — то ли черствости родителей, то ли некоторого их безразличия, то ли желания быть жестче — не получили достаточного количества родительской ласки. И тогда ласка, да еще пронизанная сексуальностью, становится особенно желанной. Это и понятно, если вспомнить о том, какое важное значение имеют ласка и внимание родителей для ребенка в детстве, как ребенок буквально жаждет положительных эмоций, как он ждет заботы о себе и внимания к себе со стороны родителей.

А теперь представьте себе детство, в общем-то и безоблачное, казалось бы, в смысле материального благополучия, но полное духовного безразличия, когда ребенок четко осознает, что родители заняты своими делами — покупками, друзьями, развлечениями, а духовный мир ребенка, его интересы, его стремления — это «недосуг», «некогда», «не до того», и станет ясно, почему юноша так остро нуждается в ласке. Но не всегда стремление удовлетворить сексуальные потребности вызвано таким желанием ласки, оно может быть и вполне самостоятельным и тем более острым, чем менее юноша занят физической работой, спортом, чем меньше у него интересов. И тогда, естественно, сексуальность, не заглушаемая занятостью, физической усталостью, заботами, духовными интересами, даст о себе знать довольно ощутимо. Вот почему ситуация занятости, духовной и физической, —

¹ Возрастная и педагогическая психология. М., 1973, с. 158.

наверное, также одно из важнейших условий преодоления ранних проявлений сексуальности. С другой стороны, правильное воспитание юношей и девушек в духе уважения к чувству любви, подчеркивание в чувстве любви его духовного, романтического начала, необходимы для того, чтобы наши дети не видели в нем лишь эротизма, чтобы они не вели о любви разговоров. Но как, когда начать говорить с детьми о половых вопросах? Как правило, такие разговоры даются с трудом. И мы себя чувствуем неловко, да и наши дети уклоняются от информации столь интимного порядка и стремятся получить ее каким-либо иным путем. А ведь такая информация необходима. Может быть, юноше, впервые столкнувшись с желанием получить сексуальное удовольствие, и не пришлось бы так переживать, а то и страдать, он бы не испытывал чувства брезгливости к себе, страха и презрения. Может быть, и девушка была бы более сдержанна, если бы понимала, что внимание к ней юноши не всегда еще чувство любви, а, возможно, лишь сексуальность. Может быть, они оба были бы сдержанны в половых влечениях, если бы были просвещены в отношении возможности получения венерической болезни. Вот почему половое воспитание необходимо. Но, конечно, лучше всего, если оно будет исходить не прямо от нас, родителей. Хорошо, если на эти темы может поговорить с нашими взрослеющими детьми старший и близкий человек — родственник, хороший знакомый. Может, наконец, просто предложить сыну или дочери, якобы невзначай, соответствующую литературу, посоветовать что-то почитать или послушать курс лекций. Тем более такое просвещение необходимо в наше время — время акселерации, когда физическое развитие наших детей идет очень быстро и рано стимулирует сексуальные влечения. Между тем, ни материально, ни духовно эти довольно физически зрелые дети еще не готовы к тому, чтобы иметь свою семью. А отсюда и трагедии. Избавиться от ребенка или родить его? Женись на девушке, которую, как оказывается, вовсе и не любишь или оставить ее с ребенком? Как часто с подобными ситуациями мы сталкиваемся в жизни! Наш 17-летний сын, без средств к жизни, без образования, без специальности, вдруг заявляет, что он собирается жениться, а наша дочь уверена, что в свои 16 лет, родив ребенка, она сможет по-прежнему беззаботно жить на средства родителей.

Вот почему наша задача состоит в том, чтобы научить наших детей управлять собой, видеть в чувстве любви его лучшие стороны, ответственно относиться к своему чувству. А. С. Макаренко подчеркивал, что человеческая любовь «не может быть выращена из недр простого зоологического полового влечения. Силы «любовной» любви могут быть найдены только в опыте непо-

вой человеческой симпатии. Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей. И чем шире область этой неполовой любви, тем благороднее будет и любовь половая»¹.

В чувстве любви как бы соединяются два противоположных полюса: с одной стороны, стремление брать, обладать объектом любви, с другой — бескорыстная самоотдача, забота о любимом. И если эти два полюса счастливо сочетаются, можно и не беспокоиться о будущем. Даже если несколько и поухитнет эрос, то забота друг о друге, взаимное «растворение» во многом будут способствовать прочности семьи нашего сына или дочери.

НРАВСТВЕННЫЕ ЧУВСТВА

Несомненно, что чувствами любви, дружбы и привязанности не исчерпывается эмоциональная сфера в сложном, противоречивом и ответственном юношеском возрасте. Юность — пора становления личности, ее гражданского и нравственного возмужания, пора профессиональной ориентации, определения интересов и стремлений, пора формирования тех устойчивых качеств, волевых, нравственных, личностных, которые в дальнейшем и будут основными мотивами поведения человека. Все то в поведении юноши и девушки, что воспринимается нами и окружающими как положительное или, напротив, вызывает у нас беспокойство, было подготовлено всеми предыдущими годами нашего общения с сыном или дочерью. Но в этом возрасте все обостряется, все выступает четко и резко. Все наши ошибки, промахи и все то, что шло от самого ребенка и с чем мы не смогли справиться, выйдет наружу, даст о себе знать в его бездеятельности, в стремлении и дальше жить за счет других, прежде всего родителей, в непонимании своей ответственности перед жизнью при одновременном желании жить лишь в удовольствиях, в первую очередь, материальных. И, напротив, наш труд, наше самое искреннее и заинтересованное участие в делах и заботах ребенка на всем протяжении детства, наше проникновение в мир его интересов, целей и стремлений выльются в дружбу с этим почти взрослым человеком. Вряд ли мы при этих условиях столкнемся с каким-то сопротивлением, непониманием и конфликтами.

В юношеском возрасте завершается формирование нравственного сознания личности, которое включает в себя нравственные убеждения, нравственные чувства и соответствующие формы поведения. Нравственное сознание, как утверждают специалисты в области этики, — это особое мышление, которое оперирует не

¹ Макаренко А. С. Книга для родителей. — Соч. В 7-ми т. М., 1957, т. 4, с. 248.

отдельными категориями, а целыми смысловыми образованиями, органически соединяющими в себе рациональное и эмоциональное. Нравственное сознание как высшая форма нравственного развития личности не возникает на пустом месте — элементы его формируются на протяжении всех возрастных этапов развития ребенка. В этой книге мы, характеризуя тот или иной возраст, уже затрагивали вопросы нравственного становления личности. Учителя и родители стремятся к тому, чтобы воспитать преданного Родине, честного и ответственного гражданина нашего общества, отзывчивого и культурного человека, коллективиста, духовно богатую личность. В основе этих качеств лежит нравственность. И поэтому вопросы нравственного развития ребенка должны быть определяющими в становлении его как личности. Нравственные представления человека регулируют поведение — сдерживают желания совершать поступки, противоречащие нормам морали, или, напротив, побуждают к тем, которые оцениваются обществом положительно. Юноша, у которого в семье прочно закрепились формы нравственного поведения, понимает, что жизнь в обществе регулируется определенными нормами, что нельзя жить, не согласовывая своих желаний с желаниями других людей, что невозможно жить лишь своими личными желаниями и потребностями, что в каких-то ситуациях необходимо себя сдерживать, в каких-то поступиться чем-то своим ради коллективных интересов, что совесть, долг, честь, достоинство, товарищество — это понятия, характеризующие нравственные взаимоотношения между людьми, что мораль в целом выполняет функцию регулирования поведения человека. В этом нравственным чувствам принадлежит первостепенное значение. Само по себе знание норм поведения еще далеко не обеспечивает истинно нравственного поведения. Мы можем отлично знать, что к человеку надо относиться с уважением, быть к нему доброжелательным. И в то же время разум нам может «подсказать»: «Этот человек не представляет для меня особого интереса, можно и не очень с ним церемониться: «Я сам устал, еду с работы, а старушка, вероятно, целый день просидела на скамейке в скверике — надо постараться ее не заметить». Так наш ум хитрит, изощряется, убеждает нас, оправдывает, если наше поведение не проникается нравственными чувствами — долгом, совестью, достоинством, сочувствием к другому. Нравственные эмоции в системе нравственного сознания как бы «запускают» нравственный поступок, они становятся тем нравственным мотивом, который и определяет сущность нравственного поведения. Совесть, собственное чувство достоинства, сочувствие к другому стоят на страже поступков, регулируют поведение человека в обществе.

В чем же сущность нравственных чувств и почему так важно, чтобы в процессе воспитания они стали мотивационной основой поведения ребенка?

В нравственных чувствах выражается отношение человека к окружающим людям, к коллективу, к своим общественным обязанностям, к себе как личности. Исходя из присущих ему принципов морали, человек оценивает как свое собственное поведение, так и поступки, а также нравственные качества других людей, переживает те или иные эмоции в зависимости от того, насколько эти поступки или качества соответствуют нормам морали. Положительные оценки окружающими поступков человека вызывают у него чувство удовлетворения, отрицательные — переживаются как стыд, муки совести.

Нравственные чувства условно можно разделить на три вида. Это, во-первых, чувства, отражающие наше отношение к социальным условиям, в которых мы живем — чувство любви к Родине, чувство интернационализма, чувство гуманизма. Во-вторых, это чувства, проявляющиеся в нашем отношении к окружающим людям, к коллективу, — чувства товарищества, долга, взаимопонимания, ответственности, симпатии, дружбы, привязанности, сострадания, сопереживания. Третий вид — это чувства, выражающие наше отношение к самому себе, к своим поступкам: совесть, стыд, честь, достоинство. Источником нравственных чувств является общественная жизнь людей, их взаимоотношения, общая борьба за достижение поставленных целей. Конкретное содержание нравственных чувств определяется теми оценками, нравственными принципами, которые присущи реальным общественным отношениям в данной общественно-исторической формации. То, что в одних условиях считается нормой, переживается как состояние удовлетворения, в других может вызвать у человека резко отрицательные оценки. Социалистическая мораль утверждает, что нельзя оставлять человека в беде, а в условиях капиталистических отношений в человеке прежде всего формируется чувство эгоизма, заботы лишь о себе и своем благополучии. Мы почти ежедневно читаем в газетах, бываем свидетелями, слышим рассказы об иногда просто потрясающих фактах товарищеской взаимопомощи советских людей, их готовности прийти на выручку попавшим в беду.

Одним из ведущих нравственных чувств советского человека является чувство патриотизма. Любовь к Родине — сложный комплекс чувств, включающий в себя гордость за свою страну и свой народ, за культурные и социальные достижения нашей страны, уважение к ее историческому прошлому, готовность к самопожертвованию во имя Родины. Все эти аспекты сложного чувства патриотизма закладываются с детства. Мы поем наше-

му малышу песни своего народа, рассказываем о героическом военном прошлом нашей Родины, читаем книги о пионерах-героях Великой Отечественной войны, мы храним как самое святое фотографии и письма нашего отца и бабушки с фронта. Потом, когда наши дети становятся постарше, мы все вместе путешествуем, любим родной природой, знакомимся с советскими людьми. Чувство любви к Родине закрепляется в школе, где ребенок от учителей, из прочитанных книг узнает о прошлом и настоящем нашей страны, о ее культуре, о людях, которыми мы гордимся, о народах, живущих в нашей многонациональной стране, об их дружбе. И вместе с тем у ребенка постоянно растет привязанность к своей школе, к своему городу. Он начинает уважать людей, с которыми общается, выбирает для себя жизненный идеал, мечтает стать похожим на героев своей страны. Наша гордость за свой народ, его достижения, разговоры о наших производственных делах, наша ненависть к врагам Отчизны — все это передается ребенку с тем, чтобы потом вылиться в глубокое чувство патриотизма. Устойчивое чувство любви к Советской Родине становится принципиальным и обобщенным действенным отношением личности к жизни, определяющим ее поведение и поступки.

Чувство долга, чувство обязанности перед Родиной, перед коллективом, перед людьми — также важнейшее нравственное чувство. Долг — это свободное принятие человеком общественных и личных обязанностей, следование социально необходимым требованиям. О поведении во имя долга можно говорить лишь в том случае, когда внешние требования совпадают с внутренними желаниями человека, его заинтересованностью в том, чтобы выполнить свои обязанности. Основу чувства долга составляет понимание необходимости действовать в интересах того коллектива, в котором человек живет и работает. И конечно, это сознание необходимости выполнения тех или иных обязанностей формируется у ребенка, если сами родители живут такими обязанностями, если им самим глубоко свойственно чувство долга. Простейшая, казалось бы, ситуация: учительница сказала детям, чтобы они принесли семена цветов, рассаду, горшочки с цветами, потому что в школе будет субботник. Всем классам надо будет посадить цветы на клумбе, молодые деревца вокруг школы, а горшочками с цветами украсить подоконники. Естественно, что сам ребенок не сможет приобрести ни рассаду, ни горшочек с цветами. Надо побеспокоиться родителям. И тот, кто понимает, как важно в ребенке развить его чувство долга, чувство обязанности, побеспокоится о том, чтобы купить рассаду, выделит горшок с цветами. И ребенок все принесет вовремя, он не будет волноваться, чувствуя на себе окоризненные взгляды товарищей,

и одновременно в нем будут заложены элементы дисциплины. Ребенку к тому же будет радостно видеть, как растет именно то деревце, которое он сам посадил, как цветут цветы, которые он принес. Ему захочется полить это деревце, он будет беспокоиться, не засохли ли цветы, посаженные его руками. Чувство долга приобретет свое реальное воплощение в поступке, в деятельности, а это и есть самое главное, что составляет сущность нравственности. Не слово, не просто знание норм поведения, а реальный нравственный поступок, действие. И поэтому с полным правом можно сказать, что содержательность чувств определяется их идейной направленностью. Мы можем говорить о нравственных чувствах человека, если они связаны с общественно необходимой деятельностью и отвечают высоким нравственным устремлениям личности. «Жить большой идейной жизнью, — говорил М. И. Калинин, — это значит жить общественными интересами самого трудового и наиболее прогрессивного класса своего времени, а в настоящее время — интересами советского народа, социалистической Родины. Если вы будете жить такими интересами, если все ваши мысли будут устремлены к тому, чтобы еще больше возвеличить свой народ, если вы будете отдавать все свои силы борьбе за полную победу коммунизма и эта великая идея будет доминировать в вашем сознании, то я не сомневаюсь, что вы действительно проживете большую жизнь»¹.

Итак, нравственные чувства — это проникновение человека в дела коллектива, в котором он живет, это его отношение к общественным обязанностям, это и его гражданская активность, это и чувство Родины... И эти сложнейшие чувства формируются в семье. То, как мы относимся к событиям в нашей стране, как мы, родители, их оцениваем, как мы говорим о них — чем-то гордимся, из-за чего-то страдаем, чего-то стыдимся — все это не проходит бесследно для ребенка, способствует формированию чувства гордости за свою страну, желания внести свой вклад в ее успехи. То, как мы сами понимаем свое гражданское призвание, насколько мы сами активны в своих гражданских позициях, непременно передается и детям. Мы не безразличны к каким-то упущениям на своем предприятии, мы хотим свою работу выполнять честно и добросовестно — и это наше отношение станет отношением юноши к делам классного коллектива, к его общим работам. Такой юноша не станет запасаться врачебными справками, чтобы спасти себя от мнимых физических перегрузок, когда весь класс едет помогать подшефному колхозу, он не займет позицию стороннего наблюдателя, когда весь класс будет возмущаться недостойным поведением своего товарища. Он будет в

¹ Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М., 1947, с. 96.

гуще общественных дел и событий, потому что его отец и мать ведут себя так же. Такой юноша не станет цинично рассуждать, что вот де там-то и там-то можно купить модные тряпки, а у нас нельзя, что где-то все дозволено, а тут тебя на каждом шагу одергивают — попробуй заори спяну на улице или в трамвае. Юноша не скажет ничего подобного, потому что дома таких разговоров не слышал, дома отец наставлял: жизнь твоя в труде, делай работу честно, выполняй ее так, чтобы не стыдно было перед другими и чтобы самого совесть не мучила. От тебя, от таких, как ты, от нашего труда в первую очередь зависит благополучие советского государства. И вновь-таки наше собственное отношение к труду, наш пример — во многом залог воспитания гражданской зрелости наших взрослых детей. Наша честность, наше понимание своего долга, наше отношение к общественной собственности передаются нашим детям.

Однако, далеко не всегда пример близких — единственное условие формирования у ребенка нравственных основ его поведения.

Формирование нравственных чувств, а значит, и соответствующее нравственное поведение определяются и многими другими факторами, в первую очередь активным вниманием родителей к делам ребенка, их горячим желанием развить нравственные основы его поведения. Не менее важное значение имеет система трудового воспитания в семье.

Воспитание чувств, а тем более нравственных — процесс чрезвычайно сложный. Нельзя рассматривать ребенка лишь как объект приложения наших воспитательных воздействий к чему-то совершенно аморфному и пластичному. Нельзя полагать, что достаточно нам поставить цель, планомерно добиваться ее осуществления — и все в порядке: ребенок прекрасно воспитан. Мало быть хорошими, порядочными людьми, чтобы наши дети во всем нам следовали. Если бы все было так просто, никогда бы не было родительских слез, упреков, беспокойства, волнения, даже горя. К сожалению, и в хороших семейных условиях бывают неудачи в деле воспитания детей. По мере того как развивается общение ребенка с окружающими и приобретается жизненный опыт, начинают формироваться его собственные нравственные позиции, взгляды и установки, которые постепенно становятся устойчивыми и начинают определять его поступки и поведение. И если мы упустили этот момент превращения эпизодических нравственных знаний и представлений в устойчивые личностные мотивы поступков, то нам будет уже очень трудно управлять поведением ребенка в тех случаях, когда эти устойчивые взгляды, а затем и внутренние установки будут противоречить нашим жизненным установкам и убеждениям.

Вот почему наше родительское внимание к делам ребенка, не навязчивое, не «архиактивное», но и не пассивное, может во многом предупредить нежелательные формы поведения нашего взрослого сына или дочери.

* * *

Итак, мы рассмотрели некоторые, на наш взгляд, наиболее важные аспекты воспитания эмоциональной сферы ребенка, напомним о трудностях, остановились на тех положительных возможностях воспитания, которые таят в себе чувства, в первую очередь нравственные, интеллектуальные и эстетические. Может быть, мы где-то сгустили краски, заострили внимание на отрицательных примерах, однако последнее оправдано нашим стремлением предупредить возможные ошибки в семейном воспитании. Мы глубоко уверены, что прежде всего родители направляют процесс воспитания, что в первую очередь от семьи, ее цельности, прочности, нравственных основ зависит будущая жизненная позиция ребенка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Что такое чувства и эмоции?	5
Чувства отомрут или им жить и жить?	14
Что может чувствовать младенец?	22
Роль положительных эмоций в развитии ребенка	27
Уже самый маленький ребенок страдает, радуется, боится	34
Чувство гнева и его «производные» — капризы, упрямство	41
Чувство «я» и эгоизм	50
Сочувствие и сострадание как «противоядие» эгоизму	57
Зарождение интеллектуальных чувств — первые «почему?», «зачем?», «отчего?». Страхи детей	66
Чувства уверенности, успеха и неуспеха. Их значение в учебной деятельности ребенка	73
Эмоция как мотив поступка. Стыд, вина, совесть	78
Чувства и характер ребенка	85
Чувство взрослости. Когда оно возникает?	94
Без эмоций нет интересов. Интеллектуальные и эстетические чувства	102
Чувство любви. Радоваться ему или бояться его?	107
Нравственные чувства	113

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ
Елена Ипполитовна Кульчицкая
Воспитание чувств детей в семье

Заведующий редакцией педагогики М. И. Мухин. Редактор В. И. Ковальчук. Литредактор Г. В. Брезницкая. Художеств. редактор Г. И. Грибова. Обложка художника Е. А. Ильницкого. Технич. редактор М. С. Губарь. Корректоры Л. В. Липницкая, Е. И. Зубченко.

Информ. бланк № 3239.

Сдано в набор 09.07.82. Подписано к печати 03.12.82. БФ 04792. Формат 60×84/16. Бумага газетная. Гарнитура литературная. Способ печати высокий. Услови. лист. 7,48. Услови. кр.-отт. 7,83. Уч. изд. лист. 7,54. Тираж 170000 экз. Изд. № 28176. Зак. № 2-273. Цена 20 к.

Издательство «Радянська школа». 252053, Киев, Ю. Коцюбинского, 5.

Книжная фабрика имени М. В. Фрунзе, 310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

20 к.

